

Министерство науки и высшего образования
Республики Казахстан

Некоммерческое акционерное общество
«Торайгыров университет»

Б. К. Жумабекова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное пособие

Павлодар
Toraighyrov University
2026

УДК 80/81
ББК 81.2
Ж88

**Рекомендовано к изданию Учёным советом
НАО «Торайгыров университет»
(Протокол № 9/4, от 27 марта 2026 года)**

Рецензенты:

А. Ш. Жумашева – доктор филологических наук, профессор Торайгыров университет;

О. А. Анищенко – доктор филологических наук, профессор НАО Кокшетауский университет им. Ш. Валиханова;

Г. К. Кушкарлова – кандидат филологических наук, профессор, НАО Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова.

Жумабекова Б. К.

Ж88Функциональная лингвистика: учебное пособие / Б. К. Жумабекова.
– Павлодар : Toraighyrov University, 2026. – 142 с.

ISBN 978-601-345-744-4

В учебном пособии изложены теоретические основы функциональной лингвистики, а также освещены актуальные вопросы отечественной науки в аспекте лингвистического функционализма.

Учебное пособие представляет интерес для специалистов в области общего и сравнительного языкознания, германских и романских языков, а также для обучающихся послевузовских уровней образования, в частности магистрантов и докторантов образовательных программ в области филологии, иностранной филологии, переводческого дела и иностранных языков.

УДК 80/81
ББК 81.2

© Жумабекова Б. К., 2026

© Торайгыров университет, 2026

ISBN 978-601-345-744-4

За достоверность материалов, графические и орфографические ошибки ответственность
несут авторы и составители

Введение

Современное языкознание развивается в условиях изменения научной парадигмы, когда внимание ученых смещается от формально-структурного анализа языка к изучению его реального функционирования в речи.

Одним из лингвистических направлений, появившихся в рамках антропоцентрированной парадигмы, является функциональная лингвистика.

В свете современных тенденций в языкознании эта научная дисциплина приобретает особую актуальность, поскольку функциональная лингвистика изучает язык в действии, в его соотнесённости с условиями и целями речевой деятельности.

Настоящее учебное пособие «Функциональная лингвистика» предназначено для обучающихся филологических направлений подготовки, магистрантов и докторантов, а также всех, кто интересуется современными подходами к изучению языка. Цель данного учебного пособия – сформировать целостное представление о функциональном подходе в лингвистике, раскрыть ключевые теоретические положения и познакомить с основными направлениями и школами функционализма как в зарубежной, так и в отечественной науке.

Содержание охватывает ключевые разделы курса: теоретико-методологические основы функциональной лингвистики, объект и предмет исследования, принципы функционального анализа, зарубежный и отечественный функционализм, функциональную грамматику, лингвистическую прагматику, дискурс и дискурсивный анализ, теорию речевых актов. Особое внимание уделено отечественной научной традиции, что повышает актуальность издания в контексте национальной образовательной среды.

Лекции в пособии сопровождаются чётко сформулированными целями обучения, перечнем ключевых терминов, вопросами для самоконтроля и списком рекомендуемой литературы.

Для закрепления теоретического материала и формирования навыков самостоятельной работы обучающимся предложены тестовые задания.

Данный системный подход направлен как на усвоение теоретического материала, так и развитие навыков аналитического мышления, самостоятельной работы и критической оценки научной информации.

1 Теоретико-методологические основы функциональной лингвистики

Цели обучения

В результате изучения данной лекции обучающийся должен уметь:

- раскрыть теоретико-методологические основы становления функциональной лингвистики.
- показать переход от структурной и прикладной лингвистики к функциональной парадигме.
- охарактеризовать ключевые принципы антропоцентрического и коммуникативно-функционального подходов.
- определить основные направления функциональной лингвистики и их значение для современной науки о языке.

Ключевые термины

Структурная лингвистика, прикладная лингвистика, функциональная лингвистика, антропоцентризм, коммуникативный подход, функциональная грамматика, лингвистическая прагматика, дискурс-анализ.

1.1 Научные направления и школы: структурная и прикладная лингвистика

История языкознания XX века во многом определялась развитием структурного направления, возникшего на основе идей Фердинанда де Соссюра. Согласно его взглядам, язык представляет собой систему взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет значение лишь в рамках этой системы. На основе этих идей была сформирована структурная лингвистика, в рамках которой язык рассматривался как замкнутая, самодостаточная структура.

Крупнейшими центрами структурной лингвистики стали Пражский лингвистический кружок (Н. С. Трубецкой, Р. Якобсон и др.), Копенгагенская школа (Л. Ельмслев) и американский дистрибутивизм (Л. Блумфилд). важнейшими достижениями этого направления стали разработка фонологических теорий, методов дистрибутивного анализа, классификация языков по структурным признакам.

Несмотря на значительные успехи, структурная лингвистика в меньшей степени объясняла, как именно язык функционирует в реальном общении. Акцент делался на формах, но не на функциях языковых единиц, что вызывало критику со стороны представителей

новых направлений. Структуралисты стремились описать язык вне его социального и коммуникативного функционирования, сосредоточившись на выявлении формальных отношений между элементами.

Сильная сторона структурной лингвистики заключалась в ее строгости и системности: были разработаны методы дистрибутивного анализа, фонологические школы, классификации языков. Однако ограниченность формального подхода постепенно становилась очевидной: он не давал ответа на вопросы о целях использования языковых средств, об их роли в коммуникации и взаимодействии с культурным и когнитивным контентом.

Параллельно развивалась прикладная лингвистика, целью которой стало использование теоретических знаний о языке для решения практических задач. В ее рамках решались вопросы автоматического перевода, создания словарей, методики преподавания языков, разработки систем машинной обработки текста. Именно прикладная лингвистика впервые ясно показала, что невозможно ограничиваться изучением языка как абстрактной системы и то, что необходимо учитывать функционирование языка в реальной коммуникации. Это подтолкнуло к формированию новой парадигмы.

Таким образом, структурная лингвистика заложила основы научного анализа языка как системы, а прикладная лингвистика показала необходимость его практического применения. Их развитие подготовило почву для перехода к функциональной лингвистике, в которой язык изучался как средство реализации коммуникативных, когнитивных и социальных функций.

1.2 Новая парадигма знаний и место в ней функциональной лингвистики

Современное языкознание развивается в условиях изменения научной парадигмы, когда внимание ученых смещается от формально-структурного анализа языка к изучению его реального функционирования в речи. Если в первой половине XX века язык рассматривался преимущественно как замкнутая система знаков (Ф. де Соссюр, структурализм, американский дистрибутивизм), то в конце XX-начале XXI века акцент сместился на антропоцентрический, коммуникативный и функциональный подходы.

В. А. Маслова рассматривает антропоцентризм как ведущую парадигму современной лингвистики. Разграничивая в языкознании три научные парадигмы – сравнительно-историческую, системно-структурную и антропоцентрическую, – исследователь подчеркивает,

что антропоцентрический подход означает смещение фокуса внимания ученого с объекта изучения на субъект: в центре оказывается человек как носитель языка и язык как составляющая внутреннего мира человека [1, с. 7–8].

Одним из лингвистических направлений, появившихся в рамках антропоцентрированной парадигмы, является функциональная лингвистика.

Новая парадигма знаний предполагает исследование языка в динамике, в его связи с человеком, на формальных связях между языковыми единицами, современная наука о языке стремится понять, каким образом эти единицы обществом и культурой. В отличие от традиционного структурализма, сосредоточенного используются для передачи смыслов, организации общения и выражения ментальных процессов.

Ключевыми характеристиками новой парадигмы являются:

- Антропоцентризм — человек и его коммуникативные потребности находятся в центре внимания;
- Коммуникативная направленность — язык рассматривается прежде всего, как инструмент общения;
- Функциональность — исследуются цели и задачи использования языковых средств, их роль в коммуникации;
- Интердисциплинарность — язык изучается во взаимодействии с когнитивными науками, психологией, культурологией, философией, социологией.

В этих условиях функциональная лингвистика занимает одно из ведущих мест в современной научной парадигме. Центральной идеей такой функциональной лингвистики является то, что язык следует рассматривать не только как систему форм, но и как совокупность функций, реализуемых в речевой деятельности. Языковые единицы исследуются с точки зрения их коммуникативного назначения, их участия в передаче информации, выражении эмоций и воздействии на адресата.

«Системно-структурное описание языка обогатило нас знанием о языке, тогда как функциональное дает и знание языка, и знание того, как языковые единицы разных уровней и модели их синтеза, соединения используются в речевой деятельности в процессах продуцирования и понимания речи» [2, с. 192].

Особое значение в функциональной лингвистике имеют такие направления как:

- функциональная грамматика (А. В. Бондарко, Г. А. Золотова), изучающая грамматические категории в их функционально-семантических проявлениях;

- лингвистическая прагматика (Г. П. Грайс, Дж. Лич), сосредоточенная на принципах кооперации, вежливости и имплицатуры;

- теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль), объясняющая, каким образом высказывания функционируют как действия;

- дискурсивный анализ (Т. ван Дейк, М. М. Бахтин), направленный на исследование языка в контексте социальных и когнитивных процессов.

Таким образом, функциональная лингвистика становится ключевым компонентом новой парадигмы знаний. Она обеспечивает связь между теоретическим описанием языка и практикой его использования, позволяет учитывать когнитивные и прагматические аспекты коммуникации, а также открывает перспективы для междисциплинарных исследований.

Именно в функциональной парадигме язык предстает не как абстрактная структура, а как живое средство взаимодействия, влияющее на мышление, культуру и социальное развитие.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключаются основные принципы структурной лингвистики?

2. Какие направления сформировались в рамках структурного подхода?

3. Каковы ограничения структурной лингвистики и почему она уступила место функциональному подходу?

4. Что понимается под прикладной лингвистикой и какова ее роль в становлении функциональной парадигмы?

5. Каковы ключевые признаки новой научной парадигмы XXI века?

6. В чем проявляется антропоцентризм современной лингвистики?

7. Чем функциональная лингвистика отличается от системно-структурного подхода?

8. Назовите ведущие направления функциональной лингвистики и их представителей.

9. Почему функциональная лингвистика рассматривает язык как средство взаимодействия, а не как систему форм?

10. В чем заключается значение функциональной лингвистики для современных междисциплинарных исследований?

2 Функциональная лингвистика как научное направление

Цели обучения:

В результате изучения данной лекции обучающийся должен уметь:

- определить объект и предмет функциональной лингвистики;
- раскрыть сущность функционализма как методологии лингвистического знания;
- показать различия между формальными и функциональными направлениями языкознания;
- охарактеризовать основные принципы анализа языка в функциональной парадигме.

Ключевые термины

Функциональная лингвистика, языковая функция, Пражская лингвистическая школа, функциональная грамматика, коммуникативный подход, форма и функция, принцип от функции к форме.

2.1 Объект и предмет функциональной лингвистики. Основные научные направления

Функциональная лингвистика сформировалась в рамках структурного направления языкознания, для которого принципиально важным было рассмотрение языка не только как абстрактной системы, но прежде всего, как средства коммуникации. В центре внимания функционального подхода находится идея целевой обусловленности языковых средств, согласно которой языковая форма определяется выполняемой ею функцией. Язык в этом понимании предстает как организованная совокупность средств выражения, ориентированных на реализацию определённых коммуникативных задач. Данный принцип получил обозначение телеологического и был чётко сформулирован в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» (1929), разработанных Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким и С. О. Карцевским. Впоследствии эта идея была развита и углублена в трудах других представителей Пражской лингвистической школы, что способствовало становлению функциональной парадигмы в языкознании.

Функциональная лингвистика — это не просто набор методов описания языка, а целостная парадигма, в которой язык мыслится как средство социального взаимодействия и когнитивной деятельности. В отличие от формально-структурных школ, сосредоточенных на автономной системе, функциональный подход объясняет почему язык

устроен так, как он устроен: какие коммуникативные, когнитивные и социальные задачи обслуживают его единицы и структуры. Идея «язык как средство общения» проходит через многие направления XX века – от Пражской лингвистической школы (далее – ПЛШ) (А. Ю. Матезиус, Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон) до системно-функциональной модели М.А.К. Халлидея, функциональной грамматики С. Дика, ролевой и референциальной грамматики (РРГ) У. Фоли и Р. ван Валина, а также работ Т. Гивона о связи грамматики с дискурсом.

Понятие языковой функции является ключевым в концепции Пражской лингвистической школы и восходит к теории языка немецкого учёного К. Бюлера, который в рамках модели «Organon» выделил три основные функции языка: экспрессивную (Ausdrucksfunktion), апеллятивную (Appelfunktion) и репрезентативную (Darstellungsfunktion) [3, с. 34–35].

Термин «функциональная лингвистика» возник под влиянием ряда лингвистических концепций XX века и стал применяться в языкознании, поскольку в каждом описании языка и его грамматики всегда присутствовал в той или иной мере функциональный аспект. Так что функциональная грамматика и функциональная лингвистика – это не абсолютно новые направления в языкознании, они опираются на длительную традицию, и вместе с тем функциональная грамматика и функциональная лингвистика – это особые направления в современной науке о языке, специальным предметом изучения которых стали функции и функционирование языковых единиц и языковой системы в речи. «Они являются дальнейшим развитием системно-структурного изучения языка, но на принципиально новой основе: система языка понимается не только как некоторое целое, состоящее из взаимосвязанных элементов, но и как целое, состоящее из элементов, обладающих определенными функциями в речи человека. Функциональному подходу к изучению языка и его элементов способствовали и изменения в общей теории систем и развитии кибернетики, в которых стало обращаться внимание на «поведение» (= функции) систем и их элементов в окружающей среде» [4, с. 5–6].

«Функциональная лингвистика (функционализм) – совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения» [5, с. 566].

Объектом выступает язык как система и как деятельность: система знаков с уровнями и отношениями и одновременно процесс говорения/понимания в конкретных ситуациях. Предмет – функции языковых единиц и механизмов: что именно «делают» фонемы,

морфемы, конструкции, текстовые связи в коммуникации, как они обеспечивают референцию, предикацию, модальность, информативную структуру, вежливость и др. В этом фокусе лежит связь формы и функции: форма рассматривается не сама по себе, а как средство достижения коммуникативного эффекта.

Основополагающей идеей функционализма выступает объяснение языковой формы её функциями. Таким образом, в функциональной лингвистике меняется точка отсчета в исследовании языка, поскольку его элементы выделяются и описываются прежде всего по их функциональному качеству, что позволяет описать язык и его элементы в единстве их структурно-системного и функционального аспектов, а не «разводить» эти аспекты в разные стороны [4, с. 5–6].

Практически это приводит к анализу языка на всех уровнях «в действии»: фонема понимается через различительную функцию (Н. С. Трубецкой), грамматические категории – через их участие в организации высказывания и текста (А. В. Бондарко; М. А. К. Halliday), синтаксические конструкции – через их дискурсивную и информационную роль (J. Firbas; T. Givón). Важны и социокультурные функции языка: распределение регистров и стилей, жанровые нормы, связь выбора средств с социальными ролями и институциональной коммуникацией (М. А. К. Halliday).

«Обращение к теме человеческого фактора в языке свидетельствует о важнейшем методологическом сдвиге, намечившемся в современной лингвистике, а именно о смене ее базисной парадигматики и переходе от лингвистики «имманентной» с ее установкой рассматривать язык «в самом себе и для себя» к лингвистике антропологической, предполагающей изучать язык в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением, духовно-практической деятельностью» [6, с. 8].

Для функциональной лингвистики характерен динамический взгляд на язык: он трактуется как целостная функциональная система, которая постоянно взаимодействует с внешней средой и меняется в зависимости от условий общения.

В рамках данного направления функциональный анализ ориентирован на выявление способов, посредством которых языковые единицы выполняют свои функции на различных структурных уровнях языка, а также на установление характера взаимосвязей между этими уровнями и механизмов их взаимного воздействия.

В функциональной лингвистике выделяют несколько подходов. Коммуникативный подход рассматривает языковые элементы через их роль в системе и через отношения с другими единицами.

Контекстный подход акцентирует зависимость функций языковых средств от среды: анализируется их значение в составе целого высказывания или текста, а также то, как контекст переопределяет функции отдельных компонентов. Семасиологический и ономасиологический подходы сосредоточены на выражении значения: первый выстраивает анализ от формы к содержанию, второй – от содержания к форме.

Л. П. Мурашова к основным направлениям функциональной лингвистики относит функциональную грамматику, которая описывает единую систему разноуровневых средств, объединённых общими семантическими функциями. Также выделяет функциональный подход к интерпретации текста, где объектом исследования становятся речевые произведения – высказывания, сверхфразовые единства и тексты. В этот круг входят и функциональный синтаксис, и функциональная стилистика, изучающие закономерности организации и употребления языковых средств в зависимости от задач коммуникации [7, с.81–83].

Функциональная лингвистика как направление современной лингвистической науки находится на этапе активного развития. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема классификации и описания культурных концептов, поскольку именно через них раскрывается функциональная взаимосвязь языка, мышления и культуры. Изучение типов культурных концептов позволяет выявить способы отражения социокультурного опыта в языковых структурах и расширяет представления о функциональной природе языка.

Функциональный анализ в языкознании направлен на исследование того, каким образом языковые единицы реализуют свои функции на различных уровнях языковой системы и как эти уровни взаимодействуют между собой. Функции проявляются на всех ярусах грамматической организации языка, включая фонологический уровень, где фонема выполняет различительную функцию, обеспечивая разграничение лексических значений. Такой подход позволяет рассматривать язык не как совокупность изолированных элементов, а как целостную систему, в которой форма и значение определяются условиями функционирования в речи.

«Функциональные характеристики языковых единиц зачастую представляются как окказиональные, находящиеся за пределами системы языка. Термин функционирование поэтому обычно противопоставляется термину языковая система ... С одной стороны, многие функциональные свойства языковых единиц и их категорий проявляются появляются в речи – было бы ошибкой во всех нюансах

употребления языковых знаков искать реализацию системно закодированных правил. С другой стороны, языковая компетенция человека (а также языковых групп) организована по принципу оптимальности, это значит – таким образом, что хранимая в памяти система знаков «подстраивается» к условиям ее функционирования, конфигурируется с учетом социального, культурного, межличностного, физического и т.д. контекста. В радикальных идиоэтнических концепциях (например, Л. Вайсгербера или В. Н. Волошинова) прямо утверждается, что структура и семантика языковых знаков отражает социальную структуру носителей языка. Поэтому информация о функциональных характеристиках языковых единиц должна составлять важную часть лингвистического описания, независимо от того, идет ли речь о единицах знаковых, субзнаковых или суперзнаковых уровней языках» [8, с. 10].

А. К. Киклевич отмечает, что в рамках прагматически ориентированной парадигмы современная функциональная лингвистика представляет собой совокупность разнородных, но взаимосвязанных научных направлений [8, с. 10]. К ним относятся лингвокультурология, этнолингвистика, когнитивная и коммуникативная лингвистика, социолингвистика и социология языка, динамическая семантика и ряд других областей, объединённых вниманием к языку как инструменту целенаправленной человеческой деятельности. Таким образом, функциональный подход в языкознании выходит за пределы сугубо системного описания и ориентируется на анализ языка в его прагматическом и коммуникативном измерении.

В русистике данная установка нашла отражение в классификации, предложенной М. И. Конюшкевич, которая в исследованиях по грамматике русского языка выделяет четыре основных направления, относимых к функциональной парадигме [9].

Первое направление связано с функционально-семантическим описанием разноуровневых языковых средств, объединённых общей смысловой функцией. В основе такого подхода лежит понятийная (семантическая) категория, которая может реализовываться средствами разных языковых уровней – грамматическими, лексическими либо имплицитно, за счёт контекста. Эти средства образуют функционально-семантические поля, представляющие собой полевые структуры. Данный подход наиболее последовательно и теоретически разработан в трудах А. В. Бондарко и его научной школы.

Второе направление сосредоточено на изучении функций языка и закономерностей функционирования его единиц и подсистем как в языке в целом, так и в пределах отдельных функциональных стилей.

В рамках этого подхода анализируется взаимодействие грамматических средств с коммуникативными задачами речи. К числу наиболее значимых работ данного направления М. И. Конюшкевич относит исследования Г. А. Золотовой, посвящённые функциональному синтаксису.

Третье направление сформировалось на базе практики преподавания русского языка как иностранного и носит ярко выраженный прикладной характер. Его предметом является не только семантическая организация языка и система средств её выражения, но и механизмы, обеспечивающие эффективное функционирование языковых единиц в реальных речевых конструкциях в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего. Наиболее активно данный подход разрабатывается в трудах М. И. Всеволодовой.

Четвёртое направление функциональных исследований ориентировано на изучение взаимосвязи языка с культурной и этнической средой его функционирования. В этом контексте особое значение приобретает русская этнолингвистическая традиция, представляемая научной школой Н.И. Толстого, в рамках которой язык рассматривается как отражение культурных ценностей и коллективного опыта народа [8, с.13–14].

Отличительные парадигмальные черты современной лингвистики, сформулированные Е. С. Кубряковой, логично дополняют и концептуально углубляют представленную выше функционально-прагматическую картину языка. По наблюдению исследователя, развитие языкознания на рубеже XX–XXI вв. характеризуется четырьмя взаимосвязанными тенденциями: экспансионизмом, антропоцентризмом, неофункционализмом и экспланаторностью [9]. Эти признаки отчетливо проявляются именно в тех направлениях, которые были обозначены А. К. Киклевичем [8] и М. И. Конюшкевич [10] как ядро современной функциональной парадигмы.

Экспансионизм современной лингвистики обусловлен общенаучным сдвигом в сторону междисциплинарности: язык все чаще рассматривается во взаимодействии с когнитивными, социальными, культурными и психологическими факторами, что требует привлечения методологий смежных дисциплин – психологии, социологии, культурологии, философии и др. [10]. Антропоцентризм и неофункционализм, по справедливому замечанию Г. А. Золотовой, фактически заданы самой природой языка: «язык существует постольку, поскольку он используется человеком в деятельности и коммуникации, а потому его описание неизбежно ориентировано на говорящего как центрального субъекта языкового процесса»

[11, с. 107–108]. Экспланаторность же отражает переход от преимущественно описательных моделей языка к объяснительным, ориентированным на выявление причин, механизмов и условий функционирования языковых явлений. Как образно сформулировал А. Е. Кибрик, современная лингвистика движется от «что-лингвистики» к «как-лингвистике» и далее – к «почему-лингвистике» [12, с. 219].

Тем самым функциональная лингвистика в ее современном понимании предстает как интегративная, полипарадигмальная область знания, в которой системные характеристики языка осмысливаются через призму его использования, когнитивных процессов и социокультурной обусловленности. Именно в этом контексте функциональный подход приобретает статус не частного метода, а одной из базовых методологических установок современного языкознания, что подтверждается как теоретическими обобщениями Е. С. Кубряковой, так и классификациями функциональных направлений, предложенными М. И. Конюшкевич и развиваемыми в трудах А. К. Киклевича.

Таким образом, основными чертами современной лингвистики являются: разнообразие, многомерность объекта и предмета исследования; специфичность принципов (неофункционализм, антропоцентризм); новая методологическая база (экспансионизм, интеграционность, культуроцентризм, социоцентризм, дискурсивность); характер результатов (экспланаторность, поиск изоморфизма в языке и других предметных областях, плюрализм) [13].

Функционализм в современной науке сформировался как направление, опирающееся на междисциплинарные связи. Для него характерно обращение к методологическому и понятийному аппарату смежных гуманитарных и естественно-научных дисциплин, что соответствует общим тенденциям развития научного знания в XXI веке. Такой подход расширяет исследовательские возможности лингвистики, позволяя учитывать данные психологии, социологии, когнитивных наук и других областей при анализе языковых явлений.

В рамках лингвистического функционализма язык рассматривается не как замкнутая формальная система, а как средство реализации разнообразных коммуникативных, когнитивных и социальных задач. Представители данного направления исходят из того, что ключевые характеристики языковой структуры не поддаются адекватному описанию без учёта функций, которые язык выполняет в процессе человеческого общения. Центральным положением функционалистской парадигмы является принцип объяснения

языковых форм через их назначение и роль в речевой деятельности: структура языковых единиц интерпретируется как результат их функциональной обусловленности.

2.2. Функционализм как методология лингвистического знания

В современной лингвистике функционализм в широком смысле противопоставляется формализму (или структурализму в узком, формальном понимании), прежде всего по предмету и целям анализа языка.

Формальные направления

Формальные теории (или формалистические) рассматривают язык как автономную систему знаков, подчинённую внутренним правилам и структурам. Главная цель – описать языковую систему как формальную модель, независимо от её коммуникативной функции.

К формальным направлениям относятся:

- генеративная грамматика (Н. Хомский) – язык как система правил, порождающих бесконечное множество предложений;
- трансформационно-порождающая грамматика – анализ синтаксиса как формальных преобразований структур;
- формальная семантика (Р. Монтегю и последователи) – логико-математическое моделирование значений;
- структурализм в узком смысле (Л. Блумфилд, Н.С. Трубецкой) – язык как замкнутая структура без связи с экстралингвистической действительностью.

Для этих подходов характерно:

- ориентация на форму, а не на функцию;
- стремление к строгим логическим моделям;
- абстрагирование от контекста, прагматики и коммуникативных факторов.

Функциональные направления

Функционализм, напротив, исходит из того, что язык – инструмент коммуникации, а грамматические структуры формируются и объясняются через их функцию в речи. Сюда относятся:

- Пражская лингвистическая школа (Н. С. Трубецкой, В. Матезиус, Б. Гавранек) – идея «функции языковых средств».
- Функциональная грамматика (А. В. Бондарко, С. Дик) – анализ языковых категорий через их роль в выражении смысла.
- Коммуникативная грамматика (Г. А. Золотова) – грамматика как средство организации высказывания.

- Системно-функциональная грамматика (М. А. К. Халлидей) – язык как социально-коммуникативная система.
- Когнитивная лингвистика (Р. Лангакер, Дж. Лакофф) – связь языковых структур с когнитивными процессами.

Для функционализма характерно:

- объяснение формы через функцию;
- ориентация на речь, контекст и прагматику;
- внимание к смыслам, коммуникативным задачам и познавательной деятельности.

Рисунок 2.1 – Классификация формальных и функциональных направлений функционализма

Функционализм можно считать одной из наиболее влиятельных и масштабных идейных парадигм лингвистики XX и начала XXI века. Ни сравнительно-историческое языкознание, ни структурализм, ни

генеративная грамматика не оказали столь всеобъемлющего влияния на понимание природы языка.

За прошедшее столетие функциональный подход был значительно обогащён теоретическим и эмпирическим опытом. Идеи К. Бюлера и Р. Якобсона, которые предложили классификацию языковых функций и описали их многообразие, получили развитие в многочисленных исследованиях, стремившихся систематизировать функции языка и речи. Учёные различали первичные и вторичные, внутренние и внешние функции, а также функции языка как системы и функции речи как процесса. Позднее эти категории начали рассматриваться и на уровне текста как особого коммуникативного целого [14–16].

В функционализме сложились несколько устойчивых школ, каждая из которых предлагает свой аналитический аппарат, но все они исходят из объяснительного приоритета функций над «чистой» формой.

Системно-функциональная лингвистика (М. А. К. Halliday).

Язык трактуется как социальный семиотический ресурс. Ключевая идея – три «метафункции» языка, которые реализуются одновременно: идеационная (представление опыта), интерперсональная (выражение отношений и позиций участников общения) и текстовая (организация сообщения в связный дискурс). На уровне клаузы это выражается через системы процессов (transitivity), модальности/модуса (interpersonal), тематизации/рематизации (textual). Исследователь движется от коммуникативной задачи к набору системных опций, доступных говорящему в данном регистре и жанре. Данный подход был тщательно изложен в трудах М. А. К. Халлидея «Language as Social Semiotic» [17], «An Introduction to Functional Grammar» [18].

Функциональная грамматика (S. C. Dik) и др.

С. Дик в своих трудах «Functional Grammar» [19], «The Theory of Functional Grammar» [20] описывает грамматику как иерархию уровней (семантический, синтаксический, прагматический), где конструкции мотивированы их коммуникативной полезностью. Важными считаются прагматические функции топика и фокуса, операторы и «спутники» (operators & satellites), а также типологическая сопоставимость языков. На этой основе в англо-американской традиции укрепляется объяснение синтаксиса через роли участников и информационную структуру.

Ролевая и референциальная грамматика (PPГ) (W. Foley & R.D. Van Valin).

PPГ прямо связывает синтаксис с семантикой и прагматикой: макророли (Actor / Undergoer), типы предикатов, механизмы

«линкования» между смысловыми структурами и синтаксическими шаблонами, приоритеты информационной структуры при выборе порядка слов и пассивизации. Модель удобна для межъязыковой типологии и объяснения вариативности. РРГ более подробно описана в трудах «Functional Syntax and Universal Grammar» [21], «Exploring the Syntax–Semantics Interface» [22].

Американский функционализм (Т. Givón и др.).

Т. Гивон формулирует известный тезис: «сегодняшний синтаксис - вчерашний дискурс», показывая, как грамматикализация дискурсивных стратегий порождает грамматические формы, а иконичность и обработочная лёгкость (processing) влияют на выбор конструкций. Фокус – связь между употреблением, когнитивной обработкой и оформлением грамматики [23; 24].

Отечественная функциональная традиция

В русскоязычной школе особую роль играет функциональная грамматика А. В. Бондарко (категориальные ситуации, функционально-семантические поля времени, вида, залога, модальности), коммуникативный синтаксис Г. А. Золотовой (тема/рема, типы синтаксических значений), развитие функционально-стилистических исследований (В. В. Виноградов и последователи). Эти подходы показывают, как объяснение грамматики опирается на её функциональные нагрузки в реальном употреблении.

Данные направления нашли свое отражение в казахстанской лингвистике в трудах Н. Г. Шаймердиновой, М. Б. Нуртазиной и А. Ш. Сулейменовой и др. Труды таких ученых как К. Т. Рысалды, А. П. Комаров, М. Жолшаева, Б. Капалбеков, Б. С. Абдуова, У. О. Асанова, К. К. Кошерова, А. А. Солтанбекова, А. А. Жанабекова и др. внесли вклад в развитие отечественной функциональной лингвистики в плане анализа падежей, наклонений, временных форм не только в формальном, но и в функциональном аспекте. Также с позиции функциональной стилистики особую роль сыграли исследования и идеи Х. Х. Махмудова и его учеников, и последователей – Б. М. Джилкибаева, В. В. Бадикова, Д. Сагдуллаева, В. Г. Салагаева и др.

Методологический «каркас» функционализма строится на нескольких установках.

Во-первых, объяснительный приоритет функции: описание считается неполным, пока не показано, какие коммуникативные задачи выполняет форма. Отсюда интерес к данным употребления – спонтанной речи, корпусам, дискурсивным практикам – и к межъязыковой типологии: функции универсальны, формы вариативны.

Во-вторых, интеграция уровней: синтаксис, семантика, прагматика и дискурс анализируются вместе. В системно-функциональной лингвистике (СФЛ) это выражается через «сквозную» реализацию метафункций; в ролевой и референциальной грамматике (РРГ) – через механизмы линкования; у Дика – через сопоставление прагматических функций и синтаксических структур. Такая интеграция сближает лингвистику с когнитивными науками (внимание, память, обработка) и социолингвистикой (регистры, жанры, роли).

В-третьих, принцип достаточности данных: функциональное объяснение не должно быть «вольной» интерпретацией. Оно опирается на наблюдаемый выбор говорящих, поведенческие и корпусные показатели (частотность, предсказуемость, позиционные предпочтения), иногда – на экспериментальные данные.

Наконец, сопоставимость и объяснительная экономия: одна и та же функциональная мотивация (например, выдвижение новой информации) может объяснить сходные явления в разных языках (порядок слов, частицы, интонацию), а правила вывода остаются минимальными и обобщёнными.

2.3 Принципы анализа языка в функциональной лингвистике

Структурализм дал языкознанию понятия *системности* и *оппозиций*, методы сегментации и объективного описания. Функционализм не отвергает этого наследия: он добавляет измерение цели и употребления. Структурный анализ отвечает на вопрос «как устроена система», функциональный – «зачем и как она используется». На практике оба подхода часто комплементарны: структурное описание задаёт инвентарь единиц и отношений, а функциональный анализ показывает их распределение и мотивацию в реальном общении.

Так, фонологическая система описывается через оппозиции (Н. С. Трубецкой), но употребление показывает их нагруженность и взаимодействие с морфологией; синтаксис фиксирует допустимые порядки слов, а функциональный анализ объясняет, почему в одних регистрах доминирует структура SVO (S – subject/субъект, V – verb/предикат, O – object/объект), а в других оправданы выносы темы или фокуса. Иными словами, функциональный анализ позволяет объяснить, почему в одних регистрах доминирует каноническая структура, тогда как в других коммуникативных условиях оправданы отклонения от нейтрального порядка слов, связанные с выносом темы или фокуса.

Такие перестройки отражают не нарушение грамматической нормы, а адаптацию синтаксической структуры к информационной организации высказывания.

В функциональной грамматике деятельность основных языковых единиц напрямую связана с понятием «функция». Под функцией понимается реализация языковых единиц в процессе выбора и употребления их говорящим – от смысла к форме. В этом контексте функциональная грамматика рассматривает взаимодействие единиц разных уровней языка (лексического, морфологического, синтаксического) как процесс их объединения в общем функциональном поле, где каждая единица выполняет свою роль в построении высказывания.

Функции языка подразделяются на внутренние и внешние.

1. Внутренняя функция связана с формированием грамматических структур в процессе мышления – это своего рода внутреннее моделирование, отражающее переход от замысла к грамматическому выражению мысли.

2. Внешняя функция – это способность говорящего и слушающего использовать грамматическую систему языка в процессе коммуникации. При этом учитываются особенности восприятия, понимания и языкового опыта участников общения.

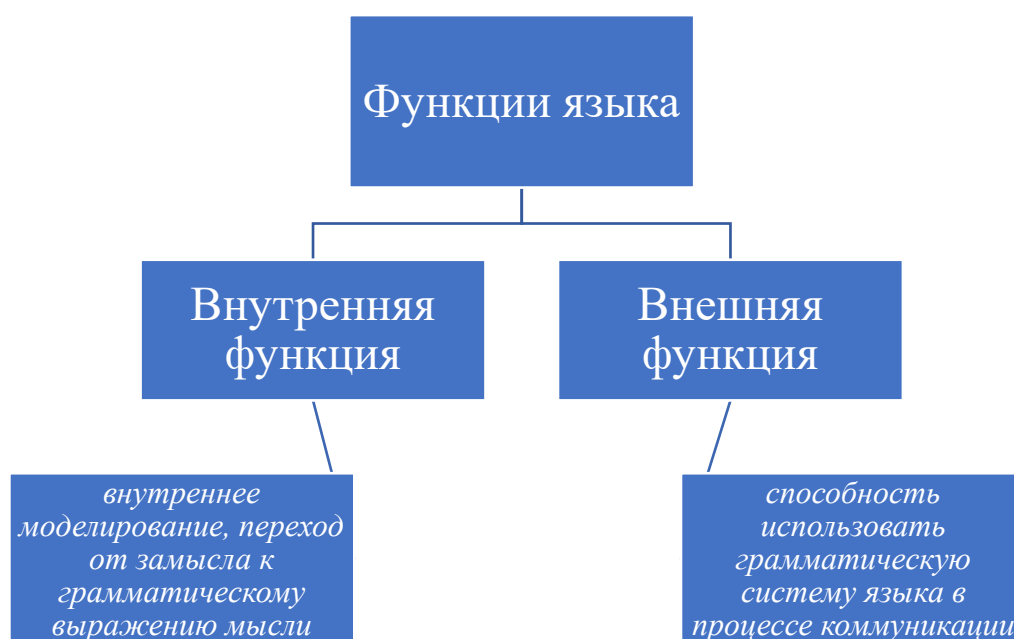

Рисунок 2.2 – Функции языка

Функциональная лингвистика использует два взаимодополняющих аналитических маршрута.

От функции к форме

Исследователь начинает с коммуникативной задачи: выразить вопросность, новизну информации, вежливую просьбу, причинно-следственную связь. Далее он выявляет репертуар средств, которые язык предоставляет для этой задачи: морфосинтаксические конструкции (вопросительные инверсии, частицы), интонационные шаблоны, лексико-грамматические маркеры. В СФЛ это соответствует выбору системных опций в «пространстве» метафункций; у Дика – соотнесению прагматических функций Топик/Фокус с синтаксической реализацией; в РРГ – выбору линкования семантики с синтаксисом, включая пассивизацию или изменение порядка в зависимости от информационной структуры.

От формы к функции

Исходя из заданной формы (например, пассивной конструкции, определённого падежа, частицы), исследователь устанавливает её типичные функции в дискурсе: выдвижение объекта, фонового агенса, тематизация, маркирование (не)определённости, смягчение директивы и т. д. Такой анализ показал, что многие «варианты» порядка слов систематично коррелируют с распределением темы и ремы (Пражская школа, В. Матезиус; J. Firbas), а грамматические категории – с функционально-семантическими полями (А. В. Бондарко).

Оба принципа используются вместе: от функции – чтобы объяснить выбор говорящего; от формы – чтобы описать её участок «работы» в системе. Это обеспечивает двустороннюю проверяемость анализа.

Функционализм выдвигает на первый план данные употребления (корпуса, записи спонтанной речи), типологическое сравнение и дискурсивный контекст. Он объясняет, почему обучение письму и устной речи, разработка стандартов академического дискурса, анализ медийных и институциональных жанров нуждаются не только в грамматических правилах, но и в понимании коммуникативных функций. Для прикладных областей – от преподавания до НЛП – это означает проектирование решений «под задачу»: от выбора регистров и жанров до распознавания информационной структуры.

Как зрелая научная парадигма, функциональная лингвистика предлагает объяснение языка через его назначение. Она показывает, что форма мотивирована задачами общения, а структура – это «замороженный» опыт дискурса.

В учебной и исследовательской практике это означает анализ языка «в действии», прицельно под функцию – и возврат к форме лишь как к инструменту её реализации.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается основная идея функционализма?
2. Чем объект и предмет функциональной лингвистики отличаются от структурной?
3. Какие подходы используются при функциональном анализе языка?
4. Какова роль функции в объяснении языковой формы?
5. Какие направления и школы входят в функционалистическую парадигму?
6. В чем различие между принципами «от функции к форме» и «от формы к функции»?

3 Зарубежный лингвистический функционализм

Цели обучения

В результате изучения данной лекции обучающийся должен уметь:

- раскрыть сущность понятия функции в лингвистике и ее роль в объяснении языковых явлений;
- охарактеризовать основные зарубежные направления функциональной лингвистики (пражская, копенгагенская, британская, американская школы);
- показать вклад ведущих зарубежных лингвистов в развитие функционализма;
- объяснить влияние идей функционализма на современную лингвистику и смежные дисциплины.

Ключевые термины

Функция языка, Пражская лингвистическая школа, Копенгагенская школа, системно-функциональная лингвистика, функциональная грамматика, теория речевых актов, тема и рема, коммуникативная функция.

3.1 Функция как категория лингвистики

Функциональная лингвистика – это направление в современном языкознании, которое рассматривает язык прежде всего, как средство коммуникации и социального взаимодействия. В отличие от формальных школ, стремящихся описывать язык как автономную когнитивную систему, функционалисты ставят в центр внимания то, как язык используется людьми для общения, какие задачи он выполняет и каким образом его структура подчинена этим задачам.

В функциональной лингвистике центральное место занимает понятие функции, однако оно трактуется по-разному в разных научных школах. В широком понимании функция языка – это его назначение как средства коммуникации, через которое удовлетворяются потребности общества [25; 26]. В более узком плане под функцией понимается роль отдельных единиц языка – фонем, морфем, слов, синтаксических конструкций – в организации высказывания и в процессе общения [27; 28].

В грамматике понятие функции получило особое развитие при описании падежной системы славянских языков. По мнению Ю. Н. Завадовского [29], Х. Яхнова [30], падежи нельзя рассматривать только как формы, обладающие морфологическими показателями.

Каждая падежная форма выполняет определённую функцию: обозначает субъект, объект, обстоятельство, тем самым организуя семантическую и синтаксическую структуру предложения. Поэтому падежи трактуются как функциональные категории, что отражает сущность функционального подхода в грамматике.

Идея функции тесно связана с системностью языка. Как подчёркивал Дж. Вахек (Josef Vachek): «ни одно языковое явление не может быть понято безотносительно к системе, частью которой оно является» (*Žádnému jazykovému jevu nelze porozumět bez ohledu na systém, k němuž náleží*) [31, с. 35]. Языковая единица существует постольку, поскольку она выполняет роль в системе и участвует в коммуникации. Коммуникативные потребности общества формируют организацию языка, а его изменения определяются изменением этих потребностей.

На разных уровнях языка функция проявляется по-разному. В фонологии – это различие значений [32], в морфологии – выражение грамматических значений и обеспечение связи слов, в синтаксисе – организация высказывания в соответствии с коммуникативной задачей [33], а на уровне текста – обеспечение связности и актуального членения [18].

Таким образом, категория функции становится методологическим основанием функциональной парадигмы. Она позволяет рассматривать язык не как замкнутую систему форм, а как средство общения, где каждая единица имеет своё назначение. Благодаря этому грамматика предстает не только как описание структур, но и как объяснение их роли в коммуникации, что особенно подчёркивается в трудах представителей как славянской, так и западной функциональной традиции.

Как отмечал Б. Ю. Норман, функциональный подход в языкознании следует понимать не только как одно из направлений или этапов развития лингвистической мысли, но и как «единственная возможность объяснить устройство языка через его назначение» [34, с. 264]. По его мнению, язык невозможно адекватно описать, если не учитывать ту роль, которую он играет в коммуникативной деятельности человека. Функциональный аспект, как подчеркивал исследователь, придает осмысленность всем моделям и построениям лингвистики, нередко условным и абстрактным.

В этом контексте Б. Ю. Норман приводит высказывание А. Киклевича о том, что «функциональная лингвистика – это и есть, собственно, лингвистика, а функциональная грамматика – и есть грамматика в истинном смысле слова, потому что без прилагательного

«функциональная» утрачивается сама сущность и общественная полезность науки о языке» [35, с. 186]. Иными словами, именно функциональность придает грамматике не только объяснительный, но и социально значимый характер, связывая её с реальными механизмами общения.

Таким образом, смысл функционализма как методологического базиса заключается в идее адаптации языковой системы к биосоциальным особенностям человека и его коммуникативной природе. Следовательно, структура языка детерминирована не внешними законами, а самой природой человека – физической, психической и социальной. Вместе с тем, согласно Б. Ю. Норману, следует предостерегаться «слепой телеологии» – механического сведения всех языковых явлений к изначально заданной цели или пользе. Автор подчеркивает, что «функционализм не должен пониматься как догматическая идея целесообразности, а как живая, развивающаяся концепция, раскрывающая внутренние закономерности языка в действии» [34, с. 123].

Вне лингвистики многие люди воспринимают язык прежде всего, как инструмент общения. Однако в XX веке развивалась и другая точка зрения, связанная с именем Н. Хомского [36], язык рассматривается как врождённая способность человека, как средство свободного выражения мысли, а коммуникация является вторичным следствием. Эта позиция получила широкое распространение в формальных теориях.

Функционалисты, напротив, исходят из того, что язык – это прежде всего средство общения. Эту позицию отражают труды Р. Якобсона [36], где язык определяется через свои функции, и работы Дж. Остина и Дж. Серля, создавших теорию речевых актов [38; 39]. (Austin, 1962; Searle, 1969).

Коммуникация понимается не как пассивная передача информации, а как социальное взаимодействие. Язык обслуживает множество функций: информирование, просьбу, приказ, обещание, выражение чувств и отношений. Теория речевых актов [39] показала, что высказывание всегда имеет цель и воздействует на адресата.

Функционалисты обращают внимание на то, что одни и те же коммуникативные задачи в разных языках могут реализовываться разными способами. Например, вопрос в английском строится через инверсию, а в языке лакота – при помощи особых частиц. Таким образом, универсальны не формы, а функции.

3.2 Истоки функциональной парадигмы

Становление функциональной лингвистики связано с поисками новых подходов к языкознанию и развитием структуралистских идей конца XIX – первой половины XX века. Ученые стремились уйти от односторонне исторического изучения языка, характерного для младограмматиков, и обратить внимание на язык как на целостную систему, действующую в реальном общении.

В этом процессе особую роль сыграли труды Ф. де Соссюра, который заложил основы структуралистской методологии, а также деятельность Пражского лингвистического кружка, развившего идеи системности в направлении функционального анализа.

Швейцарский ученый Фердинанд де Соссюр (1857–1913) считается одним из основоположников современного языкознания / структурной лингвистики. Его посмертно опубликованный «Курс общей лингвистики» [40] оказал огромное влияние на дальнейшее развитие лингвистики.

Ф. де Соссюр предложил ряд принципиальных разграничений:

- язык и речь: язык (*langue*) как социальная система знаков и речь (*parole*) как индивидуальное применение этой системы;
- синхрония и диахрония: необходимость различать описание языка в данный момент и его историческое развитие;
- языковой знак: двусторонняя единица, включающая звуковую форму (означающее) и содержание (означаемое);
- системность языка: значение единиц определяется их метом в системе и отношениями с другими элементами.

Идеи Соссюра легли в основу структурализма, однако именно противопоставление языка и речи позволило в дальнейшем сосредоточиться на том, как язык функционирует в реальной коммуникации, что стало одним из ключевых положений функционализма.

Зарождение функционализма связано с рядом школ XX века. Среди различных функционалистских направлений особое место занимает Пражская школа, деятельность которой тесно связана с созданием Пражского лингвистического кружка в 1926 г. В предыдущих разделах уже говорилось о Пражской лингвистической школе, которая рассматривает язык в качестве системы средств выражения, служащих определенным целям. Ее принято относить к структурализму, так как она сочетала структурный подход с анализом функций языковых единиц.

Пражский лингвистический кружок (В. Матезиус, Р. Якобсон, Н.С. Трубецкой) выдвинул идею языка как системы целенаправленных

средств выражения и разработал учение об актуальном членении предложения [41].

Представители Пражской лингвистической школы, стоявшие у истоков структурного направления в языкознании, одними из первых последовательно ввели и теоретически обосновали понятие функции как ключевое для описания языка. Тем самым их исследования оказали влияние не только на становление структурной лингвистики, но и на формирование функционального подхода. Язык в трудах пражских лингвистов рассматривался не как статическая совокупность форм, а как целостная система средств, организованных в соответствии с их коммуникативным назначением и ориентированных на выполнение определённых задач в процессе общения [42].

Одним из важнейших достижений Пражской школы стало учение об актуальном членении предложения, разработанное В. Матезиусом и развитое его последователями, прежде всего Я. Фирбасом. Суть этой концепции заключается в том, что предложение не ограничивается лишь своей грамматической структурой, а обладает ещё и коммуникативным устройством. В каждом высказывании можно выделить то, что является исходным, известным, данным в контексте, – так называемую тему, и то, что вносит новую информацию, служит смысловым центром, – рему. Такое разделение позволяет описывать предложения не только с точки зрения грамматики, но и в аспекте их коммуникативной значимости.

Интеллектуальные истоки Пражской лингвистической школы связаны с рядом философских направлений начала XX века: неопозитивизмом, феноменологией Э. Гуссерля, гештальтпсихологией и концепцией языка Т. Г. Масарика. Эти влияния пока изучены не полностью, но именно они сформировали методологическую основу будущего функционализма.

Пражская школа оказалась исключительно плодотворной и многоплановой [43]. Ее идеи применялись не только в языкознании, но и в литературоведении, исследовании детской речи, этнографии, педагогике. Такой междисциплинарный характер был обусловлен эмпирической эпистемологией: теоретические выводы основывались на анализе конкретного языкового и литературного материала. Неслучайно многие ведущие представители школы (например, Б. Трнка, Й. Вахек) активно занимались проблемами преподавания родного и иностранного языка.

Лингвистическая концепция ПЛШ развивалась как реакция на младограмматическую традицию XIX века, где язык рассматривался преимущественно в историческом аспекте.

Такое одностороннее внимание к прошлому мешало осознать язык как живую систему, а также игнорировало его коммуникативные функции.

Создатели ПЛШ стремились преодолеть историзм и атомизм младограмматиков. Они опирались как на идеи Ф. де Соссюра (особенно разграничение синхронии и диахронии), так и на русскую лингвистическую традицию (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов). уже в докладе В. Матезиуса 1911 года прозвучала мысль о «потенциальности языковых явлений», которая предвосхитила дальнейшее развитие фонологической теории.

Главное новаторство ПЛШ заключалось в понимании языка как системы знаков, где центральным является понятие функции. Под функцией понималась не абстрактная зависимость, а целевая установка, то есть роль элемента в системе и в коммуникации. Таким образом, концепция школы объединила два ключевых подхода – структурный и функциональный, что и определило ее особое место в истории языкознания.

Тема и рема могут выделяться разными средствами: порядком слов, логическим ударением, интонацией, а также самим контекстом, в котором используется высказывание. Например, в предложении «Студенты готовятся к экзамену» тема может быть «студенты», а рема – «готовятся к экзамену». При изменении ситуации тема и рема могут распределяться иначе, что отражается на структуре высказывания.

Учение об актуальном членении оказало значительное влияние на развитие функциональной лингвистики. Оно позволило по-новому взглянуть на синтаксис, показав, что предложение организовано не только формально, но и коммуникативно. Эта концепция оказалась чрезвычайно полезной в анализе текста, в методике преподавания иностранных языков, а также в практике перевода, где важно учитывать распределение темы и ремы для сохранения коммуникативной целостности высказывания.

Международное признание Пражской школы получила благодаря серии своих «Трудов» (фр. «Travaux du cercle linguistique de Prague», 1929–1939 гг.), где ученые публиковали ключевые идеи и исследования. Позднее значительный вклад в развитие и популяризацию учений внесли Й. Вахек (1947, 1964, 1979 и др.) и Л. Душкова (1993 г.).

Характерной чертой Пражского лингвистического кружка было его активное включение в международное научное пространство и устойчивые контакты как с западноевропейскими, так и с российскими исследователями. Важную роль в формировании научной программы

кружка сыграл Р. О. Якобсон (Jakobson) – выдающийся лингвист и литературовед, один из основателей Московского, Пражского и Нью-Йоркского лингвистических кружков, а также один из ключевых представителей структуралистского направления в языкознании и поэтике. Его научные интересы охватывали общее языкознание, славянские языки (прежде всего русский), вопросы поэтической функции языка и теории коммуникации.

Значительный вклад в развитие идей Пражской школы внес Н.С. Трубецкой, один из ведущих теоретиков кружка, заложивший основы фонологии и морфонологии как самостоятельных лингвистических дисциплин. Его исследования отличались широким компаративным охватом и включали анализ славянских языков, а также языков и культур народов Северного Кавказа.

Существенное влияние на научную атмосферу кружка оказали также С. И. Карцевский, К. Бюлер (Австрия), Л. Блумфилд (США), А. Мартине (Франция) и другие зарубежные ученые, чьи работы способствовали развитию функционального и структурного подходов в языкознании.

Идеи Пражской лингвистической школы нашли отклик и в советской науке. С ней были тесно связаны такие исследователи, как П. Г. Богатырёв, Г. О. Винокур, Е. Д. Поливанов, Б. В. Томашевский, Ю. Н. Тынянов, которые развивали функционально-структурные принципы в области лингвистики, литературоведения, фольклористики и теории художественного текста. Их работы способствовали интеграции пражских идей в отечественную гуманитарную традицию.

Теоретические положения, разработанные представителями Пражского лингвистического кружка, получили программное оформление в документе «Тезисы Пражского лингвистического кружка» (1929), представленном на I Международном съезде славистов в Праге. Эти идеи были также последовательно развёрнуты и конкретизированы в многочисленных публикациях членов кружка. Именно в данных трудах функциональный подход к языку был сформулирован как методологическое ядро Пражской лингвистической школы, что принципиально отличало её от других лингвистических направлений первой половины XX века.

Ключевое положение «Тезисов» заключается в трактовке языка как целостной функциональной системы, понимаемой как совокупность средств выражения, ориентированных на достижение определённой коммуникативной цели [44]. В соответствии с этим подходом центральным объектом анализа становится не абстрактная языковая структура сама по себе, а функционирование языковых

единиц в процессе общения, что предполагает приоритетное внимание к коммуникативной обусловленности и целенаправленности языковых средств.

На становление лингвистической концепции представителей Пражской школы заметное воздействие оказали отдельные положения теории Ф. де Соссюра, прежде всего идея о языке как одном из типов знаковых (семиотических) систем. Существенную роль сыграли и традиции русской лингвистической науки, представленные трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова и других исследователей.

При этом соссюровская модель языка была воспринята пражскими лингвистами не механически, а подверглась глубокой теоретической переработке. Ряд исходных положений был переосмыслен с функциональных позиций, а в некоторых аспектах получил дальнейшее развитие, что позволило Пражской лингвистической школе сформировать собственную, оригинальную интерпретацию языковой системы как динамической и целенаправленно функционирующей структуры. Лингвисты Пражской школы подчеркивают функцию элементов в языке, контраст языковых элементов друг с другом и общую структуру или систему, образованную этими контрастами, и они отличились в изучении звуковых систем [45]. Учеными разработан анализ отличительных признаков звуков; согласно этому анализу, каждый отличительный знак в языке рассматривается как состоящий из ряда контрастирующих артикуляционных и акустических признаков, и любые два звука языка, которые воспринимаются как отличные друг от друга, будут иметь по крайней мере один контрастный признак в своем составе. Концепция анализа отличительных признаков в изучении звуковых систем языков была включена в стандартную модель трансформационной грамматики.

Одним из методологических новшеств стала так называемая лингвистическая характерология (*lingvistická charakterologie*) (в последующие десятилетия известная как контрастивный анализ) [43, с.167]. Она не ограничивалась простым описанием языковых фактов, а стремилась выявить наиболее значимые явления в системе языка. По сути, это был метод аналитического сопоставления, позволяющий понять, как разные языки решают одни и те же коммуникативные задачи.

Таким образом, Пражская школа внесла фундаментальный вклад в развитие функциональной лингвистики. Ее участники показали, что структура языка не существует сама по себе, а определяется

выполняемыми функциями, прежде всего коммуникативными. Сочетание структурного и функционального анализа сделало школу одним из наиболее влиятельных научных направлений XX века.

Копенгагенская школа Л. Ельмслева (*Prolegomena to a Theory of Language*, 1943) предложила формализованную модель, где язык понимается как взаимодействие формы выражения и формы содержания.

Его научное наследие связано прежде всего с разработкой оригинального направления – глоссематики, которая рассматривалась как универсальная теория языка.

В отличие от Пражской школы, где внимание сосредоточивалось на функциях языка в коммуникации, Л. Ельмслев стремился построить максимально строгую и формализованную модель языка, своего рода «алгебру языка». Он считал, что язык нужно описывать с помощью специального научного аппарата – метаязыка, который позволил бы исследователю абстрагироваться от психологических и социологических факторов.

Центральным положением глоссематики стало различие между содержанием и выражением. Каждая из этих сфер, по мысли Л. Ельмслева, имеет форму и субстанцию. Содержание обладает формой (структура значений) и субстанцией (конкретное смысловое наполнение), а выражение – формой (звуковая организация) и субстанцией (материальная звуковая ткань речи). Таким образом, язык понимается как система, в которой взаимодействуют форма содержания и форма выражения.

Эта схема позволяла рассматривать язык как чистую форму, независимо от его материального воплощения. Например, письменная и устная речь, разные языки мира или даже жестовые системы могут быть описаны одинаковым образом, так как у них есть формы выражения и формы содержания.

Копенгагенская школа во многом разделяла общие идеи структурализма, но отличалась особым стремлением к абстрактности и формализации. Если Пражский кружок исходил из того, что язык – это система, выполняющая коммуникативные функции, то Л. Ельмслев и его ученики старались очистить лингвистику от любых «внешних» факторов и построить универсальную теорию языка как системы формальных отношений.

Поэтому Копенгагенская школа часто противопоставляется Пражской. Для Пражской школы ключевым понятием была функция, а для Копенгагенской – форма. Это объясняет и разное отношение к коммуникации: в Пражском кружке она рассматривалась как исходная

цель языка, а в глоссематике – как побочный аспект, не столь значимый для описания структуры.

Копенгагенская школа не относится к функционализму в строгом смысле слова, так как она придавала первостепенное значение не функциям, а формам. Однако в истории лингвистики она рассматривается как одно из направлений, близких к функционализму, поскольку исходила из понимания языка как целостной системы, где содержание и выражение взаимосвязаны. Для функциональной парадигмы важна была сама идея системности и принцип связи формы и содержания, которые позднее нашли отражение в функциональной грамматике и семиотике.

Хотя проект Ельмслева по созданию универсальной теории языка не был реализован в полной мере, его идеи оказали большое влияние на последующее развитие лингвистики. Концепция различия формы и субстанции была воспринята в семиотике, теории текста, а также в структуралистской антропологии (К. Леви-Строс). Формализованный подход Ельмслева послужил отправной точкой для математической лингвистики, кибернетики и ранних исследований в области машинного перевода.

В 1960-е годы в Англии сформировалось направление, связанное с именем Майкла Александра Кирквуда Халлидея (Michael Alexander Kirkwood Halliday) (1967; 1978; 1994), который развил теорию системно-функциональной лингвистики (СФЛ), понимая ее как «социальный семиотический ресурс» [17; 46]. Язык, по М. А. К. Халлидею, существует в обществе и формируется социальными отношениями и потребностями.

Особое внимание он уделял тому, какие функции выполняет язык в человеческой деятельности. М. А. К. Халлидей выделил три метафункции:

- *Идеационная (ideational function)*, связанная с представлением опыта и описанием окружающего мира.
- *Интерперсональная (interpersonal function)*, которая отражает социальные роли и отношения между участниками общения.
- *Текстовая (textual function)*, обеспечивающую связность и организованность дискурса [18, с. 34-38].

Эта модель оказала большое влияние на педагогическую практику, методику преподавания английского языка, а также на развитие анализа дискурса. В отличие от формальных моделей, СФЛ всегда подчёркивала социальный и коммуникативный характер языка.

Параллельно, в США развивалась собственная функциональная традиция, объединившая идеи нескольких исследователей –

Роберта ван Валина, Уильяма Фоли, Талми Гивона и др. Особое место здесь занимает Талми Гивон в своих трудах «*On Understanding Grammar*» [47], «*Functionalism and Grammar*» [48], ученый, что «синтаксис есть грамматикализованный дискурс» (“today’s syntax is yesterday’s discourse”). Эта идея связала функциональную и когнитивную парадигмы, объясняя грамматику как результат процессов в коммуникации.

В 1970–1980-е годы благодаря работам нидерландского лингвиста Саймона Дика возникло новое направление – функциональная грамматика. Главная идея этой теории заключается в том, что грамматические структуры языка нельзя объяснить только с точки зрения формы – они должны рассматриваться через выполняемые ими коммуникативные функции. Грамматика, по С. Дик, представляет собой инструмент, подчинённый задачам коммуникации, и настаивал на необходимости включения прагматики в грамматическое описание, т.е. грамматика как средство организации речевых актов [19; 20].

Дик предлагал описание языка как многоуровневой системы, где синтаксис, семантика и прагматика тесно связаны. Предложения анализировались не как абстрактные конструкции, а как средства для выполнения определённых речевых актов: информирования, просьбы, вопроса и т. д.

Позднее эти идеи были развиты Робертом ван Валином и Уильямом Фоли [21], которые создали «Рольную и референциальную грамматику» (Role and Reference Grammar, RRG), развитую в более поздних трудах Ван Валина в труде «*Exploring the Syntax-Semantics Interface*» [22]. Согласно данной теории, грамматическая структура объясняется через семантические роли участников высказывания и прагматические факторы. Эта теория сочетала функциональный и когнитивный подходы, подчёркивая, что грамматическая структура тесно связана с семантическими ролями и коммуникативными задачами говорящего.

Исследователи подчеркивали, что язык отражает ментальные процессы человека и его способность категоризовать опыт. Большое внимание уделялось дискурсивным явлениям, механизму референции (ссылки на объекты мира в речи) и тому, как язык обслуживает взаимодействие участников коммуникации.

Американский функционализм отличается тем, что акцентирует внимание на когнитивных основах языка и стремится объяснить грамматику через её связь с мышлением, категоризацией и дискурсом. Поэтому американский функционализм часто тесно связывают с когнитивной лингвистикой.

Таким образом, функционализм сыграл ключевую роль в развитии современной науки о языке. Он показал, что язык – это не только система форм, но и инструмент, живущий в коммуникации и обществе. Такой подход сближает лингвистику с прагматикой, когнитивной наукой, социологией и антропологией.

Благодаря функциональной парадигме лингвистика обрела новый метод анализа: исследовать не только структуру языка, но и его назначение, его «работу» в реальной жизни. Сегодня функционализм представлен разными школами, но все они исходят из общей идеи: язык следует изучать через его функции в общении. Структуры языка объясняются не только внутренними правилами, но и социальными и когнитивными потребностями.

Вопросы для самоконтроля

1. Что понимается под функцией в лингвистике и каковы уровни её проявления?
2. Каковы основные идеи Пражской лингвистической школы?
3. Чем отличается подход Копенгагенской школы Л. Ельмслева от пражского?
4. Какие метафункции языка выделяет М. А. К. Халлидей?
5. В чем заключается принцип «синтаксис есть грамматикализованный дискурс» (Т. Гивон)?
6. Как функциональная парадигма повлияла на развитие современной лингвистики?

4 Функциональная грамматика как одно из направлений функциональной лингвистики

Цели обучения:

В результате изучения данной лекции обучающийся должен уметь:

- раскрыть сущность функциональной грамматики как научного направления;
- охарактеризовать концепцию Петербургской школы функциональной грамматики и вклад А. В. Бондарко;
- рассмотреть теорию функционально-семантического поля и её роль в анализе языка;
- объяснить коммуникативный подход Г. А. Золотовой и значение её концепции для синтаксической теории.

Ключевые термины

Функциональная грамматика, функционально-семантическое поле, Петербургская школа функциональной грамматики, моноцентрические и полицентрические поля, функционально-коммуникативная грамматика, аспектуальность.

4.1 Понятие функциональной грамматики

Исследования грамматического строя естественных языков, основанные на функциональном принципе, получили название функциональной грамматики.

Функциональная грамматика опирается на тезис о том, что язык – это прежде всего инструмент общения, а грамматика – это система средств, обеспечивающих выражение значений, необходимых для коммуникации. В центре внимания оказывается не столько структура, сколько функция, то есть роль языковой единицы в передаче информации, организации текста, взаимодействии говорящего и слушающего. Если формальная грамматика отвечает на вопрос *как устроена языковая форма*, то функциональная грамматика отвечает на вопрос *зачем она используется и какие задачи выполняет*. Такое понимание сближает грамматику с семантикой и прагматикой, а также с когнитивными аспектами языка.

Функциональная грамматика – это направление, которое исследует грамматические категории не только как формальные структуры, но и как средства выражения коммуникативных и когнитивных функций. Грамматика рассматривается как система, обслуживающая речевую деятельность (Dik; M. A. K. Halliday и др.).

Проблематика функциональной грамматики, её научно-теоретическая база, круг вопросов, связанных с тем, что она изучает, как следует понимать саму категорию функциональной грамматики и многие другие аспекты – всё это сегодня рассматривается как одни из важнейших задач современной казахской лингвистики [49, с.23].

Цель функциональной грамматики – исследовать как грамматические формы реализуют семантические значения; как взаимодействуют разные уровни языка (морфология, синтаксис, лексика); и как языковые категории отражают когнитивную и коммуникативную деятельность человека.

Как отмечает А. К. Киклевич: «Поскольку грамматика представляет собой наиболее сложноорганизованный раздел языковой системы – тот ее уровень, где во взаимодействии различных факторов формируются коммуникативные единицы, то функциональный подход к изучению грамматических единиц выглядит естественным и очевидным» [8, с. 30]. Ученый выделяет два субуровня грамматики: морфемику/морфологию (к примеру, теория А. В. Бондарко) и синтаксис (теория С. Дика).

4.2 Петербургская школа функциональной грамматики. Концепция А. В. Бондарко

Петербургская (ранее – Ленинградская) школа функциональной грамматики оформилась в 1970–1980-е годы в Институте лингвистических исследований РАН под руководством Александра Владимировича Бондарко (1930–2003). Её становление совпало с общим поворотом лингвистики от формального описания структуры языка к исследованию его функционирования в речи и взаимодействия значения и формы.

Основоположником теории функционального описания грамматического строя русского языка по праву считается А. В. Бондарко. Разрабатываемое им направление функциональной грамматики исходит из понимания грамматических категорий как собственно языковых образований, обладающих специфическим формальным выражением и содержательной стороной. Именно поэтому учёный последовательно отказывается от употребления термина «понятийная категория», поскольку он может создавать ложное впечатление о соотносённости таких категорий исключительно с логическими или философскими понятиями, а не с системой языка как таковой. Взамен А.В. Бондарко вводит и обосновывает термин «функционально-семантическая категория», подчёркивая при этом, что данное обозначение не является идеальным, однако на современном

этапе исследований трудно предложить более точную и адекватную номинацию [50, с. 8].

Дальнейшее развитие теории функционально-семантических категорий связано с утверждением методологического принципа анализа «от функции к средствам», который рассматривается как один из ключевых для функциональной грамматики. Этот принцип допускает также и обратное направление анализа – «от средств к функции», при условии, что исследование ориентировано не на формальное описание языковых единиц, а на выявление закономерностей их функционирования в речи и в процессе реализации коммуникативных задач говорящего [51, с. 12]. Таким образом, функциональный характер анализа определяется не направлением исследования как таковым, а его целевой установкой на изучение языкового функционирования.

В рамках функциональной грамматики приоритетное значение приобретает исследование языковых средств в их взаимодействии, а также описание правил и механизмов их использования в высказывании. Особое внимание уделяется тому, как элементы различных уровней языковой системы – грамматического, лексического, синтаксического и контекстуального – совместно участвуют в формировании и передаче содержания речи. В этом отношении позиция А. В. Бондарко концептуально соотносится с положением, сформулированным Л. В. Щербой, который отмечал, что грамматика по своей сути представляет собой описание существующих в языке категорий и способов их функционирования [52, с. 188].

Отправной точкой стала статья А. В. Бондарко «*Основы построения функциональной грамматики*» [53], а концептуальное оформление завершилось выходом шеститомного труда «*Теория функциональной грамматики*» (ТФГ, 1987–1996). Эти работы положили начало Петербургской школе функциональной грамматики (ПШФГ) – системно-описательному направлению, ориентированному на категориальную модель языка. Его концепция оказала значительное влияние как на отечественное языкознание в целом, так и на казахскую лингвистику, где идеи функционализма нашли плодотворное применение.

Функциональная грамматика, разработанная А. В. Бондарко, представляет собой направление, в котором грамматическая система языка рассматривается сквозь призму её функций в коммуникации. Главная цель анализа – не описание форм как таковых, а выявление того, какие значения и коммуникативные задачи они реализуют.

В концепции А. В. Бондарко функциональная грамматика понимается как модель грамматического исследования, в рамках которой семантические категории рассматриваются через призму разноуровневых средств их выражения – грамматических, лексических и контекстуальных. Центральной задачей такого подхода является описание механизмов функционирования грамматических форм и конструкций, обеспечивающих передачу смыслового содержания высказывания во взаимодействии с другими элементами языковой системы [50, с. 32]. То есть, грамматическая система языка не может быть понята только через формальные категории (например, время, вид, наклонение). Она должна рассматриваться в их функциональном аспекте: через то, как они используются в речи для выражения определённых смыслов.

Функциональная грамматика изучает глагольные категории не изолированно, а во взаимодействии с другими языковыми уровнями. Здесь различаются три основных типа единств: собственно, грамматические категории (вид, время, наклонение, лицо, залог), лексико-грамматические классы (например, переходные и непереходные глаголы, предельные и непредельные), а также функционально-семантические поля – более широкие объединения, такие как аспектуальность, темпоральность, таксис, персональность, залоговость [54].

Центральное место в функциональной грамматике А. В. Бондарко занимает понятие *функционально-семантического поля* (ФСП). Это совокупность разноуровневых языковых средств (морфологических, синтаксических, лексических, интонационных), объединённых общей семантикой и выполняющих одну функцию. Одним из принципов анализа является различие между центром и периферией.

Ключевыми же элементами функциональной грамматики являются прототипы, обладающие наибольшей специфичностью, регулярностью и способностью влиять на производные варианты, т.е. это основные средства выражения значения (например, глагольные формы времени).

Периферия, напротив, менее специализирована и функционирует нерегулярно, т.е. это второстепенные или контекстуальные средства (например, наречия, предлоги, частицы и т.д.). Применительно к глагольным категориям, например, категория вида является центром поля аспектуальности, тогда как периферию составляют различные способы действия и лексические средства вроде наречий *долго, вдруг, постепенно*.

Например:

- поле времени объединяет глагольные формы прошедшего, настоящего и будущего времени (*писал – пишет – будет писать*), наречия времени (*вчера, сегодня, завтра*), синтаксические конструкции (*когда он придёт, тогда мы обсудим*);

- поле модальности охватывает формы наклонения (*пусть придёт, если бы знал*), модальные слова и частицы (*наверное, возможно, должен*), вводные конструкции (*мне кажется, по всей вероятности*), интонационные средства;

- поле залога: активный (*студент написал работу*) и пассивный залоги (*работа была написана студентом*), а также контекстуальные перефразировки, изменяющие коммуникативный фокус.

Функциональная грамматика также уделяет внимание вопросу инвариантов. В грамматике инвариант понимается либо как общее значение, охватывающее все частные реализации, либо как основное значение, от которого расходятся периферийные варианты, либо как совокупность отдельных значений. Это отражает разнообразие отношений внутри грамматической системы.

Термин «функционально-семантическая категория» широко используется в современной лингвистике. «Функционально-семантическая категория» по мнению А. В. Бондарко, представляет собой систему разнородных языковых средств, способных взаимодействовать для выполнения определенных семантических функций (например, функции выражения темпоральных или модальных отношений). «Используя в составе избранного нами термина, – пишет А. В. Бондарко – слово категория, мы в данном случае имеем группировки, объединения, сферы, по своей структуре рассматриваемые категории представляют собой поле. Этим оправдывается практикуемое нами параллельное использование термина «функционально-семантическая категория» и «функционально-семантическое поле» [55, с. 18–31]. Использование данного же термина «функционально-семантическая категория» основано на том, что критерием выделения рассматриваемых категорий является частичная общность семантических функций взаимодействующих языковых элементов (наличие семантического инварианта при всех различиях вариантов).

«Критерием выделения функционально-семантических категорий является общность семантической функции взаимодействующих элементов разных языковых уровней, наличие известного семантического инварианта в дифференциальных семантических признаках этих элементов» [55, с.18]. Согласно этой дефиниции, совокупность средств выражения, относящихся к разным языковым

уровням, но объединенных общей семантикой, образует функционально-семантическую категорию. Названная категория имеет определённую структуру, которую в лингвистике трактуют как функционально-семантические поля (ФСП). «Рассматриваемые поля трактуются как семантические категории в их языковом представлении. Поле – это билатеральное парадигматическое языковое единство, план содержания которого – определённая семантическая категория в её языковой интерпретации, а план выражения представлен системой языковых средств, служащих для её выражения» [56, с. 290].

Таким образом, функционально-семантический подход к рассмотрению фактов языка опирается на теорию функционально-семантических полей.

По А. В. Бондарко, основанием для выделения функционально-семантического поля является наличие у элементов, образующих данную группировку общих инвариантных семантических функций [57, с. 20]. В качестве инварианта выступает языковая семантическая функция, представляющая собой языковую интерпретацию понятийной категории [58, с. 29–30].

Функциональный подход к изучению явлений речи интегрирует разноуровневые языковые средства – морфологию, синтаксис, словообразование, синтаксис на базе общности их функций в речевом акте. А. В. Бондарко в разрабатываемой им и его последователями ономаσιологической грамматике считает, что для выражения одной и той же ономаσιологической категории в реальном речевом акте говорящий может использовать единицы, принадлежащие к различным уровням языка. «В конкретном акте речи морфологические, синтаксические, словообразовательные элементы переплетаются и взаимодействуют, включаясь в выражение смысла высказывания [53, с. 483–495].

А. В. Бондарко полагает, что понятие функционально-семантических полей, расширяет значение грамматических категорий.

Функционально-семантические поля, доминантой которых являются грамматические категории, а на периферии находятся лексико-грамматические, контекстуальные, паралингвистические и другие средства, называются моноцентрическими. По мнению А. В. Бондарко, функционально-семантическое поле может иметь не только моноцентрическую, но и полицентрическую структуру. Как пишет ученый, «в роли грамматических базисных компонентов данных полей могут выступать отдельные формы (ряды форм) и синтаксические конструкции» [50, с. 43]. В качестве примера ученый приводит поле посессивности, обладающее полицентрической

структурой. Основанием для его выделения служит целый комплекс взаимодействующих равнотипных посессивных конструкций, форма родительного падежа в одном из ее значений, сочетания прилагательных с существительными и т.п. Взаимодействие этих средств выявляется, в частности, в возможности отношений синонимии при общности определенного смыслового инварианта и тонких различиях в языковых значениях (ср.: У него есть дом и Он имеет дом; дом отца и отцовский дом и т.п.)» [50, с. 43].

Типы функционально-семантических полей

Моноцентрические поля

Перейдем к структуре функционально-семантических полей. Существуют два типа – моноцентрические и полицентрические.

Моноцентрические поля – это такие, где есть ярко выраженный центр, представленный грамматической категорией. Иными словами, моноцентрические поля имеют один грамматический центр. Примером служит аспектуальное поле, где главным элементом является глагольный вид.

Категория	Пример	Значение
Несовершенный вид	<i>Он писал письмо</i>	процесс, длительность
Совершенный вид	<i>Он написал письмо</i>	завершенность, результат

В обоих случаях мы говорим о действии «писать письмо», но центр противопоставления задается категорией вида. Таким образом, категория вида концентрирует основные признаки аспектуальности – предел, результативность, целостность, длительность.

Полицентрические поля

Полицентрические поля устроены сложнее: у них нет единого центра, а функции распределены между несколькими средствами. Яркий пример – таксис, то есть временная соотнесенность действий внутри сложного предложения. Здесь можно выделить зависимый и независимый таксис.

Зависимый таксис – выражается с помощью деепричастий:

Слушая музыку, он писал письмо.

Деепричастие «слушая» указывает на сопутствующее действие, которое напрямую соотносится с основным действием *писал*, т.е. мы видим одновременность действий, где форма деепричастия является центром выражения отношения.

Независимый таксис – центра нет, выражается разнообразными средствами. Здесь мы имеем дело с разными средствами. Наиболее типичные – придаточные времени:

Он читал книгу, пока я писал конспект. (Придаточное времени)

Здесь мы явно выражаем одновременность двух действий. Но могут использоваться и бессоюзные конструкции:

Заглянешь в окно – и сердце радуется. (Бессоюзное предложение)

В этом случае временная соотнесенность выражена имплицитно, через интонацию и порядок частей.

Теперь обратимся к межкатегориальным связям. Значения разных граммем могут сочетаться параллельно и не взаимодействовать, как в случае с числом и падежом у существительных. Но в глагольных формах чаще всего значения вступают во взаимодействие. Простейший пример – существительные: в слове *сестре* мы имеем число (*единственное*) и падеж (*дательный*), но эти значения существуют независимо, не мешая друг другу.

С глаголами дело обстоит немного сложнее. Здесь граммемы часто взаимодействуют и влияют друг на друга. Рассмотрим пример сочетания вида и времени:

- *Я читал книгу* – несовершенный вид + прошедшее время. Это означает процесс в прошлом.

- *Я прочитал книгу* – совершенный вид + прошедшее время. Здесь появляется новое значение: действие завершено, результат достигнут. Именно взаимодействие вида и времени создает перфектное значение – завершённого факта.

В сложных случаях взаимодействие охватывает все граммемы в словоформе, образуя семантический комплекс. Так, в предложении *Его не переспоришь* глагольная форма *переспоришь* сочетает в себе несколько граммем: совершенный вид, будущее время, изъявительное наклонение, второе лицо, единственное число. Всё вместе это выражает сложное значение невозможности: говорящий утверждает, что в настоящем и будущем спор бесполезен. Здесь мы видим, как значения разных категорий переплетаются и формируют особый семантический комплекс.

Таким образом, изучение полей и межкатегориальных связей показывает: грамматические категории не работают поодиночке. Они образуют сеть взаимодействий, где значения могут складываться, усиливать друг друга или даже изменяться в зависимости от комбинации.

А. В. Бондарко выделяет следующие принципы функциональной грамматики:

1) Функциональность: язык описывается через его функции в коммуникации.

2) Системность: каждая категория рассматривается как поле, включающее разнородные элементы.

3) Многоуровневость: в одно поле могут входить средства разных уровней языка.

4) Динамичность: система полей изменяется и развивается в зависимости от коммуникативных потребностей общества.

Стоит отметить, что концепция А. В. Бондарко оказала большое воздействие на казахскую грамматическую школу. Исследователи (Н. Г. Шаймердинова, М. Б. Нуртазина, А. Ш. Сулейменова, З. К. Ахметжанова и др.) применяли её для анализа:

- категории времени и её реализации в казахском языке;
- падежной системы как поля с функционально-семантическими значениями;
- модальности и её прагматической роли в высказывании.

Таким образом, теория ФСП позволила перейти от статического описания грамматики к её динамическому осмыслению, учитывающему реальные процессы речевой деятельности.

Функциональная грамматика А. В. Бондарко, опирающаяся на концепцию понятийных категорий, разработанную О. Есперсеном, представляет собой одну из разновидностей так называемых естественных классификаций. Под «естественными классификациями» в функциональной грамматике понимаются такие системы описания языковых явлений, которые основаны на понятийных и функциональных категориях и отражают реальные механизмы языкового мышления и коммуникации. В отличие от формально-структурных классификаций, естественные классификации объединяют разноуровневые языковые средства по их общему значению и функции в речи, что позволяет адекватно описывать язык как динамическую систему.

В отличие от традиционной, таксономической модели, основанной на строго дискретном делении, естественная классификация допускает ряд отклонений от единого принципа систематизации. В частности, в ней возможны отступления от единого критерия деления категорий; неполная однородность семантических признаков, присущих отдельным классам; пересечение границ между таксонами [50, с. 11].

Именно поэтому одно из центральных положений функциональной грамматики формулируется следующим образом: «Функционально-грамматическое исследование направлено на

выявление особого типа системы, отражающей взаимодействие грамматической формы, лексического значения и контекста» [50, с. 3].

Концепция А.В. Бондарко – это не просто теоретическая модель, а целая методология, применимая к разным языкам. Она заложила основу для функциональной грамматики в Казахстане и стала одним из ключевых ориентиров в исследовании грамматических категорий.

4.3 Функционально-коммуникативная грамматика Г. А. Золотовой

В конце XX века в лингвистике выделилось иное направление, отличающееся от подходов А. В. Бондарко, которая представляет язык как система, в которой форма, значение и функция образуют триединство. Такая концепция получила название функционально-коммуникативной грамматики (ФКГ), которая была предложена профессором Г. А. Золотовой. Основным объектом исследования ученый считала синтаксис, поскольку именно он связывает языковые уровни с процессами мышления и коммуникации, служа «организационным центром грамматики» [11].

Г. А. Золотова выделяет базовое понятие синтаксемы (носителя элементарного смысла) и рассматривает любую синтаксическую единицу как единство трёх аспектов:

- форма (морфологическая и синтаксическая оболочка);
- значение (смысловое содержание);
- функция (роль в построении коммуникативной единицы – предложения) [59, с.8].

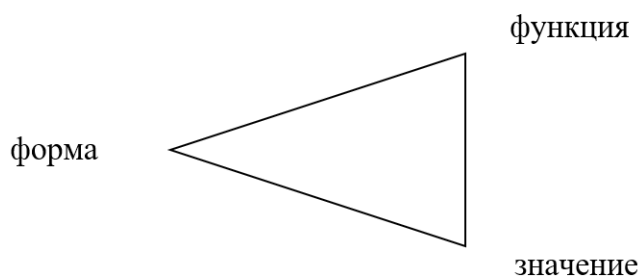

Рисунок 4.1 – Синтаксические функции слова по Г. А. Золотовой [59, с.8]

Такая трёхмерная перспектива позволяет преодолеть узкостные подходы, которые рассматривали только форму или только смысл, вне контекста коммуникативной ситуации.

Ключевое понятие в ФКГ – это синтаксема, минимальная синтаксическая единица, объединяющая:

1) *категориально-семантическое значение* (например, значение лица, действия, состояния);

2) *морфологическую форму* (падеж, вид, время и т. д.);

3) *синтаксическую функцию*, то есть способность реализовываться в определённых позициях высказывания и является «носителем элементарного смысла в русском синтаксисе» [60]. Синтаксема выполняет в грамматике ту же роль, что и фонема в фонологии или морфема в морфологии.

Синтаксема объединяет в себе морфологические, категориально-семантические и функционально-синтаксические характеристики, что позволяет рассматривать её как структурно и семантически самостоятельную часть синтаксической системы. Она одновременно выступает компонентом более сложных синтаксических образований и носителем элементарного смысла. Вступая во взаимодействие с другими синтаксическими единицами, синтаксема образует отношения части и целого: предложение и словосочетание, рассматриваемые с точки зрения синтеза, складываются из синтаксем, а при анализе, напротив, расчленяются на них. Таким образом, синтаксема является не только элементом построения синтаксических структур, но и своеобразным носителем тех органических свойств, которые присущи целому высказыванию как единице коммуникации. Синтаксис, по ее мысли, не просто соединяет формы, а обеспечивает их взаимодействие в процессе порождения смысла. Согласно ученому, «синтаксис как наука изучает средства и способы построения связной речи и прежде всего ее коммуникативных единиц» [60]. Таким образом, любое грамматическое явление рассматривается с позиции его участия в акте коммуникации. Каждая синтаксема имеет возможность выступать в разных функциональных ролях в предложении (в зависимости от позиции, контекста). Например, предложение *Мальчик читает книгу* состоит из трёх компонентов-синтаксем: одной глагольной, обозначающее действие, и двух именных, обозначающих субъект (деятель) и его объект действия, которые стоят в различных падежных формах – именительном и винительном. Таким образом, на примере замены слов в предложении можем провести эксперимент:

1) *Мальчик (девочка, сестра, старик, прохожий) читает книгу.*

2) *Мальчик (стол, метель, семинар, стебель) читает книгу.*

В первом примере мы видим, что эксперимент удался, тогда как второй вариант показывает, что замена невозможна, так как предложение теряет логический смысл. Таким образом, мы видим, как

«категориальное значение оказывается, как и форма именительного падежа, условием выполнения существительным функции субъекта в данном синтаксическом типе предложения» [60].

С позиции роли конститутивных единиц в структуре предложения особое значение имеют функции субстантивных компонентов, формирующих предикативную основу высказывания, а также элементов, выполняющих функцию распространителей, то есть составляющих коммуникативное целое. Компоненты словосочетаний или присловные распространители (прилагательные, наречные, именные, приадективные формы) выполняют иные функции – они включаются в предложение опосредованно, через связь с определяемым словом, выступая в роли элементов номинативной единицы. Типологическим показателем служит способность таких компонентов функционировать изолированно, например, в роли заголовков, ремарок и других самостоятельных употреблений синтаксем.

На основе этого функционального различия, в зависимости от их связей с другими элементами и от их независимости в структуре выделяются три типа синтаксемы: *свободная, связанная, обусловленная* [60]:

- свободной ее называют, если она может использоваться независимо (*на площади, в саду*). Свободные синтаксемы способны занимать практически любую синтаксическую позицию в высказывании, что позволяет им использоваться как в составе предложения, так и самостоятельно. Изолированное употребление чаще всего характерно именно для свободных синтаксем, тогда как связанные и обусловленные проявляют зависимость от контекста и ограниченность позиций:

- связанной, если она зависит от управляющего слова (*верить кому-то*). Связанные синтаксемы функционируют исключительно в составе присловных сочетаний (например: *строить школу, строительство школы*);

- обусловленной, если её использование предопределено моделью предложения (напр. *мне не спится*). Обусловленные синтаксемы обладают возможностью входить в определённые структурные модели предложений (*Мне не спится, Нет огня, Дел по горло, Его знобит, Он здесь прорабом*).

Рассматривая коммуникативную функцию синтаксемы, Золотова выделяет две ступени синтаксического устройства:

- номинативную (докоммуникативную), на которой действуют минимальные синтаксические формы слова (синтаксемы);

- коммуникативную, где формируется предложение – основная единица речи.

Функция синтаксической единицы определяется её ролью в построении коммуникативной единицы:

1) самостоятельное функционирование (простое предложение как высказывание);

2) функционирование как конструктивная часть (элемент сложного предложения);

3) функционирование как зависимый компонент (распространитель).

Эти уровни соотносятся между собой по принципу изофункциональности, то есть параллелизма функций между классами разных структур – предложениями, словоформами и словосочетаниями.

Г. А. Золотова предложила понятие модели предложения, или предикативной основы, – минимально достаточного сочетания синтаксем, формирующего типовое значение.

Пример типового значения «лицо и его состояние»:

Мне грустно – Детям весело – Родители в тревоге.

Типовое значение объединяет синонимичные структуры с разными формальными средствами (*дети веселы / детям весело / у детей веселье*). Таким образом, значение предложения не противопоставляется его форме, а вытекает из категориальных характеристик синтаксем.

Функционально-коммуникативная грамматика рассматривает высказывание как акт взаимодействия говорящего и языковой системы. Каждый элемент структуры служит реализации определённой коммуникативной задачи.

Г. А. Золотова подчеркивала, что в реальной речи говорящий выбирает синтаксические формы не произвольно, а в соответствии с замыслом высказывания, его актуальным членением и контекстом. Поэтому анализ языка должен исходить от значения к форме, а не наоборот.

На материале русских предложений Золотова показала, что одинаковые формы могут выполнять разные функции. Например, в трёх предложениях с дательным падежом:

1) *Мне не спится* – субъект состояния (обусловленная синтаксема).

2) *Дай мне перо* – адресат (свободная синтаксема).

3) *Ему завидовали все* – объект действия (связанная синтаксема).

Таким образом, форма *мне* реализует три разные синтаксические функции, что демонстрирует многомерность и полифункциональность синтаксических структур. Г. А. Золотова, развила идеи Петербургской школы функциональной грамматики, расширив их на коммуникативный уровень и получившей название **коммуникативной грамматики**. Если для А. В. Бондарко функция была свойством языковых категорий, то у Г. А. Золотовой она стала инструментом описания структуры высказывания и динамики речи. В этом состоит отличие ФКГ от чисто структурных и формально-семантических подходов.

Подытоживая, можно отметить, что концепция Г. А. Золотовой оказала значительное влияние на развитие современной синтаксической теории. Учёная внесла существенный вклад в понимание синтаксической системы языка, объединив форму, значение и функцию в единую структурно-семантическую модель. Её введение понятия синтаксемы как универсальной единицы синтаксического описания позволило глубже осмыслить закономерности построения высказываний и связи между грамматикой и смыслом. Разработанный ею функционально-коммуникативный метод анализа дал возможность рассматривать синтаксис с точки зрения коммуникативной цели высказывания, что стало основой для дальнейших исследований в области когнитивной и прагматической лингвистики. Таким образом, идеи Г. А. Золотовой способствовали формированию целостного представления о языке как о динамической системе, отражающей взаимодействие структуры, смысла и речевой деятельности.

Лингвистическая прагматика во многом задаёт направление коммуникативной лингвистике, поскольку именно она фокусирует внимание на реальных условиях человеческого общения и на том, как эти условия влияют на порождение текста. При анализе учитываются личность говорящего и адресата, их намерения, эмоциональные и когнитивные состояния, а также контекст ситуации.

Однако коммуникативная лингвистика не ограничивается рамками прагматики. Её интересуют и иные параметры коммуникации – например, пространственно-временная обстановка, технические характеристики канала передачи информации, помехи и даже случайные обстоятельства, способные изменить восприятие сообщения.

Вопросы для самоконтроля

1. В чем заключается суть функциональной грамматики и чем она отличается от формальной?
2. Каковы основные принципы концепции А. В. Бондарко?
3. Что представляет собой понятие функционально-семантического поля?
4. Чем различаются моноцентрические и полицентрические поля?
5. Какова роль функциональной грамматики в казахской лингвистике?
6. Опишите принцип анализа «от функции к средствам» и его возможное обратное направление.
7. Что подразумевается под инвариантом в функциональной грамматике? Какие интерпретации этого понятия выделяются?
8. Что такое функционально-коммуникативная грамматика (ФКГ) и какой основной объект исследования выделяет Г. А. Золотова?
9. В чем суть понятия синтаксемы у Г. А. Золотовой?
10. Как соотносятся форма, значение и функция в теории Золотовой?
11. Назовите три типа синтаксем по Золотовой (свободная, связанная, обусловленная) и приведите примеры для каждого.
12. В чем состоит отличие подходов А. В. Бондарко и Г. А. Золотовой в рамках функциональной парадигмы?

5 Лингвистическая прагматика

Цели обучения

В результате изучения данной лекции обучающийся должен:

- понимать сущность лингвистической прагматики как функционально ориентированного направления языкознания;
- уметь объяснять роль высказывания, контекста и коммуникативной интенции в процессе речевого взаимодействия;
- анализировать прагматические механизмы смысла (пресуппозиции, имплицатуры) и принципы речевого сотрудничества;
- применять основные положения прагматики при интерпретации диалогов и выявлении коммуникативных нарушений.

Ключевые термины

Лингвистическая прагматика, высказывание, речевой акт, прагматический контекст, пресуппозиция, имплицатура, Принцип кооперации, Принцип вежливости.

5.1 Основные концепции лингвопрагматики

Прагмалингвистика – это направление, возникшее на стыке лингвистики, психологии, философии и социологии. Её цель – изучать язык в действии, то есть не просто как систему знаков, а как средство общения, влияния, воздействия и взаимодействия между людьми.

Согласно А. Ю. Масловой, лингвистическая прагматика – это «дисциплина, изучающая язык не «сам в себе и для себя», а как средство, используемое человеком в его деятельности» [61]. Иными словами, лингвистическая прагматика – это раздел современной лингвистики, изучающий функционирование языка в процессе общения, а именно то, как говорящий использует языковые средства для выражения своих интенций и воздействия на адресата. Если семантика исследует значение языковых единиц в языковой системе, то прагматика обращается к значению в контексте речевого акта, то есть к смыслу, который формируется в конкретной коммуникативной ситуации.

Как нам известно, функциональная лингвистика рассматривает язык как систему, действующую в процессе общения, где каждая единица языка выполняет определённую функцию в коммуникации. В этом контексте лингвистическая прагматика выступает как естественное продолжение функционального подхода: она исследует, как языковые формы служат целям общения, каким образом выбор грамматических, лексических и интонационных средств связан с

интенцией говорящего и контекстом речи. Если функциональная грамматика отвечает на вопрос «Как грамматические категории выражают значения?», то прагматика добавляет: «Зачем и как эти значения используются в реальном общении?»

Главным объектом исследования прагматики является речевая деятельность, включающая взаимодействие между говорящим, слушающим и контекстом высказывания, а предметом – все условия, при которых происходит речевое взаимодействие: ситуация, участники, цели, контекст, интенции, иллюкутивный/перлокутивный эффект. Таким образом, язык рассматривается не как абстрактная система, а как инструмент действия. При этом процесс порождения текста состоит из четырех протекающих одновременно этапов: говорение/письмо, понимание речи/текста, чтение/слушание, обратная связь.

Термин «прагматика» (анг. *pragmatics*) впервые был использован Ч. У. Моррисом в 1930-х годах как одно из трех направлений семиотики [62]. При этом лингвистическая прагматика «не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [63].

Таким образом, рассматривая дефиницию прагматической лингвистики, можем заметить все еще слегка размытое, непонятное определение границ прагматики. Так, например, Г. А. Абдугаффарова рассматривает прагматику как один из основных параметров текста [64, с. 42]. Отечественные ученые определяют лингвопрагматику (прагматику, лингвистическую прагматику, лингвопраксеологию) как «отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом пространстве» [65, с. 353].

Такой подход схож с мнением украинских ученых, которые рассматривают лингвистическую прагматику как раздел языкознания, изучающий способы функционирования языковых знаков в процессе общения между говорящим и адресатом с учетом коммуникативных интенций, социальных ролей и ситуации общения [66, с. 28–33].

Появление лингвистической прагматики связано с прагматическим поворотом в лингвистике 1970-х гг., когда внимание учёных переместилось от структуры языка (Ф. де Соссюр, З. Харрис, Н. Хомский) к функционированию языка в коммуникации (Дж. Остин, Дж. Сёрл, Г. П. Грайс, Д. Ж. Лич, Моррис, Карасик, Апресян, Волков). Теоретическими основами формирования прагмалингвистики послужила описательно-аналитическая теория речевых актов,

разработанная в середине XX века Дж. Остином и Дж. Серлем. Иными словами, 1960-ые года можно считать расцветом лингвопрагматики, когда ее начали выделять как область лингвистических исследований.

Таким образом, возникновение лингвистической прагматики опирается на три направления:

- Философская прагматика (Ч. С. Пирс, У. Джеймс, Дж. Льюси), где истина познается через действие – через практику. Таким образом, слово – это не просто знак, а инструмент деятельности.

- Семиотическая прагматика (Ч. Моррис, 1938), где выделяются три раздела семиотики: синтаксис, семантика и прагматика. Прагматика в данном контексте понимается как отношение знаков к их пользователям.

- Лингвистическая прагматика (1950–1970-е гг.), основателями которой являются Дж. Остин, Дж. Сёрл, Г. Грайс, Дж. Лич, С. Строссон. в рамках данного направления возникает теория речевых актов, согласно которой языковое высказывание рассматривается не только как средство передачи информации, но и как форма действия, направленного на достижение определённого эффекта в общении.

Философское направление прагматизма начало свое распространение в США в 1970-х годах и тесно связано с именем Ч. С. Пирса. Позже последователями основоположника стали У. Джеймс (W. James), Дж. Дьюи (J. Dewey), Дж. Г. Мид (G.H. Mead).

Долгое время использование термина прагматика вызывало настороженность у отечественных исследователей из-за его происхождения из философских систем, не совпадавших с принципами диалектического и исторического материализма. В связи с этим нередко предпринимались попытки заменить его другими, «замещающими» обозначениями. Однако уже Ч. Моррис, опираясь на принципы бихевиористской философии, справедливо отметил, что понятие прагматика должно рассматриваться не в философском, а в семиотическом контексте, как наименование самостоятельной дисциплины, исследующей отношения между знаками и их интерпретаторами. Кроме того, данный термин получил широкое распространение в научной литературе разных стран и стал интернациональным, что делает его замену нецелесообразной [67, с. 17].

Ч. С. Пирс определял знак как *нечто А, обозначающее определённый факт или объект В для некоторого интерпретатора С*, то есть для воспринимающего сознания. Согласно концепции Пирса, любой знак образует триадическую структуру, в которой взаимодействуют три компонента:

1) *Репрезентант* – собственно знак или материальное средство представления, способное обозначать или заменять нечто другое;

2) *Интерпретант* – возникающий в сознании получателя (интерпретатора) отклик, то есть внутренний знак, порождаемый восприятием первого;

3) *Объект* – явление или предмет, на который указывает данный знак.

Эти три компонента существуют нераздельно: знак не может функционировать без объекта и без того, кто его интерпретирует. Понимание знака у Ч. С. Пирса – динамическое, он возникает и существует только в процессе семиозиса, то есть в ходе интерпретации.

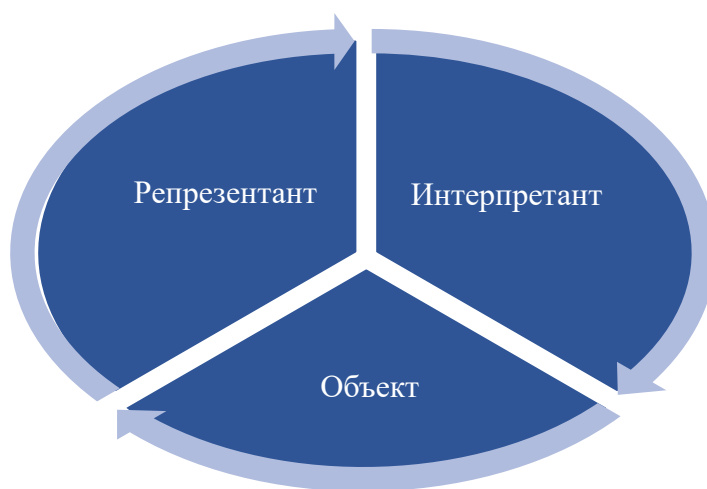

Рисунок 5.1 – Триадическая структура знака по Ч. С. Пирсу [67]

Ч. С. Пирс подчеркивал, что знаки не существуют изолированно, вне человеческой деятельности. Они появляются только в ходе семиозиса, то есть в процессе интерпретации и взаимодействия между субъектом и знаком. Сам по себе знак не имеет значения без интерпретатора, чья мыслительная деятельность наполняет его смыслом. Это влияние на восприятие и сознание получателя и называется интерпретантом.

Учёный различал три типа интерпретант:

- эмоциональные (непосредственные) – вызывающие чувства и переживания;
- динамические (энергетические) – побуждающие к действию;
- финальные (логические) – формирующие убеждения, нормы поведения, схемы мышления.

В других трудах Ч. С. Пирс называл интерпретант также *значением* (*significance, signification*), связывая её с понятием смысла в философии и лингвистике. Аналогичную функцию в своих теориях

выполняли понятия *смысла* у Г. Фреге, *означаемого* у Ф. де Соссюра, *референции* у Ч. Огдена и А. Ричардса, *содержания* у Л. Ельмслева. Однако в отличие от них Пирс рассматривал значение не как статическую категорию, а как динамическое явление, возникающее в деятельности сознания, т.е. как процесс интерпретации. В этом смысле интерпретант становится центральным звеном семиотического процесса, близким к тому, что позднее в прагматике стали обозначать термином *прагматическая сила высказывания* (в трактовке Дж. Лича).

Позднее Ч. С. Пирс добавил к этой триаде ещё один компонент – значение, понимаемое как то, что именно знак сообщает или какую информацию он передаёт. Значение, по сути, является результатом взаимодействия трёх предшествующих элементов и выражает смысловую сторону семиозиса.

Основополагающий принцип философии прагматизма, предложенный Ч. С. Пирсом, состоит в том, что значение любого высказывания или явления определяется его возможными практическими последствиями. Смысл неотделим от действия и от тех результатов, которые оно способно породить в реальной жизни. Интерпретант как раз и объединяет этот деятельностный, прагматический аспект значения.

Важнейший вклад Ч. С. Пирса заключается в том, что он впервые ввёл в семиотическую теорию понятие субъекта знакового действия и детально описал различные формы влияния знака на интерпретатора, фактически заложив основы будущей лингвистической прагматики.

Учёный также разработал классификацию знаков на три основных типа:

- 1) иконические знаки (копии) – воспроизводят сходство с объектом (например, изображение, метафора, звуковая имитация);
- 2) индексальные знаки – связаны с объектом причинно или пространственно-временно (дым – знак огня, указательное местоимение);
- 3) символы – опираются на условное, культурно закреплённое соответствие между знаком и объектом (слово, формула, эмблема).

Иконические знаки отображают внешнее сходство между знаком и его объектом. Связь между ними основана на подобии формы, структуры или содержания. Такие знаки особенно распространены в визуальной и пространственной коммуникации – это чертежи, схемы, диаграммы, географические карты, изображения.

Принцип иконичности Ч. С. Пирса получил дальнейшее развитие в лингвистике: исследователи отмечают, что последовательность языковых элементов нередко отражает последовательность событий в

реальности. Например, латинская фраза *Veni, vidi, vici* («Пришёл, увидел, победил»), иконична по своей последовательности, т. к. синтаксический порядок слов дублирует хронологию действий.

Индексальные знаки не похожи на объект, но находятся с ним в причинно-следственной или пространственно-временной связи. Они становятся знаками благодаря реальному воздействию объекта на них. Разработка идей индексальности привела к формированию учения о дейксисе – указательных средствах языка, выражающих зависимость высказывания от ситуации речи. Например:

- дым как знак огня;
- отпечаток ноги как знак присутствия человека;
- в языке – указательные слова и наречия: *этот, тот, здесь, там, теперь.*

Индекс указывает, но не изображает. Он сигнализирует о присутствии или действии чего-то, с чем связан напрямую. Таким образом, индекс – это знак фактической связи, который связывает наблюдаемое явление с его источником.

Символические знаки связаны с объектом не естественно, а условно – через общественное соглашение или культурную норму. Связь между формой и значением здесь конвенциональна (договорная) и не опирается на сходство. Примерами символов могут послужить слова и грамматические конструкции естественного языка; математические и логические обозначения; а также гербы, эмблемы, дорожные знаки, флаги.

Символы действуют потому, что носители языка договорились понимать их определённым образом. Они не отражают действительность напрямую, но выражают смысл через систему правил и соглашений.

По Ч. С. Пирсу, подлинный знак – это именно символ, так как он выполняет коммуникативную функцию независимо от физического сходства с обозначаемым. Смысл символа возникает в сознании интерпретатора, что делает его активным элементом прагматической коммуникации.

Семиотическая модель Ч. С. Пирса оказала значительное влияние на развитие текстовой и литературной семиотики. Его идеи позволили рассматривать текст не как статическую структуру, а как процесс семиозиса, в котором автор, текст и читатель связаны триадическими отношениями. В этом подходе текст анализируется как знаковая система, функционирующая в зависимости от жанра, культурной традиции и прагматической цели.

Американский философ и семиотик Чарльз Уильям Моррис (1938), опираясь на идеи Чарльза Сандерса Пирса, развил их в самостоятельную концепцию и предложил оригинальную семиотическую теорию. Основное понятие этой теории – семиозис, т.е. процесс функционирования знаков. Моррис считал, что семиозис представляет собой взаимодействие нескольких взаимозависимых компонентов, значение которых невозможно рассматривать изолированно.

По Ч. У. Моррису, в процессе знакового взаимодействия участвуют четыре элемента:

1) Знак (*sign vehicle*) – материальное средство выражения, физический носитель значения.

Десигнат (*designatum*) – объект или явление, на которое указывает знак, то есть его референт.

2) Интерпретант (*interpretant*) – реакция или ментальный эффект, возникающий у воспринимающего знак; другими словами, способ, которым знак влияет на поведение интерпретатора.

3) Интерпретатор (*interpreter*) – субъект, который воспринимает знак и соотносит его с объектом.

Все эти элементы существуют только во взаимной связи: знак невозможен без интерпретатора, а интерпретант не возникает без десигната.

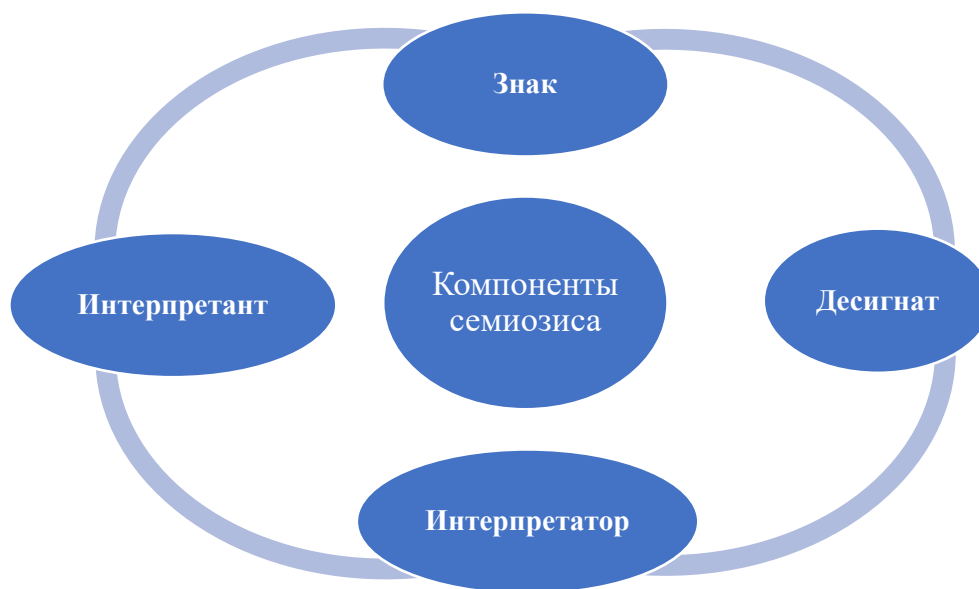

Рисунок 5.2 – Компоненты семиозиса по Моррису [67]

При этом выделяются два аспекта изучения текста – текстосемантический (структурный, смысловой) и

текстопрагматический (функциональный, коммуникативный). Последний позволяет классифицировать тексты по типу воздействия на интерпретатора:

- эмоционально-экспрессивные (воздействующие на чувства);
- провокативные (побуждающие к действию);
- нормативно-идеологические (влияющие на мировоззрение и модели поведения).

Тем не менее, несмотря на универсальность идей Ч.С. Пирса, его концепция редко напрямую использовалась в лингвистической прагматике, хотя именно она предвосхитила многие её принципы – динамичность значения, зависимость смысла от интерпретатора и активную роль субъекта в создании значения.

Позднее прагматика стала использоваться также в: психотерапевтических моделях (П. Вацлавик), социальной философии (Ю. Хабермас), функциональной прагматике (К. Элих, Й. Ребайн) и др.

Термин «лингвопрагматика» объединяет семиотический, философский, социологический и лингвистический пласты значения. Согласно Е. Г. Которовой, можно выделить три возможные интерпретации отношений между этими дисциплинами [68, с. 1].

1) Прагматика как самостоятельная наука; 2) Прагматика как раздел лингвистики; и 3) Прагматика как компонент частной дисциплины

Рисунок 5.3 – Интерпретации прагматики по Е.Г. Которовой

Рассмотрим данные категории более детально (таблица 1):

Таблица 5.1 – Основные подходы к определению прагматики

1 Прагматика как самостоятельная наука	- Существует на стыке философии, социологии и лингвистики (Ю. Хабермас, Я.Л. Мей). - Изучает универсальные условия взаимопонимания и правила коммуникативной компетенции. - Характерна междисциплинарностью: сюда входят межкультурная, кросс-культурная, этнопрагматика.
2 Прагматика как раздел лингвистики	- Наиболее распространённая точка зрения. - Термины: <i>лингвистическая прагматика</i>, <i>прагмалингвистика</i>, <i>лингвопрагматика</i> (О.С. Ахманова, Б. Ю. Норман, И. П. Сусов). - Анализирует функционирование языка в речи, коммуникативные намерения и условия употребления. - Рассматривается как «лингвистика речи» (в отличие от системной лингвистики, описывающей <i>langue</i>).
3 Прагматика как компонент частной дисциплины	- Чаще всего связывается с семантикой (Д. Лайонз) или лингвистикой текста (В. Хайнеманн, Д. Фивегер). - В первом случае – изучает субъективные и контекстуальные аспекты смысла. - Во втором – рассматривает высказывание как элемент текстовой организации и коммуникативной функции текста.

Ученые тесно связывают лингвистическую прагматику с коммуникативной лингвистикой, которая изучает процессы общения людей с использованием живого естественного языка, а также с учётом всех составляющих коммуникации – физических, физиологических, психологических, социальных, контекстуальных, ситуативных и других факторов. Однако учёные также сходятся во мнении, что прагматику нельзя противопоставлять семантике: обе изучают значение, но с разных сторон [69]. Прагматика рассматривает смысл в контексте общения, с учётом говорящего, адресата и условий коммуникации.

Так, А. И. Бондаренко, рассматривая природу связи прагматики с семантикой, выделяет три подхода: 1) отрицательно-нивелирующий; 2) дифференциальный; 3) интегральный [69].

Первый подход трактуется исследователями в двух направлениях. Согласно одной позиции, прагматику следует исключить из сферы собственно лингвистического анализа, так как она сосредоточена на субъективных и контекстуальных смыслах. Сторонники этой точки зрения относят прагматику к экстралингвистическим явлениям, обусловленным социальными и психологическими особенностями

участников коммуникации [70, с. 148]. Вторая интерпретация предполагает, что различие между контекстуальным (прагматическим) и неконтекстуальным (семантическим) значениями теряет актуальность. Считается, что между прагматикой и семантикой нет чёткой границы: прагматика постепенно усваивает семантические черты, а семантика, в свою очередь, приобретает прагматические свойства [71, с. 716–717].

В рамках второго, дифференциального подхода проводится разграничение между семантическим и прагматическим типами значения, при этом степень их выраженности варьируется в зависимости от языковой единицы. В лексической системе приоритет обычно отдается семантическому компоненту, а прагматический компонент рассматривается как дополнительный или коннотативный [72–74]. Прагматическая информация при этом тесно переплетена с лексическим значением, что нередко делает их разграничение затруднительным [75; 76]. В ряде случаев семантические элементы «маскируются» под прагматические, а прагматические, напротив, интегрируются в семантику, представляясь в словаре как часть последней [75]. Подчеркивается также, что прагматика не всегда проявляется в значении слова [75, с. 142–145]. Несмотря на её важную роль в интерпретации смысла, семантический компонент остаётся доминирующим, а прагматика выступает как вспомогательная составляющая, неспособная автономно формировать содержание высказывания [76]. При этом признаётся, что именно прагматический аспект служит одним из источников семантического обогащения и развития значений [77, с. 119].

Тем не менее, полностью согласиться с данным подходом сложно, так как невозможно определить ни актуальный, ни словарный смысл слова вне контекста, поскольку даже конвенциональное значение зависит от особенностей его употребления – полисемии, омонимии, синонимии и других факторов, то есть от своеобразного «виртуального контекста». Если бы это было не так, процесс выбора слов в речи не имел бы смысла. Следовательно, семантика и прагматика не противопоставлены, а взаимно дополняют друг друга. Как отмечено в исследованиях, «во многих случаях семантическое описание основывается на прагматическом, но и прагматический анализ невозможен без семантики. Не существует семантики без прагматики, равно как не существует прагматики без семантики» [78, с. 347].

Некоторые последователи дифференциального подхода, напротив, акцентируют внимание на доминировании прагматического аспекта, утверждая, что семантика не существует в «чистом виде». По

их мнению, любое значение формируется в зависимости от контекста и коммуникативной ситуации, что свидетельствует о приоритете прагматики [79; 80]. Так, К. Черри подчёркивает, что прагматика является наиболее широким уровнем анализа, охватывающим все индивидуальные, психологические и целевые факторы, которые дифференцируют одно коммуникативное событие от другого [80, с. 223].

Третий, интегральный подход направлен на создание единой концепции значения, объединяющей семантический и прагматический уровни на основе дифференциальной модели, что позволяет устранить противоречия между ними [81, с. 23–24]. Отрицание лингвистической природы одного из компонентов или признание превосходства одного над другим представляется неоправданным [82; 83]. Различие между семантикой и прагматикой носит условный характер и отражает соотношение языковой системы и её функционирования. Однако языковой элемент невозможно рассматривать изолированно от его функций: система существует лишь в действии. Прагматика, как и семантика, занимается вопросами значения: первая описывает актуализированное значение, вторая – его потенциальную, виртуальную форму. Семантический аспект является внутренним свойством языкового знака, тогда как прагматический проявляется через его употребление в конкретном контексте.

Иными словами, прагматика изучает способы, с помощью которых говорящий добивается желаемого эффекта на слушателя, выбирая наиболее уместные языковые средства.

Таким образом, можно подытожить, что лингвистическая прагматика – это наука о том, как человек превращает язык в действие. Она изучает не форму слова, а его силу, не значение фразы, а её цель, не структуру речи, а эффект на адресата. Прагматика делает язык живым, личностным и социальным – именно поэтому она стала центральной дисциплиной современной антропоцентрической лингвистики.

5.2 Основные принципы прагматики. Импликатура. Пресуппозиция и прагматический контекст

В центре внимания прагматики находятся речевые акты – действия, совершаемые посредством языка (просьба, утверждение, извинение, обещание и др.), а также прагматические средства, с помощью которых говорящий выражает отношение к сообщаемому и адресату. К таким средствам относятся вводные слова (*по-моему, к счастью, к сожалению, как известно, наконец* и др.), формулы

речевого этикета (*благодарю, спасибо, пожалуйста, извините* и др.), модальные конструкции (*могу предположить, вероятно, думаю* и др.). Эти лексико-грамматические маркеры выступают сигналами субъективной позиции говорящего, задают коммуникативный тон и поддерживают выбранную стратегию речи.

Ключевыми принципами прагматического анализа являются учёт прагматического контекста, в котором формируется и уточняется смысл высказывания, а также выявление неявных компонентов значения. К ним относятся, во-первых, пресуппозиции – фоновые предпосылки, принимаемые участниками общения как известные или само собой разумеющиеся и обеспечивающие связность понимания. Во-вторых, имплицатуры – подразумеваемые значения, которые не выражены напрямую, но выводятся адресатом на основе контекста, языковой формы, коммуникативной цели и принципа кооперации в общении. Важным ориентиром при интерпретации выступает также принцип релевантности: говорящий организует сообщение так, чтобы оно было уместным и значимым в данной ситуации, а адресат интерпретирует высказывание, соотнося его с ожидаемым смыслом и коммуникативными намерениями собеседника.

Имплицатура – одно из ключевых понятий лингвопрагматики, тесно связанное с именем философа и лингвиста Г. П. Грайса (Н. Р. Grice). Ученый поясняет этот термин следующим образом: «Я хотел бы ввести, в качестве специального термина, глагол *имплицировать* (implicate) и относящиеся к нему существительные *имплицатура* (implicature), т.е. *имплицирование, импликация* (implying), и *имплицат* (implicatum), т.е. то, что *имплицируется*, имплицуемое (what is implied). Смысл этого маневра в том, что он избавляет от необходимости каждый раз выбирать тот или иной конкретный глагол из группы, для которой слово *имплицировать* должно служить родовым понятием. Мне придется, по крайней мере здесь, исходить из умения распознавать конкретные глаголы как входящие в одну группу с *имплицировать*, а также из интуитивного понимания значения слова *сказать* в определенном контексте употребления. Сделаю несколько замечаний, проясняющих более сомнительное допущение – относительно смысла слова *сказать*» [84, с. 24]. Иными словами, имплицатурами мы называем значения, которые не выражены напрямую, но подразумевают смысл высказывания, который адресат может вывести, исходя из контекста, знаний о ситуации и принципов общения.

В процессе речевой коммуникации говорящий субъект не воспроизводит в вербальной форме весь объём информации, которой

располагает. При этом коммуникативный акт предполагает наличие общего когнитивного и культурного фона, включающего совокупность знаний, представлений, жизненного опыта и контекстуальных факторов, обеспечивающих понимание высказывания. Таким образом, участники коммуникации исходят из предполагаемого единства фоновых знаний, что позволяет говорящему опускать очевидные или известные слушателю элементы содержания и сосредоточиваться на передаче новой информации. Та часть смысла, которая подразумевается, при этом не выражается эксплицитно, но воспринимается как самоочевидная и разделяемая адресатом, обозначается термином *пресуппозиция*.

Рассмотрим это на примере предложения:

«Твоё второе сообщение было гораздо яснее».

Несмотря на то, что в данном предложении данная информация не была озвучена, мы понимаем, что ранее было первое сообщение от того же автора, при этом оно было непонятным и обладает меньшим признаком ясности.

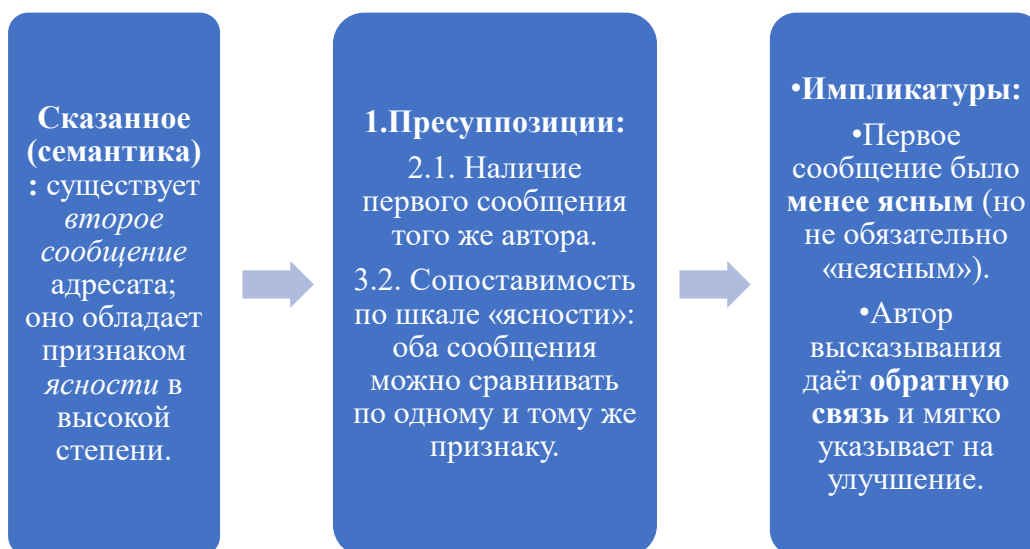

Рисунок 5.4 – Пресуппозиция и импликатура

Пресуппозиция представляет собой разновидность логического вывода, который содержится в предложениях естественного языка. Иными словами, это скрытое предположение, делающее высказывание осмысленным и воспринимаемым как корректное. Рассмотрим несколько характерных примеров:

1) Евгений сегодня пришел пораньше. Пресуппозиция: Евгений приходил раньше (возможно каждый день).

2) Мария перечитала роман «Абай жолы».

В данном примере содержатся несколько пресуппозиций. Разберем из подробнее:

1) Мария уже читала этот роман раньше, т.к. глагол «перечитала» подразумевает повторность действия;

2) Существует роман «Абай жолы». Факт упоминания названия книги предполагает существование самого произведения и знание о нем как о конкретном объекте культуры.

Исходя из данных примеров,

В качестве еще одного примера можно рассмотреть предложение «*Казахстан снова стал чемпионом Азии!*». Из данного предложения можно выделить:

1) пресуппозицию повторности события: маркер «снова» указывает, что событие происходило раньше, т.е. подразумевается, что Казахстан уже становился победителем в чемпионатах в прошлом;

2) экзистенциальную пресуппозицию: «*фраза стал чемпионом Азии*» предполагает существование спортивных соревнований (чемпионатов) в Азии, у него есть статус «победитель», а также в нём участвуют страны, включая Казахстан. Таким образом, здесь подразумевается, что существует реальное спортивное событие, где можно получить титул «чемпиона Азии»;

3) Идентификационная пресуппозиция: маркер «Казахстан» воспринимается не как географическое обозначение, а как команда или национальная сборная, способная участвовать и побеждать, т.е. подразумевается, что под «Казахстаном» понимается субъект соревнования (спортсмены, сборная, команда);

4) Оценочная пресуппозиция: само утверждение, что кто-то стал чемпионом, несёт положительную оценку – предполагается, что это достижение и успех. Соответственно, подразумевается, что стать чемпионом – это хорошо, это повод для гордости.

Термин «пресуппозиция» (от лат. *prae* – «перед, до» и *supponere* – «предполагать») был введён в научный оборот в рамках прагматической философии языка Питером Ф. Стросоном [85]. Питер Ф. Стросон использовал термин *presupposition* для обозначения предпосылок высказывания, которые должны быть истинными, чтобы само высказывание могло рассматриваться как осмысленное. Хотя само понятие пресуппозиции уже ранее было рассмотрено и затронуто в трудах немецкого философа и логика Г. Фреге (Gottlob Frege) в его работе «*Über Sinn und Bedeutung*» («О смысле и значении», 1892) в конце XIX века. Фреге не употреблял сам термин “presupposition”, но именно он первым сформулировал идею, лежащую в основе понятия:

для того, чтобы предложение имело значение (Bedeutung), должны выполняться определённые условия – например, существование референта. «Aus dem Zusammenhange geht hervor, dass ich hier unter „Zeichen“ und „Namen“ irgendeine Bezeichnung verstanden habe, die einen Eigennamen vertritt, deren Bedeutung also ein bestimmter Gegenstand ist (dies Wort im weitesten Umfange genommen), aber kein Begriff und keine Beziehung, auf die in einem anderen Aufsätze näher eingegangen werden soll. Die Bezeichnung eines einzelnen Gegenstandes kann auch aus mehreren Worten oder sonstigen Zeichen bestehen. Der Kürze wegen mag jede solche Bezeichnung Eigenname genannt werden» [86, с. 26]. Таким образом, Г. Фреге заложил философскую основу концепта пресуппозиции как условия осмысленности высказывания. То есть, можем сделать вывод, что, когда что-либо утверждается, всегда уже предполагается, что собственные имена, входящие в это утверждение, имеют значение (референт).

В XX веке понятие было расширено и адаптировано к задачам прагматической лингвистики, где оно стало обозначать фоновые, невыраженные явно знания, разделяемые участниками коммуникации и обеспечивающие адекватное понимание речи.

Впоследствии это понятие развивалось в трудах П. Ф. Стросона (P.F. Strawson, 1950), Дж. Лайонза (J. Lyons, 1977), Дж. Лакоффа (G. Lakoff, 1971), С. Левинсона (S. Levinson, 1983), Р. Сталнекера (R. Stalnaker, 1974), Е. В. Падучевой (1985), Н. Д. Арутюновой (1976) и других представителей аналитической философии языка. Первоначально пресуппозиция понималась как логическое условие истинности высказывания: для того, чтобы утверждение имело смысл, необходимо, чтобы выполнялись некоторые предпосылки, подразумеваемые самим высказыванием.

Пресуппозиция – это фоновое, подразумеваемое знание, которое считается общим для участников коммуникации и необходимо для правильного понимания высказывания. Иными словами, это то, что говорящий предполагает известным слушателю, и поэтому не проговаривает прямо.

Например, в предложении «*Мария перестала курить*», мы понимаем, что она ранее курила и теперь бросила. Соответственно, пресуппозицией из данного предложения является то, что *Мария раньше курила*.

Если адресат не разделяет эту предпосылку, высказывание становится непонятным или ложным с точки зрения прагматической логики.

К числу ключевых принципов, определяющих функционирование языка в общении, относятся:

Учет контекста

Каждое высказывание приобретает смысл только в конкретной ситуации общения. Контекст включает: время, место, социальные роли, предшествующие реплики и культурный фон. Например, фраза «Как интересно!» может выражать искренний восторг или иронию – в зависимости от интонации и ситуации.

Импликатура (подразумеваемый смысл)

Импликатуры – это смыслы, не выраженные прямо, но подразумеваемые. Они возникают, когда говорящий сознательно нарушает норму прямооты или буквальнойности.

Например:

- Ты пойдёшь на лекцию?
- Завтра рано вставать.

(Подразумевается: «Нет, не пойду.»)

Понимание импликатуры требует от адресата активной интерпретации – это делает коммуникацию гибкой и многослойной.

Принцип релевантности

Центральная идея теории релевантности Д. Уилсон и Д. Спербера. Она объясняет, как адресат понимает высказывание и почему из множества возможных смыслов «схватывает» именно тот, который кажется наиболее оправданным в данной ситуации [87, с.608].

Релевантность трактуется как баланс двух параметров: с одной стороны, сообщение должно давать адресату заметный «выигрыш» в понимании (новую информацию, выводы, уточнение планов, объяснение причин и т.п.), а с другой – не требовать чрезмерных умственных усилий для обработки. Чем больше положительных когнитивных эффектов и чем меньше затраты обработки, тем выше релевантность.

В теории различают два принципа релевантности. Когнитивный принцип утверждает, что человеческое познание в целом устроено так, что оно «настроено» на максимизацию релевантности: мы автоматически обращаем внимание на те стимулы, которые обещают наибольшую пользу для понимания ситуации при минимальных усилиях.

Коммуникативный принцип формулируется как презумпция: любое высказывание подаётся адресату с подразумеваемой установкой «это достаточно релевантно, чтобы стоило твоих усилий», и одновременно – «это максимально релевантная формулировка, какую говорящий мог/хотел дать в данных условиях».

Отсюда вытекает механизм понимания: адресат не перебирает бесконечное количество интерпретаций. Он движется по пути наименьших затрат и выбирает первую интерпретацию, которая даёт удовлетворительный когнитивный эффект и выглядит совместимой с ожиданием оптимальной релевантности. Когда эта точка достигнута, поиск смысла прекращается.

Со стороны говорящего принцип релевантности проявляется как практическая стратегия построения речи: говорящий выбирает такие формулировки и такие подсказки к интерпретации (лексические маркеры, порядок слов, уточнения, примеры), которые позволяют адресату восстановить замысел быстро и надёжно, не перегружая внимание лишними деталями. Важно, что «оптимальность» зависит не только от информации, но и от условий общения: времени, жанра, отношений участников, уровня знаний адресата, вежливости и т. п.

Принцип взаимодействия (кооперации)

В прагматике одним из базовых методологических положений считается принцип кооперации (принцип взаимодействия), сформулированный Г. П. Грайсом. Он исходит из того, что успешная коммуникация возможна при наличии рационального сотрудничества участников: говорящий строит высказывание так, чтобы оно соответствовало целям общения, а адресат интерпретирует сказанное, предполагая осмысленность и уместность речевого вклада собеседника.

Для описания нормативной организации общения Грайс выделяет четыре группы правил – **максимы**, которые задают ориентиры как для порождения, так и для интерпретации высказывания.

Максима количества предполагает соразмерность информации: высказывание должно содержать объём сведений, достаточный для решения текущей коммуникативной задачи, но не выходящий за пределы необходимого. Недостаток информации осложняет понимание, тогда как избыточность повышает когнитивную нагрузку и снижает эффективность коммуникации.

Максима качества ориентирует говорящего на достоверность: не следует утверждать то, что говорящий считает ложным, или то, для чего отсутствуют достаточные основания. Эта максима поддерживает доверительный характер информационного обмена и обеспечивает устойчивость интерпретации.

Максима отношения (уместности) требует тематической и ситуативной релевантности: реплика должна соотноситься с предметом разговора и текущим направлением взаимодействия. Если высказывание внешне выглядит нерелевантным, адресат, как правило,

начинает реконструировать скрытый смысл, предполагая наличие косвенного намерения говорящего.

Максима **способа** относится к форме выражения: предпочтительными считаются ясность, однозначность, логическая последовательность и упорядоченность изложения. Соблюдение этой максимы облегчает обработку высказывания адресатом и уменьшает вероятность интерпретационных ошибок.

При этом в естественной речи максимы не функционируют как жёсткие запреты. Их намеренное, демонстративное несоблюдение может выступать прагматически значимым приёмом и служить источником дополнительного смысла. В таких случаях нарушение максимы рассматривается не как коммуникативная неудача, а как сигнал к выводу имплицитного содержания – например, при иронии, юморе, намёке или косвенной оценке.

Таким образом, в прагматике центральное место занимают речевые акты и прагматические средства (маркеры), а основные принципы прагматического анализа связаны с учётом контекста, выявлением имплицитных компонентов значения (пресуппозиций и импликатур) и рассмотрением кооперативного характера коммуникации. Совокупность этих параметров позволяет описывать речь как динамический и интерактивный процесс, в котором язык выступает не только системой знаков, но и инструментом социального взаимодействия.

Резюмируя, можно сказать, что главная идея лингвистической прагматики: язык – это инструмент достижения целей в общении, а прагматика – наука о том, как с помощью языка влиять, убеждать и понимать в реальных речевых ситуациях.

Отсюда сделаем вывод, что лингвистическая прагматика выросла из логико-философских основ, впитала достижения риторики, стилистики, теории текста, социо- и психолингвистики и стала самостоятельной научной дисциплиной. Сегодня она играет важную роль в когнитивной лингвистике, коммуникационных технологиях, рекламе, переводоведении и теории речевого воздействия.

Вопросы для самоконтроля

1. В чём заключается специфика лингвистической прагматики по сравнению с семантикой и синтаксисом?
2. Почему высказывание рассматривается как центральная единица лингвопрагматики и речевой коммуникации?

3. Какова роль коммуникативной интенции говорящего в формировании прагматического смысла высказывания?
4. Что понимается под прагматическим контекстом и какие компоненты он включает?
5. В чём состоит различие между пресуппозицией и имплицатурой?
6. Как формулируется Принцип кооперации и каковы основные максимы, предложенные Г. П. Грайсом?
7. В чём заключается сущность Принципа вежливости Дж. Лича и как он соотносится с Принципом кооперации?
8. Что понимается под апперцепционной базой и какую роль она играет в интерпретации высказываний?
9. Каким образом нарушение прагматических принципов может приводить к коммуникативным «осечкам»?
10. Как используются основные положения лингвистической прагматики при анализе диалогической речи?

6 Дискурс. Дискурсивный анализ

Цели обучения

В результате изучения данной лекции обучающийся должен:

- 1) понимать сущность дискурса как формы языковой деятельности, включённой в социальный, когнитивный и культурный контекст;
- 2) знать основные этапы становления дискурсивного анализа и его место в функциональной лингвистике;
- 3) различать ключевые подходы к изучению дискурса в зарубежной и отечественной научной традиции;
- 4) уметь применять категории дискурсивного анализа для интерпретации реальных коммуникативных процессов.

Ключевые термины

Дискурс, дискурсивный анализ, коммуникативная ситуация, социальная практика, когнитивная модель, контекст, интенция говорящего, идеология, текст и дискурс, междисциплинарный подход.

6.1 Понятие дискурса

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется существенным расширением исследовательской перспективы. Язык всё чаще рассматривается не только как абстрактная система знаков и правил, но прежде всего, как средство реального общения, функционирующее в конкретных социокультурных условиях. В центре внимания оказываются процессы речевого взаимодействия, интерпретации смысла, коммуникативные намерения говорящего и особенности восприятия высказывания адресатом. Именно в этом научном контексте формируется и активно развивается дискурсивный анализ, являющийся одним из ключевых направлений функциональной лингвистики.

Термин *дискурс* восходит к латинскому *discursus*, что первоначально означало «движение мысли», «рассуждение», «беседу». В современной гуманитарной науке данное понятие используется для обозначения процесса языковой деятельности и способов организации речевого общения. Дискурс изучается не только в лингвистике, но и в философии, социологии, антропологии, семиотике, культурологии и литературоведении, что свидетельствует о его междисциплинарном характере.

Несмотря на широкое распространение термина, в научной литературе отсутствует единое, универсальное определение дискурса.

Это объясняется разнообразием исследовательских подходов и задач, в рамках которых он используется. Терминологическая вариативность, в свою очередь, не ослабляет, а, напротив, усиливает его эвристический потенциал, позволяя описывать язык как сложное, многоуровневое явление. В современной лингвистике дискурс чаще всего понимается как текст, включённый в ситуацию общения, то есть как речевая деятельность, неотделимая от условий её порождения и интерпретации. В этом смысле дискурс нередко определяется как «язык в употреблении» или «язык в действии», подчёркивая его динамическую природу и функциональную обусловленность.

Одним из наиболее влиятельных исследователей дискурса является Тён ван Дейк (Teun A. van Dijk) и он рассматривает дискурс как сложное коммуникативное событие, включающее в себя три аспекта: лингвистический (*текст как языковая структура*), когнитивный (*знания, установки и намерения участников коммуникации*) и социальный (*условия, в которых осуществляется коммуникация: социальные роли, нормы, культурные коды*). Таким образом, дискурс предстает как пространство взаимодействия языка, сознания и социума.

Непосредственное формирование теории дискурса и методов его анализа связано с целым рядом научных направлений, развивавшихся во второй половине XX века. Существенный вклад внесли исследования языкового употребления, представленные в рамках немецкой лингвистической традиции (П. Хартман, П. Вундерлих и др.), где язык рассматривался, в первую очередь, как средство социального взаимодействия. Значимым источником стали и социолингвистические исследования коммуникации, развивавшиеся в США в работах Э. Шеглоффа и Г. Сакса, ориентированные на анализ реального речевого взаимодействия и механизмов организации диалога.

Важную роль в становлении дискурсивного подхода сыграли логико-семиотические исследования текста, получившие развитие во французском постструктурализме. В трудах А. Ж. Греймаса и Е. Ландовского были разработаны модели анализа политических, дидактических и повествовательных текстов, в которых особое внимание уделялось смыслообразующим структурам и коммуникативным стратегиям. Параллельно идеи дискурса формировались в когнитивной психологии, где моделировались процессы порождения и понимания речи, а также в антропологии – в исследованиях этнографии коммуникации, направленных на выявление культурно обусловленных форм речевого поведения.

Более глубокие философско-лингвистические основания теории дискурса прослеживаются в работах М. М. Бахтина, прежде всего в его концепции диалогичности, жанров речи и соотнесённости высказывания с конкретной коммуникативной ситуацией. Косвенным образом теория дискурса также связана с риторической традицией, различными подходами к изучению функциональных стилей речи, советской психолингвистической школой и исследованиями разговорной речи.

Сам термин «анализ дискурса» был впервые введён в научный оборот в 1952 году Зеллигом Харрисом. Его задача состояла в расширении дистрибутивного метода с уровня отдельного предложения на уровень связного текста с учётом социокультурных условий коммуникации. В дальнейшем понятие анализа дискурса оказалось тесно связано с направлением *Textlinguistik* (лингвистика текста), получившим распространение в Европе с середины 1950-х годов; в этом контексте следует упомянуть и термин *lingüística del texto*, использованный Эухенио Косериу.

Переход от анализа отдельных предложений к исследованию текста, а затем и дискурса стал особенно заметен в конце 1970-х – начале 1980-х годов. В этот период в лингвистике усиливается интерес к прагматическим и коммуникативным аспектам языка. Текст перестаёт восприниматься исключительно как статический результат речевой деятельности и начинает рассматриваться как процесс, разворачивающийся во времени и включённый в конкретную жизненную ситуацию. В этом контексте получила широкое распространение метафора «речь, погружённая в жизнь», подчёркивающая неразрывную связь дискурса с социальным опытом говорящих.

Согласно Арутюновой Н. Д.: «Возникновение и развитие теории дискурса и практики его анализа отвечает следующим тенденциям в лингвистике 60–70-х гг. 20 в.: стремлению вывести синтаксис за пределы предложения (ср. гиперсинтаксис Б. Палека, макросинтаксис Т. ван Дейка и др., синтаксис текста В. Дреслера), разработке прагматики речи (ср. теорию речевых актов), подходу к речи как к социальному действию (ср. понятие перформатива), интересу к речевому употреблению и субъективному аспекту речи, общей тенденции к интеграции гуманитарных исследований. Э. Бенвенист одним из первых придал слову «дискурс», которое во французской лингвистической традиции обозначало речь вообще, текст, терминологическое значение, обозначив им «речь, присваиваемую говорящим».

Он противопоставлял дискурс объективному повествованию (*récit*). Эти формы речи различаются рядом черт: системой времён, местоимений и др. Впоследствии понятие дискурса было распространено на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи» [88].

Дискурсивный анализ принципиально отличается от традиционных структурных подходов тем, что он объединяет собственно языковые и внеязыковые факторы. Объектом исследования становятся не только лексико-грамматические структуры, но и коммуникативные стратегии, когнитивные схемы, стереотипы мышления, прагматические установки участников общения. Особое внимание уделяется тому, каким образом знания о мире, социальные ожидания и культурные нормы влияют на порождение и понимание высказываний.

С точки зрения функциональной лингвистики дискурс представляет собой форму социального действия, посредством которой создаются, передаются и интерпретируются смыслы. Язык в дискурсе выступает не как нейтральный инструмент описания действительности, а как активный механизм её конструирования. Именно поэтому дискурсивный анализ играет важную роль в исследовании таких явлений, как аргументация, убеждение, манипуляция, институциональная коммуникация и формирование идентичности.

На протяжении длительного времени анализ дискурса и лингвистика текста рассматривались как близкие, а иногда и тождественные области языкознания. Однако в конце 1970-х – начале 1980-х годов наметилась тенденция к их разграничению, обусловленная уточнением понятий *текст* и *дискурс*. Текст при этом стал пониматься преимущественно как абстрактная, формально организованная языковая конструкция, тогда как дискурс трактуется как совокупность способов её актуализации в реальных коммуникативных условиях, с учётом когнитивных процессов и экстралингвистических факторов. Такой подход был последовательно обоснован в работах Тён ван Дейка, подчеркнувшего связь дискурса с мышлением и социальной средой.

В методологическом отношении дискурсивный анализ опирается главным образом на описательные и экспериментальные методы, позволяющие выявлять закономерности функционирования языка в процессе коммуникации.

Подводя итог, можно определить дискурсивный анализ как совокупность методов и подходов, направленных на изучение

функционирования языковых структур в реальных коммуникативных ситуациях. В рамках данного направления язык рассматривается не изолированно, а в тесной связи с когнитивными процессами, социальными практиками и культурными контекстами, что делает дискурс одной из центральных категорий современной функциональной лингвистики.

6.2 Основные подходы и категории дискурсивного анализа

Дискурсивный анализ как современный метод исследования коммуникативных процессов ориентирован на выявление закономерностей производства и интерпретации смысла в реальных условиях общения. В этом подходе язык рассматривается как форма социального действия, посредством которого участники коммуникации не только передают информацию, но и регулируют социальные отношения, выражают идентичность, воздействуют на поведение и оценки друг друга. Подобное понимание языка сближает дискурсивный анализ с социологическими и критическими исследованиями коммуникации, в частности с работами Юрген Хабермас, где дискурс осмысливается как особая форма рационального взаимодействия.

Одним из наиболее влиятельных направлений современного дискурсивного анализа является социокогнитивный подход, разработанный Тён ван Дейком. В рамках этого подхода дискурс интерпретируется как многоуровневое коммуникативное событие, включающее текст, когнитивные модели участников общения и социальный контекст. Особое внимание уделяется тому, каким образом знания, убеждения и идеологические установки отражаются в языковых структурах и, в свою очередь, воспроизводятся через дискурс.

Методологически дискурсивный анализ использует совокупность описательных, интерпретативных и экспериментальных методов. Анализируются реальные тексты и диалоги, выявляются повторяющиеся коммуникативные схемы, прагматические маркеры, способы организации информации и механизмы управления вниманием адресата. Важной задачей является также выявление нарушений коммуникативных принципов, таких как Принцип кооперации и Принцип вежливости, поскольку именно такие «осечки» позволяют наиболее наглядно продемонстрировать скрытые правила речевого взаимодействия.

Таким образом, дискурсивный анализ в рамках функциональной лингвистики представляет собой современный и продуктивный метод

исследования языка, ориентированный на целостное описание коммуникативных процессов. Он позволяет рассматривать язык как динамическую систему, функционирующую в тесной связи с когнитивной деятельностью человека и социальными условиями общения, что делает данный подход особенно значимым для анализа современных форм коммуникации.

Выявлено несколько подходов к определению дискурса:

1) Структуралистский подход (З. Харрис)

З. Харрис рассматривал дискурс как языковое образование, выходящее за пределы отдельного предложения. В его понимании объектом анализа является последовательность предложений, функционирующих в рамках одного фрагмента речи или текста и образующих структурное целое. Такой подход заложил основы лингвистического анализа сверхфразовых единств, при этом внимание сосредотачивалось преимущественно на формально-структурных связях между предложениями, без привлечения прагматических и когнитивных факторов [88, с. 1–2]. Он заложил основу для лингвистического анализа сверхфразовых единств, но не включал прагматические и когнитивные факторы.

2) Философско-социологический подход (М. Фуко)

М. Фуко придал термину философский смысл. В лекции “L’ordre du discours” и последующих трудах (“Archaeology of Knowledge”, 1969) он рассматривал дискурс как совокупность высказываний, через которые формируется знание и осуществляется власть. Дискурс, по Фуко, не просто отражает реальность – он конструирует её, задаёт границы того, что можно считать истиной в определённую эпоху. Ученый писал: «Discourses are not merely groups of signs; they are practices that systematically form the objects of which they speak» [89, с. 49].

3) Коммуникативно-прагматический подход (Ю. Хабермас)

Ю. Хабермас в работе “Theorie des kommunikativen Handelns” развил концепцию дискурса как рационального коммуникативного действия. По его мнению, дискурс – это форма аргументированной речи, направленной на достижение взаимопонимания и согласия между участниками. Хабермас противопоставил инструментальное действие и коммуникативное действие (цель – успех; цель – взаимопонимание): “In discourse, participants no longer pursue their individual goals but test the validity of their statements.” [90, с. 25].

4) Когнитивно-коммуникативный подход (Т. ван Дейк)

Т. ван Дейк, один из ключевых представителей современного дискурс-анализа, рассматривает дискурс как комплексное когнитивно-социальное явление, объединяющее язык, мышление и общество.

В его модели анализируются три уровня:

- текстуально-лингвистический (структура текста, когезия, когерентность);
- когнитивный (ментальные модели и схемы понимания);
- социальный (идеология, власть, доминирование).

Согласно Т. ван Дейку: «Дискурс – это не только форма текста или разговора, но и форма социальной практики, которая воспроизводит или оспаривает властные отношения». (Discourse is not only a form of text or talk but also a form of social practice that reproduces or challenges power relations) [91, с. 11].

Российская и постсоветская школа (Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова и др.)

В отечественной лингвистике понятие дискурса получило активное развитие в 1980–1990-е годы вслед за российской лингвистикой.

Однако идеи Эмиля Бенвениста, сформулированные в рамках французской лингвистической школы, оказали фундаментальное воздействие на последующее развитие представлений о дискурсе в отечественной гуманитарной мысли. Бенвенист стал одним из первых исследователей, кто ввёл различие между *histoire* («повествование») и *discours* («дискурс»), тем самым обозначив переход от описания языка как системы к анализу языка в действии. В его трактовке дискурс представляет собой индивидуальную речевую деятельность субъекта, включённую в коммуникативную ситуацию, где говорящий выражает своё отношение к реальности и адресату посредством языковых средств. Таким образом, *discours* у Бенвениста – это актуализированная речь, отражающая субъективность говорящего, его оценку происходящего и момент высказывания [92].

Эти положения послужили методологической основой для формирования лингвистической прагматики, теории речевых актов и впоследствии – для разработки понятия дискурса в казахстанской и российской лингвистике. Научная традиция, сложившаяся в трудах Н. Д. Арутюновой, Е. С. Кубряковой, В. И. Карасика, М. С. Жанузакова, Г. Н. Смагуловой, З. Ш. Ерназаровой, Г. Азимжанова, К. Есеновой, Б. С. Жумагуловой, Г. Буркитбаевой, К. К. Садировой и других исследователей, унаследовала бенвенистовское понимание речи как формы социального действия. В этой интерпретации дискурс рассматривается не просто как последовательность высказываний, а

как процесс смыслопорождения, отражающий когнитивную, культурную и коммуникативную деятельность человека.

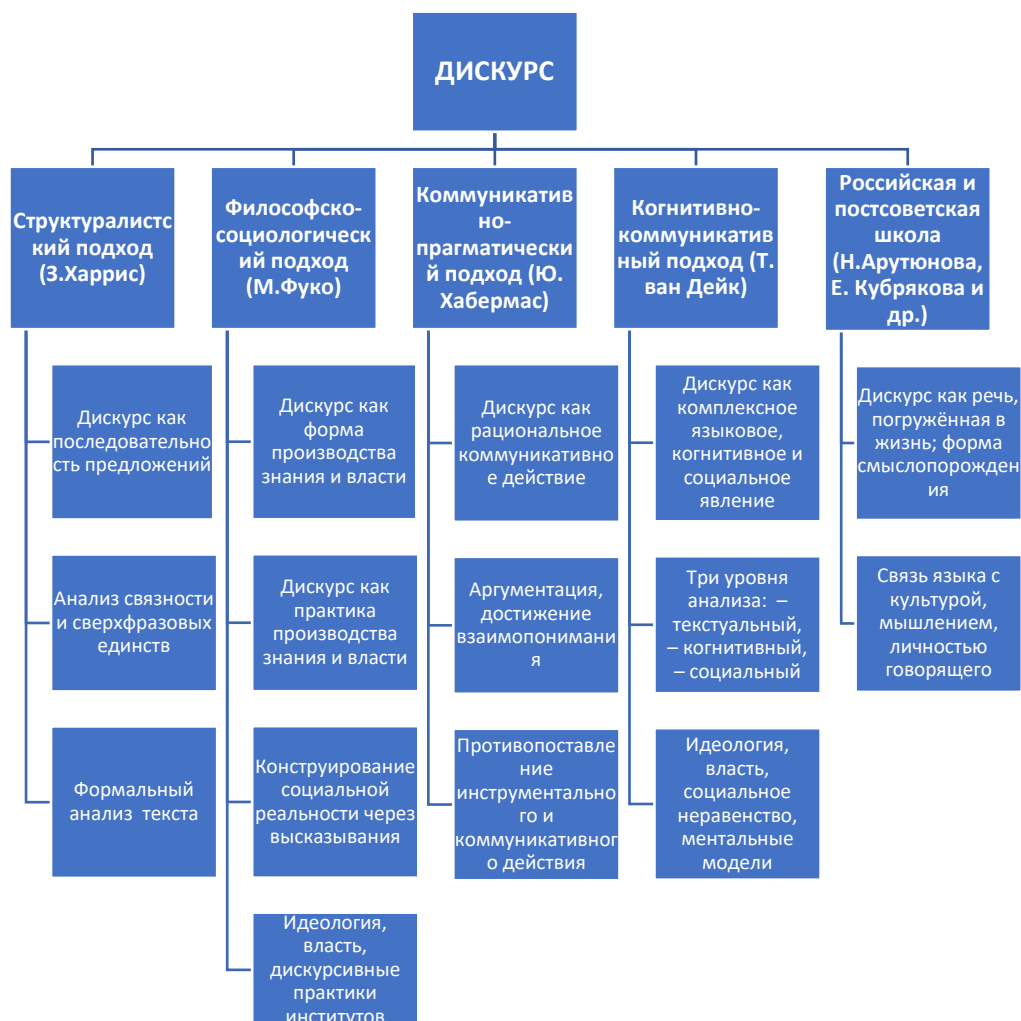

Рисунок 6.1 – Основные подходы к дискурсивному анализу

Французская теория дискурса, разработанная Бенвенистом, стала отправной точкой для развития отечественной дискурсивной парадигмы, которая, обогащаясь идеями когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, адаптировалась к национальным научным школам Казахстана и России. В современных казахстанских исследованиях (например, в трудах по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации) дискурс трактуется как форма отражения этнокультурной картины мира, где коммуникативное поведение говорящего тесно связано с его культурной идентичностью и ценностными ориентирами.

Так, например, Н. Д. Арутюнова предложила одно из наиболее точных определений: «Дискурс – это речь, погружённая в жизнь, то есть текст в совокупности с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, психологическими) факторами» [93, с. 136]. Это определение стало классическим для русской лингвистической традиции, так как подчёркивает связь языка с действительностью и личностью говорящего.

Позднее Е. С. Кубрякова (1995) развила когнитивный аспект, рассматривая дискурс как форму «речемыслительной деятельности» [94], а В. И. Карасик (2000) предложил типологию дискурсов по социальным сферам – институциональный, личностный и художественный [95].

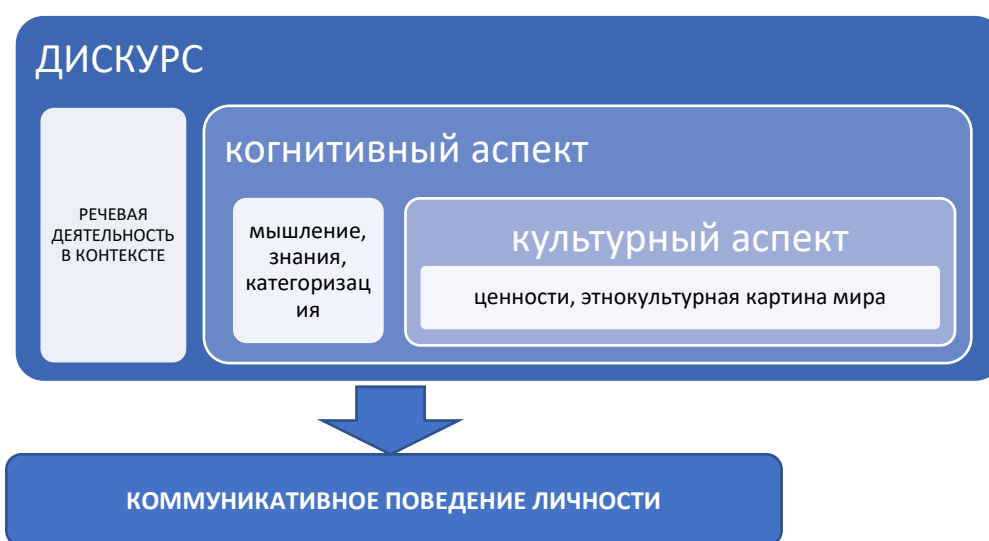

Рисунок 6.2 – Отечественная и постсоветская интерпретация дискурса

Таким образом, дискурсивный анализ в современной лингвистике оформился как междисциплинарный исследовательский подход, направленный на изучение языка в его реальном функционировании. В отличие от классических структурных моделей, ориентированных преимущественно на внутреннюю организацию языковой системы, дискурсивный анализ сосредоточен на исследовании коммуникативных процессов, в которых язык выступает как средство социального взаимодействия, когнитивной обработки информации и культурного конструирования смысла. В этом качестве он органично вписывается в функциональную парадигму языкознания, для которой определяющим является принцип рассмотрения языка через его функции и способы употребления.

Междисциплинарный характер дискурсивного анализа обусловлен самой природой дискурса как сложного феномена, находящегося на пересечении языка, мышления и социальной практики. Поэтому в его формировании и развитии приняли участие не только лингвистика, но и философия языка, социология, психология, антропология, теория коммуникации и когнитивные науки. Существенное влияние оказали идеи Людвига Витгенштейна о языковых играх, концепция речевых актов Джона Остина и Джона Сёрля, а также разработки в области социолингвистики и этнографии коммуникации, представленные в трудах Делл Хаймс.

В рамках функциональной лингвистики дискурсивный анализ рассматривается как способ описания языковых единиц не изолированно, а в системе их коммуникативных, прагматических и когнитивных связей. Высказывание при этом выступает не просто как грамматически оформленная структура, а как результат целенаправленного речевого действия, ориентированного на адресата и встроенного в конкретный контекст общения. Таким образом, центральными категориями дискурсивного анализа становятся коммуникативная ситуация, интенция говорящего, прагматический контекст, пресуппозиции и импликатуры, а также стратегии и тактики речевого взаимодействия.

Таблица 6.1 – Сравнительная таблица подходов

Подход	Представители	Понимание дискурса	Фокус анализа
Структуралистский	З. Харрис	Последовательность предложений	Связность, структура
Философско-социологический	М. Фуко	Практика производства знания	Власть, идеология
Коммуникативно-прагматический	Ю. Хабермас	Рациональная аргументированная коммуникация	Взаимопонимание
Когнитивно-коммуникативный подход	Т. ван Дейк	Социально-когнитивное событие	Текст + сознание + общество
Отечественная и постсоветская школа	Н. Д. Арутюнова, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик	Речь, погруженная в жизнь	Смысл, культура, личность

Резюмируя, можно подытожить, что дискурсивный анализ в рамках функциональной лингвистики представляет собой комплексный научный подход, направленный на изучение языка в его реальном функционировании – в процессах общения, социального взаимодействия и смыслопорождения.

В отличие от формально-структурного анализа, сосредоточенного на внутреннем устройстве языковой системы, дискурсивный анализ учитывает экстралингвистические факторы: социальный контекст, когнитивные установки участников коммуникации, культурные нормы и идеологические основания речевого поведения. Это позволяет рассматривать язык не только как средство передачи информации, но и как инструмент конструирования социальной реальности, формирования идентичности и воспроизводства общественных отношений. Освоение основных подходов и категорий дискурсивного анализа имеет принципиальное значение для подготовки специалистов в области лингвистики, перевода, межкультурной коммуникации и гуманитарных наук в целом. Понимание дискурса как формы социального действия расширяет аналитические возможности исследователя и способствует более глубокому осмыслению коммуникативных процессов в различных сферах – от повседневного общения до институционального и медиадискурса. В этом контексте дискурсивный анализ выступает не только как метод научного исследования, но и как универсальный инструмент интерпретации языковой практики в современном обществе.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему в современной лингвистике усиливается интерес к изучению языка в процессе реального общения?
2. В чём заключается отличие дискурса от текста с точки зрения функционального подхода?
3. Почему дискурс рассматривается как междисциплинарное понятие?
4. Каковы основные источники формирования теории дискурса и дискурсивного анализа?
5. В чём состоит вклад З. Харриса в становление дискурсивного анализа?
6. Как трактуется дискурс в философско-социологической концепции М. Фуко?
7. Какие уровни анализа дискурса выделяет Т. ван Дейк?
8. Как идеи Э. Бенвениста повлияли на развитие отечественной теории дискурса?
9. В чём заключается различие между лингвистикой текста и дискурсивным анализом?
10. Почему дискурсивный анализ считается одним из ключевых методов функциональной лингвистики?

7 Теория речевых актов

Цели обучения

В результате изучения данной лекции обучающийся должен:

- понимать сущность теории речевых актов в интерпретации Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрля;
- различать типы речевых актов (локутивный, иллокутивный, перлокутивный, пропозициональный);
- анализировать структуру и условия успешности речевых актов;
- применять понятия конститутивных и регулятивных правил при анализе речевого взаимодействия;
- распознавать иллокутивную силу и коммуникативную интенцию в реальных текстах и диалогах.

Ключевые термины

Речевой акт, иллокутивный акт, перлокутивный акт, локутивный акт, пропозициональный акт, иллокутивная сила, референция, предикация, конститутивные правила, регулятивные правила, перформатив, интенциональность, условия успешности.

7.1 Язык и речь в функциональной парадигме. Речевая деятельность в функциональной интерпретации

В аспекте функциональной лингвистики язык рассматривается как деятельностная, социально направленная система, основной целью которой является организация коммуникации и выражение смыслов. С этой позиции речевой акт – не просто психический процесс порождения высказывания, а единица реализации коммуникативной функции языка, соотносящая языковую форму, интенцию и прагматический результат. Речевая деятельность в функциональной трактовке – это социальное взаимодействие, в котором язык выступает средством выражения, воздействия и познания.

Функциональная лингвистика утверждает, что любое высказывание – это форма целесообразной деятельности, направленной на достижение определенного результата. Таким образом, граница между языком и речью определяется не только структурно (Ф. де Соссюр), но и функционально, т.е. когда язык рассматривается как динамическая, контекстуально обусловленная система, реализующаяся через речь.

Разграничение языка и речи восходит к работам Фердинанда де Соссюра, который предложил рассматривать язык (*langue*) как систему знаков, а речь (*parole*) – как индивидуальное использование этой

системы. Иными словами, язык – это социальное явление, совокупность норм, закреплённых в коллективном сознании, тогда как речь – это процесс актуализации этих норм в конкретной коммуникативной ситуации. Язык является потенциальной системой, тогда как речь – его реализация, динамическая форма существования. В этом противопоставлении уже заложены истоки функционального подхода: язык существует не вне деятельности, а через деятельность говорящего субъекта.

Функциональный анализ здесь направлен на внутренние психические процессы, а на внешние коммуникативные условия такие как цели, намерения, адресность, контекст, прагматический эффект и т.д.

Как отмечал А. В. Бондарко, «функциональный подход направлен на выявление системных отношений между формой и содержанием через призму коммуникативных задач» [51]. Следовательно, речь понимается как форма существования функции языка, а не просто как использование готовой системы. В этом смысле речевая деятельность рассматривается как совокупность функциональных актов коммуникации, где каждый акт подчинен общей задаче взаимодействия.

В отличие от формальной теории речевых актов, прагматика изучает не только вымышленные примеры, а реальное функционирование языка в общении – от слова до целого дискурса. При этом акцент переносится с результата воздействия на сам процесс коммуникации. Она рассматривает фактор адресата – реакцию и роль слушающего, что делает подход двусторонним.

Следовательно, речевой акт – это действие, совершаемое говорящим при помощи языка. Когда человек говорит, он не просто передаёт информацию, но и выполняет определённое коммуникативное действие – утверждает, просит, советует, благодарит, предупреждает и т.д.

7.2 Классификация речевых актов по Дж. Л. Остину

Поначалу прагматика ограничивалась анализом дейктических выражений («я», «здесь», «сейчас»), то есть зависимых от контекста слов. Но с конца 1960-х годов её развитие связано с теорией речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль, П. Грайс и др.), где основным элементом коммуникации считается не предложение, а действие, совершаемое посредством речи – утверждение, просьба, извинение и т.д.

Речевые акты – основная единица прагматики, поскольку именно через них язык превращается в средство действия и влияния.

Теория речевых актов (ТРА) возникла в рамках аналитической философии языка в середине XX века. Её основателем считается английский философ Джон Остин (J. L. Austin), автор знаменитой работы «*How to Do Things with Words*» («Слово как действие», 1962). Позднее идеи Остина были развиты его учеником Джоном Серлем (J. Searle).

Согласно теории речевых актов, любое высказывание – это не просто сообщение информации, а действие, совершаемое посредством слов. Таким образом, говорить – значит *действовать*.

Теория речевых актов (ТРА) была разработана Джоном Остином (Austin, 1962) в середине XX века. Далее ТРА развивалась его учеником Джоном Сёрлем (Searle, 1969).

Разрабатывая основы теории речевых актов, Дж. Л. Остин стремился установить взаимосвязь между констативными (описывающими факты) и перформативными (выполняющими действие) высказываниями, а также определить условия, при которых перформативные высказывания можно считать успешными. В ходе анализа он пришёл к выводу, что чёткое разграничение между этими двумя типами высказываний невозможно: за пределами узкой группы явных перформативов большинство высказываний в языке обладает деятельностной природой.

Эта идея привела Остина к пересмотру исходных понятий и к формулированию нового – иллокутивного акта, который отражает функциональную направленность высказывания. Таким образом, в центре его теории оказалось не само действие говорящего, а коммуникативное намерение, т.е. целевая установка, реализуемая через языковое высказывание.

В структуре речевого акта Остин выделил три взаимосвязанных уровня: *локутивный, иллокутивный и перлокутивный*.

- Локутивный акт представляет собой сам процесс произнесения высказывания, обладающего звуковой, грамматической и смысловой организацией. На этом уровне реализуются фонетическая, лексико-грамматическая и семантическая структуры речи, обеспечивающие формирование значения.

- Иллокутивный акт выражает цель говорящего – например, просьбу, приказ, предупреждение или утверждение. Иллокутивная сила является конвенциональной, поскольку она определяется правилами языка и социальными нормами коммуникации.

- Перлокутивный акт связан с результатом воздействия на адресата – убеждением, побуждением, эмоциональной реакцией и т.д.

Этот компонент уже не носит конвенционального характера, так как зависит от конкретной ситуации общения и восприятия слушающего.

Функционалисты подчеркивают, что иллокутивная структура высказывания формирует функционально-семантическое поле: каждая грамматическая категория или конструкция может служить выражением определённого коммуникативного намерения.

Так, модальные глаголы (*can, may, must*) или синтаксические структуры (*императив, вопросительное предложение, конструкция с please*) – это не просто грамматические формы, а носители функциональных смыслов, определяемых речевым актом.

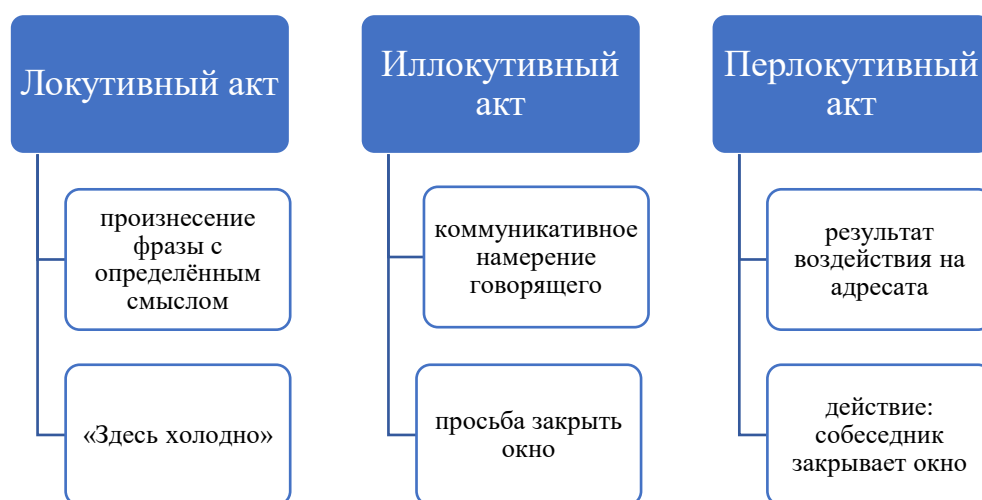

Рисунок 7.1 – Структура речевого акта по Дж. Л. Остину [38]

В результате Остин приходит к выводу, что высказывание всегда представляет собой действие, а его смысл не может быть сведен только к описанию фактов. Язык, таким образом, функционирует не как система пассивного отражения действительности, а как инструмент социального и прагматического взаимодействия.

7.3 Классификация речевых актов по Дж.Р. Серлю

После публикации лекций Дж. Л. Остина «*How to Do Things with Words*» его ученик и коллега Джон Р. Серль продолжил развитие теории речевых актов, стремясь придать ей более логически строгую форму. В своей фундаментальной работе *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language* [39] Дж. Р. Серль предложил систематическую классификацию речевых актов и уточнил понятия, введенные Остином.

Если Остин рассматривал высказывание как действие, совершаемое посредством слов, то Дж. Р. Серль сосредоточился на структуре и правилах, регулирующих выполнение таких действий.

Он утверждал, что каждый речевой акт подчиняется определённым конститутивным и регулятивным правилам. Конститутивные правила создают возможность для самого речевого действия (например, что считать обещанием или приказом), тогда как регулятивные определяют условия уместности и корректности акта в конкретной ситуации общения.

Центральным понятием у Дж. Р. Серля, как и у Дж. Л. Остина, остаётся иллокутивная сила, т.е. коммуникативная направленность высказывания. Она отражает намерение говорящего – его интенцию, благодаря которой высказывание становится действием. Дж. Р. Серль подчёркивает, что именно намерение делает возможным понимание речевого акта: слушающий интерпретирует не только значение слов, но и коммуникативную цель говорящего.

Дж. Р. Сёрль существенно перестроил теорию речевых актов: уточнил внутреннюю архитектуру речевого действия, сформулировал условия успешности и систему правил, предложил рабочую таксономию иллокутивных типов, а также дал процедуру истолкования косвенных (небуквальных) актов. Большинство позднейших классификаций так или иначе опираются на его предложения, хотя альтернативные версии тоже существуют.

Так, предложение *«Вы не могли бы закрыть окно?»* формально имеет структуру вопроса, но иллокутивно функционирует как вежливая просьба. В этом примере форма и функция высказывания не совпадают, что и демонстрирует ключевую установку функциональной лингвистики: форма языка определяется целью общения.

Развивая идеи Остина, Дж. Серль разработал более детальную типологию речевых актов, опираясь на их коммуникативное назначение и социальную направленность. В его трактовке речь – это не просто передача информации, а инструмент социального действия, при помощи которого человек реализует свои намерения и регулирует взаимодействие с другими людьми (Searle, 1969; 1975).

Более расчленённая модель Дж. Р. Серля различает:

- акт высказывания (локуцию) – собственно производство языковой формы;
- пропозициональный акт – представление положения дел (его «логическая форма» в позднегенеративной терминологии), которое распадается на два микрошага: референцию (отнесение к объекту/лицу) и предикацию (приписывание признака/действия);
- иллокутивный акт – коммуникативную «силу» (утверждение, просьба, приказ и т.п.);

- перлокутивный акт – фактический эффект на адресата (убеждение, побуждение, эмоциональная реакция).

Одна и та же пропозиция может служить «семантическим ядром» для разных иллокутивных целей. Сравните различия функций при близком содержании: «Арман сдаёт экзамен? / Арман сдаёт экзамен. / Арман, сдавай экзамен! / Хорошо бы Арман сдал экзамен / «Я буду рад, если Арман сдаст экзамен». Референт остаётся тем же (Арман), предикцируемое действие – сдача экзамена; меняется иллокутивная установка (вопрос, констатация, побуждение, желание, условное сообщение).

Практически в любом высказывании можно выделить два слоя: индикатор пропозиционального содержания p и маркер функции F ; удобно записывать как $F(p)$. Маркеры функции – это не только перформативные глаголы («я прошу/предупреждаю/утверждаю»), но и наклонение глагола, порядок слов, интонация, ударение, а на письме – пунктуация. Часто роль маркера берёт на себя контекст: табличка «Злая собака» на калитке считается как предупреждение, а не просто номинация.

В таком разрезе модель Дж. Р. Сёрля уточняет остиновскую схему: Дж. Остин детализировал локуцию на фонетический (phonetic), фатический (phatic), ретический (rhetic) акты [38, с. 92]; Дж. Р. Сёрль вместо этого подчёркивает самостоятельность пропозиционального акта – референция (reference) и предикация (predication) – между локуцией и иллокуцией [39, с.4].

Дж. Остин показал, что перформативы подвержены неудачам (*infelicities*): есть «осечки» (*misfires*), когда нарушены условия процедуры (нет полномочий, ситуация не та, формула сказана неверно), и есть «злоупотребления» (*abuses*), когда форма соблюдена, но нарушена искренность. Отсюда – юридическая ничтожность «акта» бракосочетания без права его совершать, или «обещание» без намерения выполнить.

Дж. Р. Сёрль переносит анализ в русло конститутивных правил (правил типа « X считается Y »), как в игре: именно они создают виды речевых действий и описывают их корректное совершение. Для примера он разбирает обещание и задаёт набор условий (логика сокращена до сути):

- соблюдены базовые условия общения (язык общий, ситуация серьёзная);

- есть пропозициональное содержание: будущее действие приписано говорящему;

- выполнены подготовительные соображения: обещаемое соответствует интересу/предпочтению адресата и не является очевидным исходом событий;

- соблюдена искренность: говорящий намерен сделать обещанное (в неискреннем варианте – по крайней мере берёт на себя ответственность за такое намерение);

- действует существенное правило: произнеся соответствующую форму, говорящий связывает себя обязательством.

Ключевым отличием подхода Серля от остиновского является переход от анализа формальных различий между типами высказываний к рассмотрению иллокуторной силы – той функции, которую высказывание выполняет в конкретной ситуации общения. Каждое речевое действие, по Серлю, выполняет социальную задачу, реализуя определённый тип интенции.

В зависимости от характера взаимодействия между говорящим и адресатом, ученый выделяет пять основных типов речевых актов:

1) Ассертивы (assertives) – утверждения, передающие информацию о фактах. Например: *«Снег белый»*.

2) Директивы (directives) – побуждения к действию (приказ, совет, просьба). Например: *«Открой окно!»*

3) Комиссивы (commissives) – акты, посредством которых говорящий берёт на себя обязательство. Например: *«Я обещаю прийти»*.

4) Экспрессивы (expressives) – выражение чувств и оценок. Например: *«Поздравляю тебя!»*

5) Декларативы (declaratives) – акты, изменяющие социальную реальность самим фактом высказывания.

Например: *«Объявляю вас мужем и женой»*.

Ассертивы (assertives) – утверждения как средство констатации фактов

Ассертивы – это высказывания, предназначенные для передачи знаний и отражения действительности. Их функция заключается в информировании адресата. Говорящий выражает убеждение в истинности сообщаемого.

Например:

- *«Земля вращается вокруг Солнца»*.

- *«Он уже ушёл домой»*.

Ассертивы формируют основу когнитивной функции языка. Они типичны для научного, официально-делового и академического дискурсов, где важна достоверность, проверяемость и объективность.

С функциональной точки зрения, такие высказывания реализуют информативную установку говорящего и образуют ядро коммуникативного поля утверждения (по терминологии А. В. Бондарко).

Директивы (directives) – акты побуждения к действию

Директивы представляют собой высказывания, целью которых является влияние на поведение адресата. Это просьбы, советы, приказы, запреты, инструкции.

Например:

- «*Закрой дверь!*»

- «*Пожалуйста, помогите мне с отчётом*».

Здесь говорящий инициирует действие, адресованное собеседнику. Дж. Серль подчёркивает, что успех директивного акта зависит не только от формы, но и от социальных отношений между участниками коммуникации [39].

В функциональной грамматике директивы соотносятся с волеизъявительной функцией языка, выражающей отношение говорящего к действию адресата. Грамматическими средствами реализации могут быть императивные конструкции, вопросительные формы с модальными глаголами, инфинитивные обороты и пр.

Комиссивы (commissives) – обязательства и обещания

Комиссивы фиксируют обязательство говорящего совершить определённое действие в будущем.

Например:

- «*Я обещаю позвонить завтра*».

- «*Мы гарантируем качество продукции*».

Эти акты направлены в будущее и предполагают ответственность говорящего за выполнение обещания. Они выражают не просто намерение, но и социальную установку на доверие, обязательность, надёжность.

Функциональная интерпретация комиссивов раскрывает их через интерактивную функцию языка – установление и поддержание кооперации между участниками общения.

Экспрессивы (expressives) – выражение эмоциональных состояний.

Экспрессивы служат для передачи эмоций, чувств, оценок или субъективных реакций говорящего на событие.

Например:

- «*Я рад тебя видеть!*»

- «*Извини, что опоздал*».

Здесь основная цель – выражение внутреннего состояния, а не сообщение информации. По Дж. Серлю, экспрессивы выполняют социально-регулирующую роль, поддерживая эмоциональный баланс и создавая условия для взаимопонимания в коммуникации.

В рамках функциональной лингвистики экспрессивы иллюстрируют аффективно-коммуникативную функцию языка, изучаемую также в прагмалингвистике и социалингвистике (см. Jakobson, 1960; Halliday, 1978).

Декларативы (declaratives) – высказывания, изменяющие социальную реальность.

Декларативы – особый тип речевых актов, которые создают новую реальность в силу их произнесения. Они обладают институциональной силой и возможны только в рамках определённых социальных ролей и норм.

Например:

- «*Объявляю заседание открытым*».
- «*Вы уволены*».
- «*Я крестил этого ребёнка*».

Декларативный акт действует только в официальных или ритуализированных контекстах, где говорящий наделён необходимыми полномочиями.

Функционально декларативы реализуют регулятивную функцию языка – они не просто отражают социальную действительность, а конституируют её.

С точки зрения функциональной лингвистики, все пять типов речевых актов представляют собой разновидности реализации коммуникативных функций языка.

Таблица 7.1 – Функциональная корреляция классификации Серля

	Функциональная роль	Основная цель общения	Примеры
Ассертивы	Информативная	Сообщение фактов, передача знаний	«Сегодня холодно»
Директивы	Волеизъявительная	Побуждение адресата к действию	«Принеси книгу»
Комиссивы	Интерактивная	Принятие обязательства, сотрудничество	«Я вернусь завтра»
Экспрессивы	Эмоционально-оценочная	Выражение чувств и оценок	«Поздравляю!»
Декларативы	Регулятивная	Изменение социального статуса или факта	«Вы назначены директором»

Дж. Сёрль доработал механизм понимания косвенных актов, т.е. несмотря на то, что «Вы не могли бы закрыть окно?» является формальным вопросом, по совокупности маркеров и контекста данное предложение интерпретируется как вежливая просьба. Иными словами, иллокутивная сила выводится не из формы одной лишь конструкции, а из пересечения языковых и конвенционально-прагматических признаков.

Анализ теории Дж. Сёрля позволил уточнить философские основания теории речевых актов. Учёный разграничил два типа правил, лежащих в основе языкового взаимодействия:

1) *Регулятивные правила* – те, что регулируют уже существующие формы поведения (например, нормы этикета, предписания вежливости, социальные традиции общения).

2) *Конститутивные правила* – создающие новые типы действий, то есть задающие саму возможность их существования. Такие правила определяют, что именно считается речевым актом обещания, приказа, утверждения, извинения и т. д.

Дж. Сёрль подчёркивает, что правила успешности речевых актов не являются внешними ограничениями. Они входят в саму сущность акта и образуют его структуру. Другими словами, именно через эти правила определяется, что именно совершает говорящий, произнося то или иное высказывание: обещание, приказ или констатацию. В этом состоит ключевое отличие философской логики языка Дж. Сёрля от формально-семантических подходов: язык рассматривается не как пассивное средство описания мира, а как инструмент социального действия, где грамматика и семантика встроены в систему правил взаимодействия между участниками коммуникации.

Таким образом, классификация Дж. Сёрля не только уточнила теоретические основания остиновской модели, но и стала ключевым звеном в функционально-коммуникативной парадигме современного языкознания. Она демонстрирует, что язык – это инструмент действия, встроенный в социальную систему. Каждое высказывание – это не просто сообщение, а акт взаимодействия, направленный на достижение определённой цели. Дж. Сёрль систематизирует идею Дж. Остина: говорить – значит совершать действия по правилам. Каждый иллокутивный тип идентифицируется комбинацией (i) пропозиционального содержания, (ii) подготовительных условий, (iii) искренности и (iv) конститутивного правила, по которому определённая форма «считается» данным актом. Тем самым иллокутивный акт выступает минимальной единицей коммуникации, а

семантика – как сеть конститутивных правил, связывающих форму, намерение и социальную конвенцию.

Теория речевых актов в интерпретации Дж. Серля стала основой для целого ряда функциональных направлений: коммуникативной грамматики, прагмалингвистики и дискурсивного анализа. Она позволила рассматривать язык как средство действия и взаимодействия, а не только как систему обозначений.

Таким образом, речевой акт в функциональной лингвистике – это элементарная форма речевой деятельности, в которой объединяются грамматическая структура, смысловое содержание и коммуникативная цель, реализующие основную функцию языка – быть инструментом человеческого общения.

Вопросы для самоконтроля

1. В чём состоит основное различие между концепциями Дж. Л. Остина и Дж. Р. Сёрля?
2. Какие уровни речевого акта выделяет Сёрль и как они соотносятся между собой?
3. Что такое пропозициональный акт и из каких элементов он состоит?
4. Чем отличаются иллокутивный и перлокутивный акты?
5. Что представляют собой конститутивные и регулятивные правила речевых актов?
6. Какие условия обеспечивают успешность акта обещания по Сёрлу?
7. Почему теория речевых актов имеет значение для функциональной лингвистики?
8. Как интерпретировать косвенные речевые акты с позиции иллокутивной силы?

8 Отечественная функциональная лингвистика

Цели обучения:

В результате изучения данной лекции обучающийся должен:

- понять сущность функционального подхода в казахстанской лингвистике на примере научной концепции З. К. Ахметжановой;
- освоить основные положения функционально-семантического анализа языковых единиц в интерпретации З. К. Ахметжановой;
- уметь объяснять роль коммуникативного фактора и семантики в описании грамматических категорий казахского языка;
- формировать навыки применения функционального подхода при анализе языковых явлений в научных и учебных исследованиях.

Ключевые термины

Функциональный подход, функционально-семантическое поле, категориальная ситуация, семантико-грамматическая категория, языковая функция, речевая деятельность, контекстуальная актуализация значения, антропоцентрический принцип описания языка.

8.1 Принцип функционализма в казахстанской лингвистике

Отечественная лингвистика развивается в том же направлении, что и мировая лингвистика, которая характеризуется интегративным характером.

Принцип функционализма, получивший развитие в трудах европейских и русских лингвистов XX века, нашёл широкое отражение и в отечественном языкознании. Он стал одним из ведущих методологических оснований для анализа как грамматической системы, так и стилистических особенностей казахского и русского языков.

Функциональная парадигма в языкознании в Казахстане сформировалась под влиянием как советской, так и зарубежной лингвистической науки. В советский период большое значение имели идеи М. М. Бахтина (о языке как форме социального взаимодействия), В. В. Виноградова (о функциональных стилях) и Г. О. Винокура. Эти подходы активно разрабатывались и в казахском языкознании, где изучение функций языка связывалось с проблемами двуязычия, межкультурной коммуникации и национальной идентичности.

Функциональная грамматика позволяет заново осмыслить универсальную и сложную природу языковой системы, формирует

умение видеть её сущность через призму функций, выполняемых различными единицами.

Функциональная грамматика, опираясь на законы мышления и закономерности языка, показывает, что любое высказывание, любая речь или слово зависят от множества семантических и прагматических категориальных ситуаций. Сегодняшние научно-теоретические проблемы функциональной грамматики, её предмет и новые направления исследований, а также потенциал её развития в казахском языкознании подтверждают особую актуальность данного направления.

Значительный вклад в развитие отечественного языкознания внесли казахстанские ученые А. Байтурсынов, С. Аманжолов, Р. Сыздық, А. Жұбанов, Ф. Оразбаева (коммуникативная лингвистика, функциональные подходы в преподавании); Н. Сауранбаев, Ш. Сарыбаев, Г. Смағұлова (функции языка в условиях билингвизма и полилингвизма); А. Кайдар, А. Жакупов, Ж. Манкеева, С. Құлманов, М. Жолшаева (функции текста, этнолингвистика и функциональные семантические поля); Л. К. Жаналина (формы речевой деятельности, функциональная грамматика, вопросы синтаксиса); А. Е. Карлинский (функционально-стилистический анализ, литературный казахский язык) и др., а также зарубежные и российские исследователи, которые внесли значительный вклад в систематизацию основных категорий традиционной и функциональной грамматики. Среди них можно назвать А. В. Бондарко, Г. А. Золотову, Р. Якобсона, И. Я. Харитонову, В. Ю. Апресяна, Е. С. Кубрякову, Н. В. Берницкую, Е. И. Панина, Н. Н. Болдырева, М. Ю. Блох, а также таких зарубежных лингвистов, как Е. А. Kruisinga, F. Wood, H. Sweet, H. Poutsma, S. Harman, M. Ganshina, B.A. Ilyish, C. N. Leech и др.

Одним из направлений, в котором проявился функционально-семантический подход А. В. Бондарко, стал фундаментом для многих отечественных исследований. Этот подход заключался в том, что грамматические категории (например, время, вид, модальность) не сводятся только к морфологическим формам, а представляют собой целые поля, объединяющие разные средства выражения на лексическом, синтаксическом и интонационном уровнях.

В Казахстане функциональная лингвистика получила развитие в работах, связанных с исследованием:

- функций казахского языка в условиях многоязычия;
- функциональных стилей в казахской литературе, публицистике, официально-деловой речи;

- функций текста и дискурса (научного, медийного, образовательного);
- когнитивно-функциональных аспектов языка, в частности в исследованиях по терминологии, ономастике, лингвокультурологии и этнолингвистике и дискурсивных исследованиях;
- функционально-семантических категорий в сопоставительном аспекте на материале разноструктурных языков.

Для полного осмысления природы функциональной грамматики современного казахского языка необходимы комплексные и многоаспектные исследования, которые должны учитывать все стороны речевой деятельности говорящего, в частности – выявление природы языковых знаков, используемых в коммуникации.

Особое место в отечественной лингвистике занимает определение кумулятивной функции языка. Язык выполняет в жизни общества множество функций, однако особое значение имеет его кумулятивная функция. Она заключается в том, что язык соединяет поколения, обеспечивая преемственность между прошлым, настоящим и будущим, выступая своеобразным «золотым мостом», который объединяет культурный и исторический опыт народа. Именно через эту функцию язык сохраняет и передает народную мудрость, закрепляя её в коллективной памяти и делая доступной для последующих поколений [96].

А. Кайдар трактует её следующим образом: «роль языка в жизни народа чрезвычайно многообразна. Одной из его важнейших функций является то, что язык служит связующим звеном между поколениями, своеобразным «золотым мостом», соединяющим прошлое, настоящее и будущее народа. Именно через язык передаются духовные ценности, культурный опыт и народная мудрость. В науке такая функция языка получила название кумулятивной функции, то есть функции накопления и передачи культурного и исторического наследия» [96]. Иначе говоря, язык выполняет важнейшую миссию – хранит и передает культурный и исторический опыт народа.

Освоение функциональной грамматики предполагает глубокое изучение как внутренней, так и внешней системы языка, что включает рассмотрение парадигматических и синтагматических связей, многоуровневых функций и разнообразных способов реализации языка в функционально-семантическом поле.

В последние десятилетия в казахстанском языкознании активно разрабатываются научно-теоретические концепции и понятийный аппарат функциональной грамматики казахского языка. Об этом свидетельствуют коллективные и индивидуальные исследования,

обобщенные в фундаментальных трудах «Функциональная грамматика казахского языка» (2010), «Функциональная грамматика казахского языка» (2011), «Актуальные проблемы функциональной грамматики казахского языка» (2013). Кроме того, отдельные аспекты функционально-грамматического описания языка получили освещение в работах других ученых, что подтверждает устойчивый интерес к данному направлению и его значимость для современного развития отечественной лингвистической науки.

Главное преимущество функциональной грамматики заключается в том, что она опирается на человеческий (антропоцентрический) фактор, понятие и когнитивные процессы, а её функциональность рассматривается через тесную взаимосвязь всех языковых элементов с окружающей средой. Для выявления специфических особенностей функциональной грамматики необходимо прежде всего раскрыть смысл термина *функция* [97, с. 323]. Его исследование выходит за рамки традиционного понимания языка лишь как средства человеческого общения. Многие учёные справедливо отмечают, что функция языка начинает действовать ещё до речевого акта, так как сама природа языка предопределяет его роль в мышлении и в организации когнитивного опыта.

В казахском языкознании вопросы функциональной грамматики получили развитие в трудах отечественных ученых. Одним из первых исследователей, предложивших рассматривать данное направление как самостоятельную научную область, был Е. Жанпейісов, который обозначил его термином «служебная грамматика» (қызметтік грамматика) и обосновал необходимость ее выделения в системе лингвистических исследований [98, с. 12]. В целом казахские лингвисты признают закономерный переход от описания языка в рамках традиционной грамматики к функциональному осмыслению языковых явлений, ориентированному на их коммуникативное и семантическое предназначение.

Введение функциональной грамматики в научный оборот тесно связано с развитием семантической теории. В этом отношении особое значение имеют труды М. Оразова, посвященные семантике казахского языка, в которых заложены основы функционально-семантического анализа языковых единиц [99]. Наряду с этим следует отметить исследования М. М. Төлеуп, в которых категория причины и следствия рассматривается на материале казахского языка с опорой на традиционную грамматическую модель, что создает предпосылки для ее функционального переосмысления [100].

Категория аспектуальности получила освещение в исследованиях М. Жолшаевой, где она рассматривается как важный компонент функционально-грамматического описания казахского языка [101]. Категории качества и признака, в свою очередь, нашли отражение в научных трудах Қ. Рысалды, посвящённых анализу соответствующих семантико-грамматических средств языка [102].

Категория каузальности формируется совокупностью языковых единиц, непосредственно связанных с понятием функционально-семантического поля. Под функционально-семантическим полем понимается объединение разноуровневых языковых средств, направленных на выражение определённого значения и функционирующих как целостная система. Таким образом, совокупность языковых механизмов, реализующих каузальные отношения, образует функционально-семантическое поле каузальности, что соответствует современному функциональному подходу к описанию грамматических категорий.

В функциональной грамматике роль основных языковых единиц непосредственно соотносится с понятием *функции*. Функциональная интерпретация языковых средств предполагает, что выбор и отбор единиц языка осуществляется говорящим по направлению от значения к форме. При этом взаимодействие языковых единиц различных уровней – лексического, морфологического и синтаксического – рассматривается как процесс их совместной реализации в рамках общего функционального поля, где они объединяются общей семантической задачей.

Значение термина «функция» в языкознании определяется в зависимости от той области лингвистики, в которой он используется, и от того, какую сторону языка исследует данная область. Например, в лингвистике часто встречаются такие выражения, как *социальная функция языка, коммуникативная функция, функция установления связи, эмотивная функция, апеллятивная функция, кумулятивная функция, стилистическая функция, прагматическая функция, эстетическая функция языка* и др.

В современной лингвистике термин «функция» употребляется в целом ряде смысловых значений. Если рассматривать его с точки зрения функциональной грамматики, то можно выделить различные интерпретации: как значение, как лексическую функцию (в трактовке И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского), как гуманитарное содержание (Г. А. Золотова), как результат мыслительной деятельности (В. Г. Гак) и т.д. В целом понятие функциональной грамматики опирается на основные принципы

терминологии: системность, дефинированность, мотивированность, понятность, краткость, высокая степень узнаваемости и включённость в словарные источники [104].

Функции языка в функциональной грамматике принято подразделять на внутренние и внешние. К внутренним функциям относится грамматическое оформление речи, формирующееся в процессе мышления и направленное на структурирование высказывания до его вербализации. Данный этап связан с внутренним восприятием и когнитивной обработкой информации. Внешняя функция, в свою очередь, проявляется в способности говорящего и адресата использовать грамматическую систему языка в процессе реального общения, с учётом их когнитивных, перцептивных и коммуникативных возможностей.

По данным Л. В. Поповой, проанализировавшей терминологию функциональной грамматики, в трудах таких учёных, как С. Дик, Н. А. Слюсарев, Г. А. Золотова, В. Матезиус, М. А. К. Хэллiday, А. В. Бондарко, встречается около 410 терминов, относящихся к данной области исследования [103, с. 41].

В отечественном контексте эту концепцию активно развивали Н. Г. Шаймердинова, М. Б. Нуртазина и А. Ш. Сулейменова. Они показали, что грамматика не ограничивается формальными признаками, а тесно связана с коммуникативной функцией: как в конкретной ситуации говорящий выбирает ту или иную форму, чтобы выразить значение. Например, категория времени в казахском языке выражается не только морфологически, но и через синтаксические конструкции, контекстуальные средства, что демонстрирует сложное переплетение форм и функций. Так, в своей работе Э. Д. Сулейменова излагает соотношение смысла и значения и отмечает, что «значение и смысл формируются и функционируют только в единстве, будучи взаимосвязаны не только генетически, но и функционально» [104].

Серьёзным шагом в развитии отечественной функциональной лингвистики стало применение её принципов при изучении грамматических единиц казахского языка. Б. Капалбеков, С. Кулманов, А. Султанбекова, М. Жолшаева, А. Жанабекова, О. Жубаева и другие исследователи предложили анализировать падежи, наклонения, временные формы не только в формальном, но и в функциональном аспекте. Так, падежи описываются как средства не только синтаксической связи, но и актуализации отдельных компонентов высказывания, временные формы – как инструмент организации повествования, а модальные конструкции – как способ выражения прагматических установок говорящего.

Для этих исследователей важно было показать, что языковые единицы приобретают смысл только в реальном употреблении, в конкретной коммуникативной ситуации. Такой подход позволил рассматривать, например, падежные формы, не как отвлечённые грамматические категории, а как средства, обеспечивающие информационную структуру высказывания, расстановку акцентов в тексте. Это означало отход от формального грамматического описания и переход к более динамической модели языка.

Особое направление казахстанской функциональной лингвистики и стилистики связано с трудами Х. Х. Махмудова, в частности с его концепцией функциональной организации художественного текста, изложенной в монографии «Поэтика художественного текста» (1965), где язык рассматривается как система средств с определённой коммуникативно-эстетической значимостью [105, с. 18–25].

Идеи Х. Х. Махмудова получили дальнейшее развитие в трудах исследователей казахстанской школы теоретической стилистики – Б. М. Джилкибаева, В. В. Бадикова, Д. Сагдуллаева, В. Г. Салагаева, Б. Г. Бобылева, К. К. Ахмедьяровой и других, в работах которых функциональный анализ применяется к изучению текста, стилистических средств и художественной речи.

В целом в современной казахстанской лингвистике можно выделить два обобщённых направления функционального анализа: с одной стороны, исследования грамматических категорий, ориентированные на выявление их коммуникативных и прагматических функций (категории времени, вида, модальности, падежа), с другой – функционально-стилистические и текстовые исследования, направленные на изучение языковых средств в художественном и публицистическом дискурсе. В совокупности данные подходы формируют представление о языке как о динамической системе, в которой выбор формы определяется задачами коммуникации.

Язык выступает способом выражения мыслительной деятельности человека, так как сам характер формирования мыслительных единиц и их функционирования в значительной мере зависит именно от языка.

Также на развитие исследований функциональных аспектов лингвистики повлияли труды такой ключевой фигуры как академик С. Кенесбаев, который внес огромный вклад в лексикологию, фразеологию, функциональную семантику. Его исследования по фразеологии казахского языка показали, как устойчивые выражения выполняют коммуникативные и экспрессивные функции в речи.

В этом плане он рассматривал язык не только как систему, но и как средство воздействия и культурного выражения.

З. К. Ахметжанова известна своими трудами по функциональной стилистике и вопросам лингводидактики. Ученый исследовала, как разные функциональные стили реализуются в казахском языке и как эти знания можно применять в обучении языку и переводу. В ее работах функционализм тесно связан с методикой преподавания, что особенно ценно для педагогической лингвистики. З. К. Ахметжанова часто в своих трудах обсуждает функциональный подход к языкознанию, функционально-коммуникативный анализ, связь языка с культурой и когнитивными моделями.

Казахстанский лингвист З. К. Сабитова рассматривает функциональную грамматику как область языкознания, ориентированную на изучение того, каким образом грамматические единицы реализуют своё назначение в процессе речевого общения, взаимодействуя с элементами различных уровней языковой системы при формировании и передаче смысла высказывания [65, с. 347].

З. К. Сабитова разрабатывает идеи «от значения к форме»: синтаксические конструкции рассматриваются через их семантическую и коммуникативную функцию, а не только через форму.

Итак, функциональная грамматика казахского языка как фундаментальное направление начала целенаправленно разрабатываться в конце XX века в Институте языкознания имени А. Байтурсынова. В рамках данных исследований общетеоретические вопросы функциональной грамматики, а также отдельные семантические категории были выдвинуты в качестве самостоятельных и приоритетных объектов научного анализа. Это ознаменовало переход от описательно-нормативного подхода к системному функционально-семантическому осмыслению грамматических явлений казахского языка.

Значительный вклад в развитие функционально-грамматических исследований внесли труды З. К. Ахметжановой, С. С. Құнанбаевой, Қ. Рысалды, Е. Жанпейісова, Т. Әбдіғалиевой, Б. Шалабая, З. Базарбаевой, Н. Сәрсембаевой, А. Салқынбай, Б. Қапалбекова, М. Жолшаевой, А. Жаңабековой, О. Жұбаевой, С. Құлманова, А. Солтанбековой, Е. Маралбек и других исследователей. Результатом системной коллективной работы стало издание в 2010–2011 годах двухтомной фундаментальной научной монографии, подготовленной Институтом языкознания имени А. Байтурсынова, которая обобщила основные достижения казахстанской школы функциональной

грамматики и заложила методологическую основу для дальнейших исследований в данной области.

8.2 Функциональный подход Ахметжановой З. К.

Применение функционального подхода в сопоставительных исследованиях в казахстанской лингвистике нашло свое отражение в трудах З. К. Ахметжановой (на материале русского и казахского языков), К. Т. Рысалды, Н. А. Сарсембаевой, Б. К. Жумабековой (на материале казахского и немецкого языков), С. И. Садыбековой (на материале казахского, русского и английского языков) и др. Этот факт положил начало в сопоставительных исследованиях категориальных ситуаций. Работы данного направления ориентированы на установление различий между сравниваемыми языками и выявление различий на уровне функционирования языковых единиц.

Функциональный подход в казахстанском языкознании получил системное развитие в трудах З. К. Ахметжановой, чьи исследования сыграли значительную роль в формировании функционально-семантического направления в изучении казахского языка. Научная концепция ученого опирается на идеи функциональной грамматики, лингвопрагматики и теории речевой деятельности и ориентирована на анализ языка как средства выражения смысла в реальной коммуникативной практике.

Известный казахстанский лингвист, основатель функционального направления в казахстанской лингвистике З. К. Ахметжанова полагает, что «принцип опоры на семантику в сопоставительных исследованиях обуславливает и необходимость изучения двух и более разносистемных языков в сопоставительном плане, т.к. одной из важнейших функций языка является коммуникативная функция общения, которая предполагает обмен информацией. В этом аспекте семантика, содержание приобретает первостепенное значение. Сопоставительный анализ должен исходить из того, как, какими средствами выражается определенная содержательная категория в исследуемых языках. Универсальные законы мышления находят отражение в универсальных понятийных категориях, именно опора на эти универсальные понятийные категории может служить надежным средством для сопоставления языков» [106, с. 31]. Опираясь на данную концепцию, ученый разработала основные принципы и приемы сопоставительно-функционального исследования разносистемных языков, которые могут быть использованы при изучении любой пары других языков.

З. К. Ахметжанова, используя основные положения теории функционально-семантического поля А. В. Бондарко, рассматривает поля поссесивности, аспектуальности и компаративности на материале русского и казахского языков. Проанализировав вышеназванные поля как языковые системы, ученый приходит к выводу, что имеются различия в характере признаков категорий поссесивности и аспектуальности сравниваемых языков, а структура компаративного поля оказалась в обоих языках универсальной.

Таким образом, в центре функционального подхода З. К. Ахметжановой находится соотношение грамматической формы, значения и функции, реализуемой в процессе речевого общения. Исследователь исходит из положения о том, что грамматические категории не могут быть адекватно описаны вне их коммуникативного и семантического назначения. Языковые формы рассматриваются не изолированно, а в их взаимодействии с контекстом, речевой ситуацией и интенциями говорящего.

Научная новизна и теоретическая значимость исследования З. К. Ахметжановой заключается в том, что впервые обосновываются принципы сопоставительно-функционального исследования русского и казахского языка как сопоставительного исследования качественно нового типа с ориентацией на коммуникативно активную грамматику. Основными и наиболее существенными принципами, определяющими характер сопоставительного исследования, являются принцип опоры на семантику и принцип функционального сопоставления. На основе определенных принципов исследованы функционально-семантические поля (ФСП) поссесивности, аспектуальности и компаративности, что в плане сопоставления русского и казахского языков также проведено впервые. Впервые в связи с принципом функционального сопоставления в орбиту сопоставительного исследования русского и казахского языков введен уровень текста. В ходе анализа аспектуальности ФСП впервые в казахском языкознании введено понятие предельности-непредельности как семантической категории казахского языка, построена типология средств выражения аспектуальных отношений русского и казахского языков. В ходе анализа ФСП компаративности изложено нетрадиционное понимание функционально-семантической категории компаративности, построена типология средств выражения компаративных отношений. В результате анализа ФСП поссесивности также построена типология средств выражения поссесивных отношений. В пределах каждого из полей проведено исследование категориальных характеристик высказывания как единицы уровня текста.

Сопоставительное исследование результатов анализа ФСП и соответствующих категориальных характеристик русского и казахского языков позволило выявить ряд глубоких различий типологического характера между исследуемыми языками.

Иными словами, научная концепция ученого опирается на идеи функциональной грамматики, лингвопрагматики и теории речевой деятельности и ориентирована на анализ языка как средства выражения смысла в реальной коммуникативной практике.

Одним из ключевых положений концепции З. К. Ахметжановой является понимание грамматических категорий как функционально-семантических образований, которые объединяют разноуровневые языковые средства на основе общности значения. Такой подход сближает исследования ученого с теорией функционально-семантических полей, разработанной в трудах А. В. Бондарко, однако при этом адаптирует ее к специфике казахского языка и национальной языковой картине мира.

Особое внимание в работах ученого уделяется антропоцентрическому принципу, согласно которому язык рассматривается через призму речевой деятельности человека. Грамматическая система языка осмысливается как инструмент, обеспечивающий выражение мыслей, оценок и коммуникативных намерений говорящего. В этом контексте функциональная грамматика трактуется как теория, ориентированная не столько на описание форм, сколько на объяснение механизмов смыслопорождения и интерпретации высказывания.

Важным аспектом данного функционального подхода является анализ категориальных значений с опорой на реальные речевые данные. Ученый показывает, что грамматические значения проявляются вариативно и зависят от контекста, коммуникативной цели и прагматических условий употребления. Тем самым подчеркивается динамический характер грамматической системы, способной к гибкой адаптации в процессе общения.

Функциональный подход З. К. Ахметжановой также характеризуется стремлением к интеграции различных лингвистических направлений. В ее работах прослеживается связь функциональной грамматики с семантикой, прагматикой, когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией. Такой междисциплинарный характер исследований позволяет рассматривать язык как сложную систему, функционирующую на пересечении когнитивных, коммуникативных и социокультурных факторов.

Методологической основой данного подхода является положение о первичности значения и функции по отношению к форме. Языковая форма, согласно данному подходу, рассматривается как результат реализации коммуникативного замысла, тогда как значение и функция выступают определяющими факторами выбора грамматических средств. Тем самым исследования Ахметжановой последовательно реализуют принцип анализа «от функции к форме», являющийся ключевым для функциональной грамматики.

В работах ученого грамматические категории интерпретируются как динамические функционально-семантические образования, не сводимые к фиксированным формальным показателям. Категориальные значения раскрываются через совокупность разноуровневых языковых средств, объединённых общностью семантики и коммуникативной направленности. Такой подход позволяет описывать грамматические явления казахского языка с учётом их вариативности, контекстной обусловленности и прагматической значимости.

Данный подход представляет собой одно из наиболее последовательных воплощений принципа функционализма в казахстанском языкознании. Исследования ученого направлены на выявление механизмов функционирования грамматических категорий казахского языка в их соотнесённости с семантикой, прагматикой и речевой деятельностью говорящего. В центре внимания находится не формальная структура языковых единиц, а их участие в процессе смыслопорождения и коммуникации.

Существенным компонентом функционального подхода З. К. Ахметжановой является учёт речевого субъекта. Язык рассматривается как инструмент деятельности человека, а грамматическая система – как средство выражения когнитивных, оценочных и коммуникативных установок говорящего. В этом аспекте функциональная грамматика сближается с антропоцентрической парадигмой современной лингвистики, в рамках которой внимание смещается от абстрактной языковой системы к языку в употреблении.

Особое место в концепции ученого занимает анализ взаимодействия грамматических категорий с прагматическим контекстом. Ученый показывает, что реализация грамматических значений зависит не только от языковой формы, но и от ситуации общения, интенций говорящего, адресата речи и условий коммуникации. Таким образом, грамматические категории приобретают функциональную интерпретацию как средства организации высказывания и управления процессом понимания.

Функциональный подход З. К. Ахметжановой отличается также междисциплинарной направленностью. В ее исследованиях функциональная грамматика органично сочетается с положениями лингвистической семантики, прагматики, когнитивной лингвистики и теории дискурса. Такой синтез позволяет рассматривать грамматические явления в их связи с когнитивными структурами сознания и культурными моделями, отражающими национальную языковую картину мира.

Научная значимость функционального подхода З. К. Ахметжановой заключается в том, что он способствует обновлению традиционного грамматического описания казахского языка, расширяет аналитические возможности грамматики и формирует теоретическую базу для дальнейших исследований в области функционально-семантического анализа, дискурсивной лингвистики и лингвопрагматики. В современных условиях данный подход сохраняет высокий исследовательский потенциал и активно используется в работах казахстанских лингвистов.

Таким образом, функциональный подход З. К. Ахметжановой представляет собой значимый этап в развитии отечественной функциональной лингвистики. Он способствует углубленному пониманию грамматических категорий казахского языка, раскрывает их семантическую и коммуникативную природу и формирует методологическую основу для дальнейших исследований в области функциональной грамматики, дискурсивного анализа и лингвопрагматики.

Вопросы для самоконтроля

1. В чём заключается специфика функционального подхода З. К. Ахметжановой по сравнению с традиционной грамматикой?
2. Как соотносятся семантика и функция грамматических форм в её научной концепции?
3. Почему функционально-семантический анализ рассматривается как приоритетный метод описания языка?
4. Какую роль играет коммуникативная ситуация в интерпретации грамматических категорий?
5. Какие идеи З. К. Ахметжановой способствовали развитию функциональной лингвистики в Казахстане?
6. В чём значение её работ для современного казахского языкознания и лингвистического образования?

Тесты для проверки знаний

1. Структурная лингвистика рассматривает язык как:

- А) социальный процесс;
- В) систему взаимосвязанных элементов;
- С) форму мышления;
- Д) дискурс.

2. Основоположником структурной лингвистики является:

- А) Н. Хомский;
- В) К. Бюлер;
- С) Ф. де Соссюр;
- Д) А. Мартине.

3. Центральное понятие структурализма —

- А) функция;
- В) система;
- С) прагматика;
- Д) дискурс.

4. Пражская лингвистическая школа связана с именами:

- А) Л. Блумфилд, Н. Хомский;
- В) Н.С. Трубецкой, Р. Jakobson;
- С) Дж. Остин, Дж. Серль;
- Д) С. Дик, М.А.К. Халлидей.

5. Главное достижение структурализма —

- А) дискурсивный анализ;
- В) фонологические теории;
- С) теория речевых актов;
- Д) когнитивная семантика.

6. Основное ограничение структурализма —

- А) отсутствие терминологии;
- В) игнорирование коммуникации;
- С) отказ от синхронии;
- Д) слабая формализация.

7. Прикладная лингвистика ориентирована на:

- А) философию языка;
- В) практические задачи;
- С) историческое языкознание;
- Д) семиотику.

8. Автоматический перевод относится к:

- A) структурной лингвистике;
- B) прикладной лингвистике;
- C) сравнительному языкознанию;
- D) типологии.

9. Переход к функциональной парадигме был обусловлен:

- A) развитием логики;
- B) невозможностью объяснить язык как средство общения;
- C) интересом к диахронии;
- D) развитием фонетики.

10. Антропоцентризм предполагает:

- A) приоритет формы;
- B) анализ языка вне человека;
- C) ориентацию на человека в языке;
- D) отказ от системы.

11. По В. А. Масловой ведущей является парадигма:

- A) формальная;
- B) сравнительно-историческая;
- C) антропоцентрическая;
- D) структуралистская.

12. Коммуникативная направленность языка означает:

- A) автономность языка;
- B) язык как средство общения;
- C) приоритет письменной речи;
- D) отказ от контекста.

13. Функциональная лингвистика изучает язык как:

- A) систему форм;
- B) средство реализации функций;
- C) исторический объект;
- D) когнитивный модуль.

14. Интердисциплинарность функциональной лингвистики связана с:

- A) математикой;
- B) когнитивными и социальными науками;
- C) физикой;
- D) биологией.

15. Язык в функциональной парадигме – это:

- А) абстрактная структура;
- В) живое средство взаимодействия;
- С) код;
- Д) модель.

16. Основной принцип функциональной лингвистики —

- А) формализм;
- В) телеологичность;
- С) историзм;
- Д) атомизм.

17. Телеологический принцип был сформулирован:

- А) Ф. Де Соссюром;
- В) Пражским лингвистическим кружком;
- С) Н. Хомским;
- Д) Л. Блумфилдом.

18. Функциональная лингвистика рассматривает язык как:

- А) автономную систему;
- В) средство социального взаимодействия;
- С) формальный код;
- Д) психическую структуру.

19. Учение о функциях языка принадлежит:

- А) Ф. де Соссюру;
- В) К. Бюлеру;
- С) Л. Ельмслеву;
- Д) Н. Хомскому.

20. К. Бюлер выделял функций языка:

- А) две;
- В) три;
- С) четыре;
- Д) пять.

21. Экспрессивная функция связана с:

- А) воздействием;
- В) выражением эмоций;
- С) сообщением фактов;
- Д) структурированием текста.

22. Объект функциональной лингвистики —

- А) текст;
- В) речь;
- С) язык как система и деятельность;
- Д) дискурс.

23. Предмет функциональной лингвистики —

- А) формы;
- В) функции языковых единиц;
- С) нормы;
- Д) фонология.

24. Принцип «от функции к форме» означает:

- А) анализ формы без контекста;
- В) выбор средств по коммуникативной задаче;
- С) приоритет структуры;
- Д) отказ от системы.

25. Формальные теории рассматривают язык как:

- А) средство общения;
- В) автономную систему;
- С) культурный феномен;
- Д) дискурс.

26. Генеративная грамматика относится к:

- А) функционализму;
- В) формализму;
- С) прагматике;
- Д) стилистике.

27. Для функционализма характерно:

- А) игнорирование речи;
- В) объяснение формы через функцию;
- С) приоритет синтаксиса;
- Д) отказ от семантики.

28. Системно-функциональная лингвистика связана с:

- А) С. Диком;
- В) М.А.К. Халлидеем;
- С) Т. Гивоном;
- Д) Л. Ельмслевом.

29. Интеграция уровней языка характерна для:

- А) структурализма;

- В) функционализма;
- С) младограмматизма;
- Д) формальной семантики.

30. Функциональный анализ ориентирован на:

- А) форму;
- В) употребление;
- С) историю;
- Д) классификацию.

31. Центральная категория функционализма —

- А) структура;
- В) знак;
- С) функция;
- Д) норма.

32. Функция в широком смысле —

- А) роль слова;
- В) назначение языка как средства общения;
- С) тип дискурса;
- Д) грамматическая категория.

33. В фонологии функция – это

- А) тематизация
- В) различение значений
- С) модальность
- Д) предикация

34. Актуальное членение связано с:

- А) морфологией;
- В) синтаксисом;
- С) фонетикой;
- Д) словообразованием.

35. Учение об актуальном членении разработал:

- А) Р. Jakobson;
- В) А.Ю. Матезиус;
- С) Н. Хомский;
- Д) Л. Блумфилд.

36. Актуальное членение включает:

- А) субъект и объект;
- В) тему и рему;

- С) подлежащее и сказуемое;
- Д) форму и содержание.

37. Рема – это:

- А) известная информация;
- В) новая информация;
- С) грамматическая основа;
- Д) контекст.

38. Пражская школа рассматривала язык как:

- А) автономную структуру;
- В) систему целенаправленных средств;
- С) врождённую способность;
- Д) код.

39. Копенгагенская школа связана с:

- А) Р. Якобсоном;
- В) Л. Ельмслевом;
- С) М.А.К. Халлидеем;
- Д) Т. Гивоном.

40. Глоссематика основана на различии:

- А) языка и речи;
- В) формы содержания и формы выражения;
- С) формы и функции;
- Д) синхронии и диахронии.

41. Теория речевых актов связана с:

- А) К. Бюлером;
- В) Дж. Остином и Дж. Серлем;
- С) Р. Матезиусом;
- Д) С. Диком.

42. Высказывание в теории речевых актов – это:

- А) структура;
- В) действие;
- С) форма;
- Д) система.

43. Коммуникация в функционализме —

- А) передача информации;
- В) социальное взаимодействие;
- С) кодирование;

D) отражение мышления.

44. Универсальными являются:

- A) формы;
- B) функции;
- C) структуры;
- D) модели.

45. Тезис «синтаксис – бывший дискурс» принадлежит:

- A) М.А.К. Халлидею;
- B) Т. Гивону;
- C) СВ. Дику;
- D) Л. Ельмслеу.

46. Функционализм противопоставляется:

- A) историзму;
- B) формализму;
- C) прагматике;
- D) типологии.

47. Для функционализма важны данные:

- A) интроспекции;
- B) употребления;
- C) логики;
- D) абстракции.

48. Функциональный подход ориентирован на:

- A) описание форм;
- B) объяснение употребления;
- C) реконструкцию;
- D) формализацию.

49. Пражская школа сочетала:

- A) формальный и исторический подход;
- B) структурный и функциональный;
- C) когнитивный и прагматический;
- D) семантический и логический.

50. Учение об актуальном членении важно для:

- A) фонологии;
- B) синтаксиса и текста;
- C) морфологии;
- D) словообразования.

51. Функциональная грамматика изучает:

- А) историческое развитие грамматики;
- В) формальные правила языка;
- С) грамматические категории в их функционировании;
- Д) только синтаксис.

52. Функциональная грамматика рассматривает грамматические категории как:

- А) изолированные формы;
- В) элементы системы норм;
- С) средства выражения значений;
- Д) абстрактные модели.

53. Основателем теории функциональной грамматики в отечественной лингвистике является:

- А) Г.А. Золотова;
- В) А.В. Бондарко;
- С) В.В. Виноградов;
- Д) Н.Ю. Шведова.

54. Центральным понятием теории А. В. Бондарко является:

- А) дискурс;
- В) функционально-семантическое поле;
- С) речевой акт;
- Д) прагматический контекст.

55. Функционально-семантическое поле объединяет средства:

- А) одного уровня языка;
- В) разных уровней языка;
- С) только морфологические;
- Д) только синтаксические.

56. Основой объединения средств в ФСП является:

- А) формальное сходство;
- В) частотность;
- С) общность семантической функции;
- Д) историческое происхождение.

57. К функционально-семантическим полям относится поле:

- А) словообразования;
- В) падежа;
- С) времени;
- Д) фонем.

58. Функциональная грамматика ориентирована преимущественно на:

- А) язык как систему;
- В) язык в речи;
- С) язык в диахронии;
- Д) язык как код.

59. Теория функциональной грамматики предполагает анализ:

- А) только формы;
- В) только значения;
- С) формы и функции в единстве;
- Д) только структуры.

60. Г.А. Золотова является автором концепции:

- А) ФСП;
- В) коммуникативного синтаксиса;
- С) глоссематики;
- Д) ролевой грамматики.

61. Коммуникативный синтаксис изучает:

- А) формальные модели предложений;
- В) актуальное членение;
- С) структуру текста;
- Д) фонологические оппозиции.

62. В концепции Золотовой синтаксис рассматривается как:

- А) система правил;
- В) средство организации высказывания;
- С) отражение логики;
- Д) автономный уровень.

63. Тема в коммуникативном синтаксисе – это:

- А) новая информация;
- В) исходный компонент высказывания;
- С) сказуемое;
- Д) модальность.

64. Рема в коммуникативном синтаксисе – это:

- А) данное;
- В) грамматическая основа;
- С) коммуникативный центр;
- Д) контекст.

65. Функциональная грамматика ориентирована на принцип:

- А) от формы к системе;
- В) от функции к средствам;
- С) от нормы к употреблению;
- Д) от структуры к истории.

66. Функциональный анализ грамматических категорий учитывает:

- А) только форму;
- В) только значение;
- С) контекст и коммуникативную задачу;
- Д) только норму.

67. В функциональной грамматике грамматические значения могут выражаться:

- А) только морфологически;
- В) только синтаксически;
- С) разноуровневыми средствами;
- Д) только лексически.

68. Функциональная грамматика тесно связана с:

- А) формальной семантикой;
- В) прагматикой и дискурсом;
- С) исторической фонетикой;
- Д) типологией алфавитов.

69. Теория А.В. Бондарко развивает идеи:

- А) генеративной грамматики;
- В) структурализма без функций;
- С) функционализма;
- Д) когнитивизма.

70. Функциональная грамматика рассматривается как:

- А) частная теория;
- В) прикладная дисциплина;
- С) одно из центральных направлений ФЛ;
- Д) вспомогательная область.

71. Лингвистическая прагматика изучает:

- А) формальные структуры;
- В) значение вне контекста;
- С) употребление языка в ситуации общения;
- Д) исторические изменения.

72. Прагматика фокусируется на отношении:

- А) знака к системе;
- В) знака к пользователю;
- С) формы к структуре;
- Д) языка к истории.

73. Основателем современной прагматики считается:

- А) Ф. де Соссюр;
- В) Г.П. Грайс;
- С) Н. Хомский;
- Д) Л. Ельмслев.

74. Принцип кооперации принадлежит:

- А) Дж. Остину;
- В) Дж. Серлю;
- С) Г.П. Грайсу;
- Д) К. Бюлеру.

75. Принцип кооперации предполагает, что участники общения:

- А) соблюдают нормы языка;
- В) стремятся к эффективному общению;
- С) используют формальные структуры;
- Д) избегают импликаций.

76. максима количества требует:

- А) говорить красиво;
- В) говорить правду;
- С) давать не больше и не меньше информации;
- Д) избегать неоднозначности.

77. максима качества связана с:

- А) релевантностью;
- В) истинностью;
- С) ясностью;
- Д) полнотой.

78. максима релевантности предполагает:

- А) логичность;
- В) соответствие теме;
- С) правдивость;
- Д) краткость.

79. Максима способа связана с:

- А) истинностью;
- В) ясностью выражения;
- С) количеством информации;
- Д) тематикой.

80. Нарушение максим может приводить к:

- А) ошибке;
- В) имплицатуре;
- С) грамматической аномалии;
- Д) синтаксическому сбою.

81. Имплицатура – это:

- А) прямое значение;
- В) грамматическая форма;
- С) подразумеваемый смысл;
- Д) лексическое значение.

82. Пресуппозиция – это:

- А) новая информация;
- В) подразумеваемое знание;
- С) коммуникативный центр;
- Д) логическое следствие.

83. Пресуппозиция сохраняется при:

- А) отрицании;
- В) вопросе;
- С) смене лица;
- Д) любом контексте.

84. Прагматический контекст включает:

- А) только языковую ситуацию;
- В) участников общения и условия;
- С) только текст;
- Д) только интонацию.

85. Прагматика тесно связана с:

- А) фонологией;
- В) дискурсивным анализом;
- С) словообразованием;
- Д) морфологией.

86. Прагматический подход учитывает:

- A) только форму;
- B) только систему;
- C) интенции говорящего;
- D) норму языка.

87. Прагматика объясняет различие между:

- A) языком и речью;
- B) значением и употреблением;
- C) формой и системой;
- D) словом и морфемой.

88. В прагматике значение рассматривается как:

- A) стабильное;
- B) контекстно-зависимое;
- C) формальное;
- D) историческое.

89. Прагматика возникла на стыке:

- A) фонетики и морфологии;
- B) семантики и философии языка;
- C) типологии и синтаксиса;
- D) грамматики и лексикологии.

90. Лингвистическая прагматика является:

- A) формальным направлением;
- B) функциональным направлением;
- C) историческим направлением;
- D) структурным направлением.

91. Дискурс – это:

- A) отдельное предложение;
- B) текст вне контекста;
- C) язык в социальном контексте;
- D) грамматическая структура.

92. Дискурсивный анализ изучает; :

- A) формы слов;
- B) язык в использовании;
- C) только письменные тексты;
- D) грамматику.

93. Дискурс отличается от текста тем, что:

- A) всегда устный;

- В) учитывает контекст и участников;
- С) не имеет структуры;
- Д) не связан с коммуникацией.

94. Одним из представителей дискурсивного анализа является:

- А) Т. ван Дейк;
- В) Н. Хомский;
- С) Л. Ельмслев;
- Д) А. Мартине.

95. Дискурс включает:

- А) только лингвистические факторы;
- В) социальные и когнитивные факторы;
- С) только грамматические средства;
- Д) только лексику.

96. Дискурсивный анализ ориентирован на:

- А) норму;
- В) употребление;
- С) форму;
- Д) структуру.

97. Дискурс рассматривается как:

- А) статический объект;
- В) процесс;
- С) система правил;
- Д) код.

98. Контекст в дискурсивном анализе включает:

- А) только ситуацию;
- В) только текст;
- С) социальные условия общения;
- Д) только интонацию.

99. Дискурсивный анализ тесно связан с:

- А) фонологией;
- В) прагматикой;
- С) морфологией;
- Д) этимологией.

100. Дискурсивный подход является:

- А) формальным;

- В) функциональным;
- С) структуралистским;
- Д) историческим.

101. Дискурсивный анализ изучает:

- А) предложения;
- В) сверхфразовые единства;
- С) морфемы;
- Д) фонемы.

102. Дискурс предполагает наличие:

- А) адресанта и адресата;
- В) только говорящего;
- С) только текста;
- Д) только системы.

103. Жанр является:

- А) грамматической категорией;
- В) дискурсивной категорией;
- С) лексической единицей;
- Д) фонетическим явлением.

104. Институциональный дискурс связан с:

- А) бытовым общением;
- В) официальными сферами общения;
- С) художественной речью;
- Д) диалогом.

105. Дискурс отражает:

- А) только язык;
- В) только культуру;
- С) взаимодействие языка и общества;
- Д) только структуру.

106. Дискурсивный анализ учитывает:

- А) нормы орфографии;
- В) коммуникативные стратегии;
- С) только синтаксис;
- Д) только лексику.

107. Дискурс может быть:

- А) только устным;
- В) только письменным;

- С) устным и письменным;
- Д) только диалогическим.

108. Дискурс всегда:

- А) изолирован;
- В) контекстуален;
- С) формализован;
- Д) нормативен.

109. Дискурсивный анализ возник в рамках:

- А) формализма;
- В) функционализма;
- С) младограмматизма;
- Д) структурализма.

110. Дискурс – это объект исследования:

- А) только лингвистики;
- В) только социологии;
- С) междисциплинарный;
- Д) философии.

111. Теория речевых актов связана с именем:

- А) Ф. де Соссюра;
- В) Дж. Остина;
- С) Л. Ельмслева;
- Д) Т. ван Дейка.

112. Речевой акт – это:

- А) грамматическая структура;
- В) высказывание как действие;
- С) форма предложения;
- Д) тип текста.

113. Дж. Серль развил идеи:

- А) Соссюра;
- В) Остина;
- С) Грайса;
- Д) Халлидея.

114. Локутивный акт – это:

- А) намерение;
- В) произнесение высказывания;
- С) эффект воздействия;

D) импликация.

115. Иллокутивный акт связан с:

- A) формой;
- B) намерением говорящего;
- C) контекстом;
- D) перцепцией.

116. Перлокутивный акт – это:

- A) структура;
- B) значение;
- C) эффект на адресата;
- D) форма.

117. Речевые акты классифицируются по:

- A) форме;
- B) функции;
- C) длине;
- D) стилю.

118. Директивы направлены на:

- A) сообщение;
- B) побуждение;
- C) выражение эмоций;
- D) оценку.

119. Ассертивы выражают:

- A) приказ;
- B) просьбу;
- C) утверждение;
- D) обещание.

120. Комиссивы предполагают:

- A) описание;
- B) обязательство говорящего;
- C) воздействие;
- D) оценку.

121. Экспрессивы выражают:

- A) факты;
- B) эмоции;
- C) инструкции;
- D) обещания.

122. Декларативы изменяют:

- A) эмоции;
- B) социальную реальность;
- C) форму;
- D) контекст.

123. Теория речевых актов относится к:

- A) формализму;
- B) функционализму;
- C) структурализму;
- D) историзму.

124. Речевой акт невозможен без:

- A) адресата;
- B) формы;
- C) синтаксиса;
- D) фонологии.

125. Теория речевых актов учитывает:

- A) только структуру;
- B) только значение;
- C) коммуникативную цель;
- D) норму.

126. Высказывание в теории речевых актов всегда:

- A) нейтрально;
- B) целенаправленно;
- C) формально;
- D) абстрактно.

127. Теория речевых актов тесно связана с:

- A) прагматикой;
- B) фонологией;
- C) морфологией;
- D) этимологией.

128. Успешность речевого акта зависит от:

- A) длины высказывания;
- B) условий уместности;
- C) грамматической формы;
- D) лексического состава.

129. Теория речевых актов объясняет:

- A) структуру языка;
- B) действие языка;
- C) историю языка;
- D) типологию языков.

130. Речевой акт – это единица:

- A) системы языка;
- B) речи;
- C) текста;
- D) дискурса.

131. Отечественная функциональная лингвистика развивалась в русле:

- A) формализма;
- B) функционализма;
- C) генеративизма;
- D) структурализма без функций.

132. Принцип функционализма предполагает:

- A) приоритет формы;
- B) объяснение формы через функцию;
- C) отказ от системы;
- D) историзм.

133. Казахстанская лингвистика активно использует:

- A) генеративные модели;
- B) функциональный подход;
- C) логический анализ;
- D) формальную семантику.

134. Отечественные исследования ориентированы на:

- A) изолированное изучение форм;
- B) язык в употреблении;
- C) только норму;
- D) только систему.

135. В отечественной традиции активно развивается:

- A) функциональная грамматика;
- B) формальная семантика;
- C) глоссематика;
- D) генеративная грамматика.

136. Функциональный подход применяется к анализу:

- A) только фонологии;
- B) грамматических категорий;
- C) алфавитов;
- D) орфографии.

137. Отечественная функциональная лингвистика связана с:

- A) практикой перевода;
- B) когнитивной психологией;
- C) философией;
- D) математикой.

138. Функциональный анализ в отечественной лингвистике учитывает:

- A) только форму;
- B) только систему;
- C) контекст и коммуникацию;
- D) только норму.

139. Функциональный подход используется при изучении:

- A) падежей;
- B) временных форм;
- C) наклонений;
- D) всех перечисленных.

140. Функциональная стилистика относится к:

- A) формальным направлениям;
- B) функциональным направлениям;
- C) историческим направлениям;
- D) типологии.

141. Отечественные функциональные исследования ориентированы на:

- A) теоретическую изоляцию;
- B) практическое применение;
- C) формальную абстракцию;
- D) логический анализ.

142. Функциональный подход способствует:

- A) формализации;
- B) объяснению языковых явлений;
- C) редукции значений;
- D) отказу от системы.

143. Отечественная функциональная лингвистика развивается в контексте:

- A) междисциплинарности;
- B) изоляции;
- C) монодисциплинарности;
- D) формализма.

144. Функциональный анализ используется в:

- A) переводоведении;
- B) обучении языкам;
- C) анализе текста;
- D) всех перечисленных.

145. Функциональный подход ориентирован на:

- A) норму;
- B) систему;
- C) употребление;
- D) форму.

146. Отечественная функциональная лингвистика учитывает:

- A) социальные факторы;
- B) когнитивные факторы;
- C) коммуникативные факторы;
- D) все перечисленные.

147. Функционализм в отечественной лингвистике:

- A) отрицает структуру;
- B) дополняет структурный анализ;
- C) игнорирует систему;
- D) исключает форму.

148. Функциональный подход рассматривает язык как:

- A) код;
- B) средство общения;
- C) абстракцию;
- D) модель.

149. Отечественная функциональная лингвистика ориентирована на:

- A) объяснение;
- B) описание без интерпретации;
- C) формализацию;
- D) редукцию.

150. Функциональная лингвистика в отечественной традиции является:

- A) второстепенной;
- B) центральной;
- C) вспомогательной;
- D) прикладной.

Ответы (ключи) к тестовым заданиям

1B	31C	61B	91C	121B
2C	32B	62B	92B	122B
3B	33B	63B	93B	123B
4B	34B	64C	94A	124A
5B	35B	65B	95B	125C
6B	36B	66C	96B	126B
7B	37B	67C	97B	127A
8B	38B	68B	98C	128B
9B	39B	69C	99B	129B
10C	40B	70C	100B	130B
11C	41B	71C	101B	131B
12B	42B	72B	102A	132B
13B	43B	73B	103B	133B
14B	44B	74C	104B	134B
15B	45B	75B	105C	135A
16B	46B	76C	106B	136B
17B	47B	77B	107C	137A
18B	48B	78B	108B	138C
19B	49B	79B	109B	139D
20B	50B	80B	110C	140B
21B	51C	81C	111B	141B
22C	52C	82B	112B	142B
23B	53B	83A	113B	143A
24B	54B	84B	114B	144D
25B	55B	85B	115B	145C
26B	56C	86C	116C	146D
27B	57C	87B	117B	147B
28B	58B	88B	118B	148B
29B	59C	89B	119C	149A
30B	60B	90B	120B	150B

Аббревиатуры и сокращения

ПЛШ – Пражская лингвистическая школа
ПШФГ – Петербургская школа функциональной грамматики
РРГ – Ролевая и референциальная грамматика
СФЛ – Системно-функциональная лингвистика
ТРА – Теория речевых актов
ТФГ – Теория функциональной грамматики
ФЛ – Функциональная лингвистика
ФСП – Функционально-семантическое поле
ФКГ – Функционально-коммуникативная грамматика

Литература

- 1 Маслова В. А. Лингвокультурология. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- 2 Жаналина Л. К., Никитина С. А., Эглит Л. В. и др. Современный русский язык : учебник / Авт.-сост.: Л. К. Жаналина, С. А. Никитина, Л. В. Эглит и др. – Алматы, 2002. – 556 с.
- 3 Bühler, K. Sprachtheorie: Die Darstellungsfunktion der Sprache. Jena: Gustav Fischer, 1934. – 434 s.
- 4 Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка. – М. : Рус. яз., 2001. – 288 с.
- 5 Ярцева В. Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия 1998. – 685 с.
7. Серебрянников Б. А., Кубрякова Е. С., Пустовалова В. И. и др. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира // Б. А. Серебрянников, Е. С. Кубрякова, В. И. Пустовалова и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
- 8 Мурашова Л. П. Осечественная функциональная лингвистика // Научный вестник Южного института менеджмента. – 2017. – № 1(17). – С.80–87. <https://sciup.org/14338950>
- 9 Киклевич А. К. Притяжение языка. Т. 2: Функциональная лингвистика. – Олыштын : Варминско-Мазурский ун-т, 2008. – 412 с.
- 10 Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 69–112.
- 11 Конюшкевич, М. И. Категория гоноративности и ее отношение к функциональной грамматике / М. И. Конюшкевич // Вопросы функциональной грамматики: сборник науч. трудов / Мин-во образования Республики Беларусь, Гродненский гос. ун-т им. Янки Купалы, Кафедра русского языка; отв. ред. М. И. Конюшкевич. – Гродно, 1998. – С. 25–35.
- 12 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М., 1982. – 368 с.
- 13 Кибрик А. Е. Куда идет современная лингвистика? // *Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы*. – М. : МГУ, 1995. – Т. 1. – С. 219.
- 14 Сабитова З. К. Новые лингвистические направления XX–XXI вв. / З. К. Сабитова // Философия. – 2011. – № 4. – С. 347–360.
- 15 Zawadowski A. Lingwistyczna teoria języka. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1966 – 498 p.

16 Jachnow Helmut. 1987. Sprachfunktionsforschung. eds. U. Ammon, N. Dittmar & K.J. Mattheier (eds.), Sociolinguistics. An International Handbook of the Science of Language and Society, Berlin – New York: Walter de Gruyter, First Volume. P. 612–626.

17 Михневич А. Е. Языковые потребности человека и общества (к постановке проблемы) : В кн. П. П. Шуба // Русский язык. – Вып. 5. – С. 3–34

18 Halliday M. A. K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning. – London : Edward Arnold, 1978. – 256 p.

19 Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. 2nd ed. – London : Edward Arnold, 1994. – 689 p.

20 Dik, Simon C. Functional Grammar. – Amsterdam : North-Holland, 1978. – 230 p.

21 Dik, Simon C. The Theory of Functional Grammar. Part 1: The Structure of the Clause. / Simon C. Dik; ed.by Kees Hengeveld. – 2nd, rev.ed. – Mouton de Gruyter, 1989. – 433 p.

22 William, A. Foley & R.D. Van Valin. Functional Syntax and Universal Grammar. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – 432 p.

23 Valin, Jr., Robert D. van. Exploring the Syntax-Semantics Interface. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 310 p.

24 Givón T. On Understanding Grammar. Rev. ed. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2018. – 323 p.

25 Givón T. Coherence in Text vs. Coherence in Mind. In M. A. Gernsbacher, & T. Givón (Eds.), Coherence in Spontaneous Text Philadelphia, PA – Amsterdam : John Benjamins, 1995. – P. 59–115.

26 Palmer M. The Application of Psychological Testing to Entrepreneurial Potential. *California Management Review*, 13(3), Original work published. 1971. – P. 32–38.

27 Степанов Ю. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. – 383 с.

28 Furdal A. Językoznawstwo otwarte. – Opolskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Wydział II Języka i Literatury, 1977, 154 s.

29 Janda L. A., Clancy S. J. The case book for Russian. – Slavica, 2002. – Т. 1. – 303 p.

30 Завадовский Ю. Н. Берберский язык. – М. : Наука, 1967. – 79 с.

31 Яхнов Х. Социалингвистика в России (90-е годы) // Русистика. Берлин, 1998. – № 1/2. – С. 15–26.

32 Vachek J. (ed.) U základu Pražské jazykovědné školy. – Prague : Academia, 1970. – 84 с.

33 Трубецкой Н. С. Основы фонологии. – М. : Изд-во Иностранной литературы, 1960, 372 с.

34 Firbas J. Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 239 p.

35 Норман Б. Ю. Функционализм в языке, в лингвистике и в лингводидактике / Б. Ю. Норман // Slavica Helsingiensia. С любовью к слову / Festschrift in Honour of Professor Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthday. – 2008. – № 35. – С. 262–276. <https://blogs.helsinki.fi/slavica-helsingiensia/files/2019/11/sh35-23.pdf>

36 Киклевич А. Языковое сознание и функциональная грамматика // Проблемы функциональной грамматики. – Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1999. – Вып. 5. – С. 182–189.

37 Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. – Cambridge : MA: MIT Press, 1965. – 251 с.

38 Jakobson, R. Essais de linguistique générale. – Paris : Éditions de Minuit, 1963. – 349 с.

39 Austin J. L. How to Do Things with Words. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 166 p.

40 Searle J. R. Speech Acts: FAn Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.

41 Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики : пер. с франц. А. М. Сухотина; под ред. Р. О. Шора. – М. : URSS, 2019. – 272 с.

42 Cercle Linguistique de Prague. Thèses présentées au Premier Congrès international des slavistes. // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. T. 1. Prague, 1929. – С. 5–29.

43

https://znaniarussia.ru/articles/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B6%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0

44 REPKA, R. The Prague school of linguistics and Halliday's systemic and functional grammar// Philologia. – 2021. – 31(1). – P. 165–177. https://www.fedu.uniba.sk/fileadmin/pdf/Sucasti/Ustavy/Ustav_filologicky_ch_studii/Philologia/Philologia_2021-1/PHILOLOGIA_XXXI_2021_1_165-177_Repka.pdf

45 Пражская лингвистическая школа/ Большая российская энциклопедия 2004–2017. <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/3165851>

46 Prague school. Encyclopaedia Britannica. <https://www.britannica.com/topic/Prague-school>

47 Halliday M. A. K. Notes on Transitivity and Theme in English Part I // Journal of Linguistics. – 1967. – № 3(1). – P. 37–81. <https://doi.org/10.1017/S0022226700012949>

48 Givón T. On Understanding Grammar. – New York : Academic Press, 1979. – 379 p.

49 Givón T. Functionalism and Grammar. Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing. 1995. – P. 486.

50 Әлкебаева Д. А. Функционалды грамматиканың негізгі нысаны – функция термині туралы // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2014. – № 2(148). – С. 22–26

51 Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. – Ленинград : Наука, 1983. – 208 с.

52 Жумабекова Б. К. Функционально-семантическое поле и категориальные ситуации повелительности (на материале казахского и немецкого языков): дис.... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 2009. – 149 с.

53 Щерба Л. В. Избранные труды по русскому языку. – М., 1957. – 188 с.

54 Бондарко А. В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 6. – С. 483–495.

55 Яли Д. Теория функционального семантического поля. А. В. Бондарко и китайские языковедческие исследования ФСП состояния // Культура и цивилизация. – 2021. – Т. 11. – № 5А. – С. 181–188.

56 Бондарко А. В. К проблематике функционально-семантических категорий // Вопросы языкознания. – 1967. – № 2. – С. 18–25.

57 Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. Языки славянской культуры. – М., 2002. – 736 с.

58 Бондарко А. В. К Теории поля в лингвистике – залог и залоговость // Вопросы языкознания. – 1972. – № 3 – С. 20–28

59 Бондарко А. В. Принципы построения функциональной грамматики славянских языков // Грамматические описания славянских языков. – М. : Наука, 1974. – 257 с.

60 Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : «Наука», 1973. – 350 с.

61 Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

62 Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб.пособие / А. Ю. Маслова. – 4-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 149 с.

63 Гальперин И. Р. Стилистика. – М. : Высшая школа, 1981. – 334 с.

64 Балабанова И. Я. Семантика и прагматика рекламного дискурса на материале французского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20. – Казань : 2004. – 198 с.

65 Abdugaffarova G.A.Q. The main areas of investigation of pragmalinguistics // Наука и образование сегодня. – 2019. – № 12 (47). – С. 42–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/the-main-areas-of-investigation-of-pragmalinguistics> (дата обращения: 05.10.2025)

66 Сабитова, З. Новые лингвистические направления XX-XXI вв. // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Krakow : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego Wydanie I, 2012. – С. 347–360.

67 Бацевич Ф. С. Вступ до лінгвістичної прагматики. – Киев : Академия, 2011 – 304 с.

68 Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.

69 Которова Е. Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Russian Journal of Linguistics. – 2019. – Т. 23. – № 1. – С. 98–115.

70 Бондаренко А. И. К проблеме соотношения семантики и прагматики: окказионализмы как прагма-семантические конверсивы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 12(54). – в 4-х ч. – Ч. 1. – С. 43–46

71 Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975. 232 с.

72 Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб., 1996. – 819 с.

73 Вежбицкая А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 251–275.

74 Плотников Б. А. Соотношение коммуникативного и прагматического аспектов языковых единиц // Коммуникативные единицы языка: тезисы докл. Всесоюзной научн. конф. – М., 1984. – С. 95-96.

75 Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Высшая школа, 1986. 295 с.

76 Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Апресян Ю. Д. Избранные труды : в 2-х т. – М. : Школа «Языки русской культуры», Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. 1995. – 767 с.

- 77 Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М. : Языки славянской культуры, 2010. – 480 с.
- 78 Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.
- 79 Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 333–349.
- 80 Сусов И. П. Семантика и прагматика предложения. – Калинин, 1980. – 52 с.
- 81 Cherry C. On Human Communication. Cambridge : The M.I.T. Press, 1966.
- 82 Растье Ф. Интерпретирующая семантика. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2001. – 367 с.
- 83 Culioli A. Notes du séminaire du D.E.A. – Paris : Université Paris VII; D.R.L., 1985. – 111 p.
- 84 Ducrot O. Dire et ne pas dire. – Paris, 1972. – 283 p.
- 85 Grice, H. P. (H. Paul). Studies in the way of words. Cambridge, Mass : Harvard University Press, 1991. – 394 p.
<http://hdl.handle.net/2027/heb.08428.0001.001>.
- 86 Strawson, P. F. (1950). On Referring. Mind, 59(235), 320–344
- 87 Frege G. Über Sinn und Bedeutung // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik, NF 100, 1892. – S. 25–50. https://cms-cdn.lmu.de/media/10_phil/fakultaetswebsite-philosophie/downloads/dokumente-pdf/textbeispiel_frege_sinn_und_bedeutung.pdf
- 88 Лингвистический энциклопедический словарь. Дискурс. <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/405/diskurs.htm>
- 89 Harris, Zellig S. Discourse Analysis // Language, vol. 28, no. 1, 1952, P. 1-30. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/409987>. Accessed 12 Jan. 2026.
- 90 Foucault, M. (1972). The Archaeology of Knowledge and the Discourse on Language. – New York : Pantheon Books. – 254 p.
- 91 Habermas, J. (1984). The Theory of Communicative Action, Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston : Beacon Press, 1984, vol. 1. – 512 p.
- 92 Van Dijk T. A. Discourse as Structure and Process. – London : Sage Publications, 1997. – 356 p.

93 Benveniste É. Problèmes de linguistique générale, tome I. Paris : Gallimard, 1966. – 637 p.

94 Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия. – С. 136–137.

95 Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века. М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 144-238.

96 Карасик В. И. О типах дискурса. – Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5–20.

97 Қайдар Ә. Халық даналығы: (қазақ мақал-мәтелдерінің түсіндірме сөздігі және зерттеу) / Ә. Қайдар; [жауапты ред. Ә.Айтбаев]. – Алматы : Тоғанай Т, 2004. – 559 б.

98 Матханова И. П. Поле состояния в современном русском языке: прототип и его окружение // Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры. – СПб., 2005. С. 103–113.

99 Жанпейісов Е. Қызметтік грамматиканың бастау ұғымдары // ҚР БЖҒМ мен ҰҒА Хабарлары. Филология сериясы. – 2003. – № 1. – С. 41–50.

100 Оразов М. Қазақ тілінің семантикасы. – Алматы : Рауан, 1991. – 216 б.

101 Төлеуп М. М. «Қазіргі қазақ тіліндегі себеп-салдарлықтың функционалдық аспектісі» : ф. ғ. к. дис. авторефераты. – Алматы, 2002

102 Жолшаева М. Қазақ тіліндегі аспектуалды семантика: форма және мазмұн Фил. Ғыл. док... дис... автореф. – Алматы, 2009. – 50 б.

103 Рысалды Қ. Категориялық жағдаят – функционалды грамматиканың негізгі ұғымдарының бірі // ҚР БЖҒМ ҰҒА Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы, № 2. – Алматы, 2009. – Б.28–32

104 Попова Л. В. Проблема качества лингвистического термина (На материале авторских терминосистем функциональной грамматики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Омск, 2004. – 198 с.

104 Сулейменова Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике. Алматы : Мектеп, 1989 г. – 160 с.

105 Махмудов Х. Х. Поэтика художественного текста. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 176 с.

106 Ахметжанова З. А. Принципы функционального сопоставительного исследования казахских русских языков : диссертация на соискательство уч. степени доктора филол. наук . – Алма-Ата, 1990. – 288 с.

Дополнительная

- 1 Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.
- 2 Dik S. The Theory of Functional Grammar. Part 2: Complex and Derived Constructions / Simon C. Dik; edited by Kees Hengeveld. –Berlin and New York: Mouton de Gruyter, 1997. – 477 p.
- 3 Dirven, R., and F. Fried (eds.). Functionalism in Linguistics. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1987. – 489 p.
- 4 Маслова В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М. : Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
- 5 Жаналина Л. К. Актуальные проблемы языкознания. Теория : учебно-методический комплекс дисциплины : учебное пособие / Л. К. Жаналина. – Алматы : Print-S, 2006. – 329 с.
- 6 Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – М. : Прогресс, 1985. – С. 222–223.
- 7 Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения / Н. И. Формановская. – М. : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 291 с.
- 8 Hasan R. Linguistics, Language, and Verbal Art. – Oxford : Oxford University Press, 1985. – 124 p.
- 9 Киклевич А. К. Притяжение языка. Т. 1: Семантика Лингвистика текста Коммуникативная лингвистика. – Олыштын : Варминско-Мазурский ун-т, 2007. – 412 с.
10. Киклевич А. К. Притяжение языка. Т. 2: Функциональная лингвистика. – Олыштын : Варминско-Мазурский ун-т, 2008. – 412 с.
- 11 Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. – London : Arnold, 1994. – 434 p.
- 12 Dik S. C. *Functional Grammar*. – Amsterdam : North-Holland, 1978. – 220 p.
- 13 Dik S. C. *The Theory of Functional Grammar*. – New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 477 p.
- 14 Foley W., Van Valin R. *Functional Syntax and Universal Grammar*. – Cambridge : CUP, 1984. – 416 p.
- 15 Givón T. *On Understanding Grammar*. – New York : Academic Press, 1979. – 379 p.
- 16 Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. – М. : 1990. – 262 с.
- 17 Золотова Г. А. *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. – М. : 1982. – 368 с.

- 18 Жаналина Л. К. *Номинация как форма речевой деятельности*. – Алматы : 1996. – 310 с.
- 19 Дресслер В. У. Против неоднозначности термина «функция» в «функциональных» грамматиках // Вопросы языкознания. – 1990. – № 2. – С. 57–64.
- 20 Киклевич А. К. *Лекции по функциональной лингвистике*. – Минск : Белорусский государственный университет, 1999. – 215 с.
- 21 Halliday M. A. K. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. – London : Edward Arnold, 1978. – 256 p.
- 22 Austin, J.L. *How to Do Things with Words*. – Oxford : Clarendon Press, 1962. – 168 p.
- 23 Searle J. R. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 206 p.
- 24 Jakobson R. *Essais de linguistique générale*. – Paris : Minuit, 1963. – 268 p.
- 25 Halliday M. A. K. *An Introduction to Functional Grammar*. – London : Arnold, 1994. – 424 p.
- 26 Halliday M. A. K., Matthiessen C. M. I. M., Halliday M., & Matthiessen, C. (2004). *An Introduction to Functional Grammar* (3rd ed.). Routledge. – 700 p.
- 27 Dik, S. *The Theory of Functional Grammar. Part 1: The Structure of the Clause* / Simon C. Dik; edited by Kees Hengeveld. – 2nd, rev.ed. – Berlin and New York : Mouton de Gruyter, 1997. – 550 p.
- 28 Dik, S. C. *Functional Grammar*. – Amsterdam : North-Holland, 1978. – 230 p.
- 29 Van Valin R. *Exploring the Syntax-Semantics Interface*. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 310 p.
- 30 Givón T. *Functionalism and Grammar*. – Amsterdam-Philadelphia : John Benjamins, 1995. – 486 p.
- 31 Hjelmslev L. *Prolegomena to a Theory of Language*. – Madison : University of Wisconsin Press, 1943. – 144 p.
- 32 Бацевич Ф. С. *Функционально-отражательное изучение лексики: теоретические и практические аспекты (на материале русского глагола) : текст лекций / Ф. С. Бацевич*. – Львов : Изд-во Львов. ун-та, 1993. – 170 с.
- 33 Веденина Л. Г. Функциональное направление в современном зарубежном языкознании // Вопросы языкознания. – 1978. – № 6. – С. 74-84.
- 34 Бондарко А. В. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. – 2-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.

35 Бондарко А. В. Теория значений в системе функциональной грамматики: на материале русского языка: монография. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 732 с.

36 Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др., АН СССР. Ин-т языкознания. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. – 262 с.

37 Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. / Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др.. – 2. изд., стер. – М. : УРСС, 2001. – 347 с.

38 Бондарко А. В. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 565–566.

39 Бондарко А. В. Функциональная грамматика. – Ленинград : Наука, 1984. – 135 с.

40 Галстян С. А. Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка (на материале испанского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Галстян Сона Артуровна. – М., 2016. – 200 с.

41 Киклевич А. К. Притяжение языка. Том 2: Функциональная лингвистика. – Олштын : Варминско-Мазурский ун-т, 2008. – 412 с.

42 Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.

43 Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М. : Наука, 1982. – 368 с.

44 Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М. : Наука, 1973. – 352 с.

45 Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий. / Отв. ред. В. В. Казаковская, М. Д. Войекова. – М. : Издательский дом ЯСК, 2020. 488 с.

46 Ширшикова А. А. Функционально-синтаксическая омонимия первичных простых предлогов (на материале современного русского языка): дисс... на соискание ученой степени канд. филол. наук: 10.02.19 / Ширшикова Анна Александровна. – Екатеринбург, 2021. – 272 с.

47 Кронгауз М. А. Семантика / М. А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2005. – 352 с.

48 Остин Дж. Избранное / Дж. Остин; пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. – М. : Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 1999. – 332 с.

- 49 Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике.: Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
- 50 Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов / отв. ред. Б. Ю. Городецкий. – М. : Прогресс, 1986. – Вып. 17. – С. 195–222.
- 51 Сусов И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с.
- 52 Grice H. P. Logic and Conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y. : Academic Press, 1975. – P. 41–58.
- 53 Holtgraves T. Language as Social Action: Social Psychology and Language Use / t. Holtgraves. Mahwah, N. J. : Erlbaum, 2002. – 238 p.
- 54 Leech G. Principles of Pragmatics / G. Leech. – L : longman, 1983. 250 p.
- 55 Watts R. J. Politeness / R. J. Watts. – N. Y. : Cambridge University Press, 2003. – 314 p.
- 56 Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация = Познание: сборник работ : пер. с англ. яз. / под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – 310 с.
- 57 van Dijk, Teun A. Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008.
- 58 Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. <https://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/index.htm#196>
- 59 Benveniste É. Problèmes de linguistique générale. – Paris : Gallimard, 1974. – 288 p.
- 60 Harris Z. S. Discourse Analysis // Language, 1952. – V. 28. – No. 1. – P. 1–30. <https://www.jstor.org/stable/409987>
- 61 Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1974. – 245 p.
- 62 Searle J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 1969. – 203 p.
- 63 Habermas J. The Theory of Communicative Action. V. 1: Reason and the rationalization of society. – Boston : Beacon Press, 1984. – 512 p.
- 64 Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. 17: – С. 118–130.

65 Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.

66 Searle, John R. (1975). A Taxonomy of Illocutionary Acts. Retrieved from the University Digital Conservancy, <https://hdl.handle.net/11299/185220>.

67 Searle J. R. Speech Acts. An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173438>

68 Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1986. – Вып. 17. – С. 151–169 <http://www.philology.ru/linguistics1/searle-86.htm>

69 Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford : Clarendon Press, 1962.

70 Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. London : Edward Arnold, 1994.

71 Жаналина Л. К., Фот Л. В. Лингвистика в поисках объекта // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3 (67). – С.124–128. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-v-poiskah-obekta> (дата обращения: 03.09.2025).

72 Жаналина Л. К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины : Учебное пособие. – Алматы : Print-S, 2006. – 360 с.

73 Ахметжанова З. К., Мусатаева М. Ш. Актуальные проблемы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. – Алматы, 2013. – 231 с.

74 Карлинский А. Е. Методология и парадигмы современной лингвистики. – Алматы, 2009. – 352 с.

75 Сулейменова Э. Д. Актуальные проблемы казахстанской лингвистики: 1991–2001. – Алматы : «Арыс», 2001. – 84 с.

76 Жолшаева М. С Қазақ тілі: функционалды грамматика : оқу құралы / М. С. Жолшаева. – Алматы : «Print Word» баспасы, 2016. – 137 б.

Содержание

	Введение	3
1	Теоретико-методологические основы функциональной лингвистики	4
1.1	Научные направления и школы: структурная и прикладная лингвистика	4
1.2	Новая парадигма знаний и место в ней функциональной лингвистики	5
2.1	Объект и предмет функциональной лингвистики. Основные научные направления	8
2.2.	Функционализм как методология лингвистического знания	15
2.3	Принципы анализа языка в функциональной лингвистике	19
3	Зарубежный лингвистический функционализм	23
3.1	Функция как категория лингвистики	23
3.2	Истоки функциональной парадигмы	26
	Функциональная грамматика как одно из направлений функциональной лингвистики	35
4.1	Понятие функциональной грамматики	35
4.2	Петербургская школа функциональной грамматики. Концепция А. В. Бондарко	36
4.3	Функционально-коммуникативная грамматика Г.А. Золотовой	44
	Лингвистическая прагматика	50
5.1	Основные концепции лингвопрагматики	50
5.2	Основные принципы прагматики. Импликатура. Пресуппозиция и прагматический контекст	60
	Дискурс. Дискурсивный анализ.....	69
6.1	Понятие дискурса	69
6.2	Основные подходы и категории дискурсивного анализа	73
	Теория речевых актов	79
7.1	Язык и речь в функциональной парадигме. Речевая деятельность в функциональной интерпретации	80
7.2	Классификация речевых актов по Дж. Л. Остину	81
7.3	Классификация речевых актов по Дж.Р. Серлю	83
	Отечественная функциональная лингвистика	91
8.1	Принцип функционализма в казахстанской лингвистике	91
8.2	Функциональный подход Ахметжановой З.К.	99

Тесты для проверки знаний	104
Ответы (ключи) к тестовым заданиям	126
Аббревиатуры и сокращения	127
Литература	128

Б. К. Жумабекова

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Учебное пособие

Технический редактор З. С. Исакова
Компьютерная вёрстка О. В. Саула

Подписано в печать 13.04.2026 г.

Гарнитура Times.

Формат 29,7 х 42 ¼. Бумага офсетная.

Усл.печ.л. 8,2 Тираж 300 экз.

Заказ №4527

Toraighyrov University
140008, г. Павлодар, ул. Ломова, 64